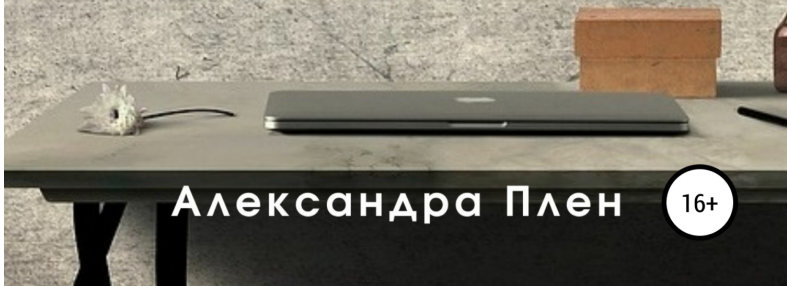
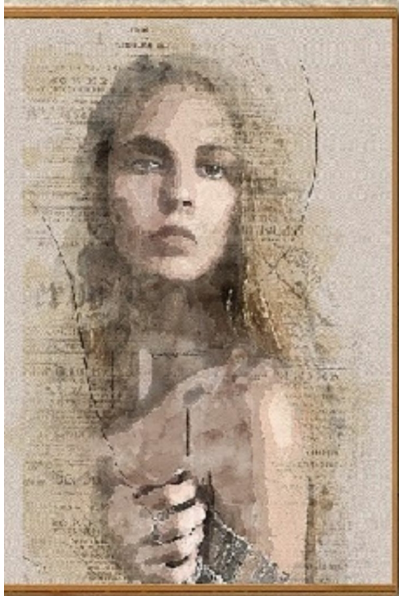

Π Ο Ρ Τ Ρ Ε Τ

Александра Плен

16+

Александра Плен

Портрет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65300578

SelfPub; 2021

Аннотация

В тот миг, когда я впервые увидела свет, я не знала ничего. Полуслепая, парализованная, жалкая и безмозглая, я барахталась в абсолютном небытии, стараясь не сойти с ума. Все было размытым, непонятным, и только одно лицо стояло передо мной – лицо моего Создателя. Для меня он был центром Вселенной, всемогущим и всеильным. Я не понимала ни слова из того, что говорили вокруг, не знала кто эти тени, снующие повсюду, почему то светло, то темно, то тихо, то громко. Я проваливалась в беспамятство и опять выныривала на свет, по зову моего Творца. Он называл меня Лаурой. А когда становилось темно и в комнате зажигались маленькие огоньки, он подходил ко мне и часами рассматривал мое лицо, лихорадочно бормоча что-то себе под нос. Его глаза блестели безумием и это немного пугало. Он шептал, что любит меня, обожает, все на свете отдаст за меня... Я силилась ответить, что не понимаю, о чем он говорит, не знаю, что такое любовь, что такое страсть. Но не могла. У меня не было голоса.

Александра Плен

Портрет

Я родилась в 1514 году. Наверное. Дата не точная, так как первую сотню лет я помню урывками. Потом, через много веков, научившись читать, писать, научившись жить, я отыскала упоминание о жутком несчастье, постигшем грешников, и каре, которая была наслана на их головы. И вспомнила, что в год моего рождения погасло солнце. Сопоставила с годами жизни учителя моего Творца и придумала дату.

Это потом... А тогда, в день, когда впервые увидела свет, я не знала ничего. Полуслепая, парализованная, жалкая и безмозглая, я барахталась в абсолютном небытие, стараясь не сойти с ума.

Я была новорожденным ребенком, испуганным, растерянным, беспомощным. Все было размытым, непонятным, и только одно лицо стояло передо мной – лицо моего Создателя. Для меня он был центром Вселенной, всемогущим Богом, всеильным и благородным. Я не понимала ни слова из того, что говорили вокруг, не знала, кто эти тени, снующие повсюду, почему-то светло, то темно, то тихо, то громко. Я проваливалась в беспамятство и опять выныривала на свет, по зову моего Творца.

Он называл меня Лаурой. А когда становилось темно, и в комнате зажигались маленькие огоньки, подходил ко мне и

часами рассматривал мое лицо, лихорадочно бормоча что-то себе под нос. Его глаза блестели безумием, и это немного пугало. Он шептал, что любит меня, обожает, все на свете отдаст за меня. . . Я силилась ответить, что не понимаю, о чем он говорит, не знаю, что такое любовь, что такое страсть. Но не могла. У меня не было голоса.

Дни сменяли ночи, я выросла, начала понимать язык, отдельные слова, фразы. Отличать лица детей от взрослых, слуг от господ. Смысл многого еще ускользал от меня, но я старательно училась, тем более что Создатель все время находился рядом, подолгу разговаривал, трогал меня, любился мной, и я становилась сильнее.

Иногда я видела прелестную девушку, которая заходила к нам в комнату и нежно улыбалась моему Создателю. Толпа служанок всегда сопровождала ее. Девушка садилась сзади меня, шуршала тканью, вышивая узоры на покрывале, иногда что-то пела тихим мелодичным голосом. Когда она приходила, Создатель смотрел только на нее, и его глаза сияли. Потом, спустя некоторое время, как-то приглядевшись, я увидела себя в отражении его зрачков и догадалась, что мое лицо было копией лица той девушки, перенесенное на плоский кусок ткани, натянутый на деревянную рамку.

Меня рисовали для жениха доньи Лауры, дочери дона Хуана де Монтиньонес, величайшего рыцаря, потомка первых крестоносцев и участника последнего крестового похода. После того, как картина будет закончена, я отправлюсь на

север, в Таррагону, к дону Родригесу Пуэрто, богатейшему феодалу Каталонии. Свадьба должна состояться через год. Лауре исполнится шестнадцать, а жениху, увы, пятьдесят. Суженые ни разу не виделись в своей жизни, вот для этого отец Лауры и пригласил в замок молодого, талантливого художника, ученика самого Микеланджело Буонарроти, чтобы тот нарисовал портрет его единственной дочери. Откуда же ему было знать, что художник без памяти влюбится в девушку, и что девушка полюбит красивого талантливого юношу?

Холстом служил небольшой отрез полотна, привезенный предками дона из первого крестового похода. Его обнаружила служанка Лауры в забытых сундуках на чердаке. Хуан де Монтиньонес не помнил, почему ткань была спрятана. Почему ее не использовали раньше, ведь сундуки давно распотрошили, забрав все стоящее, что было привезено из походов – золото, камни, шелка и благовония. А кусок полотна все лежал на дне ларца, потерянный, пыльный, но на удивление крепкий и прочный. Дон не позволил рисовать любимую дочь на одном из холстов, привезенных художником с собой. Спорить с ним было бесполезно, поэтому слуги, по приказу Хуана, принялись искать ткань, которая бы подошла к картине, была бы достаточно грубой, добротной и подходящих размеров. Нашли. «Наверное, она когда-то что-то стоила», – сказал дон и разрешил Создателю ее использовать как холст. Все это я узнала из отрывочных разговоров прислуги, шепотков горничных и сплетен домочадцев.

Сам Хуан де Монтиньонес не заходил в нашу комнату. Я увидела его только раз, в день, когда Создатель закончил меня рисовать. Дон был очень рассержен. Он кричал, что не этот портрет он заказывал. Что мой Создатель бездарь и обманщик, что не заплатит ему ни песо. Что ему не нужна эта мазня, и пусть он катится ко всем чертям вместе с ней...

Я понимала через слово, меня охватили страх и паника. Рядом плакала донья Лаура, мой Создатель оправдывался. Он говорил, что так видит девушку, что старая школа устарела, а в конце... что он не позволит сломать судьбу Лауры, не позволит выйти замуж за старика, что он любит ее. Наверное, это стало последней каплей. Дон что-то гневно выкрикнул, в комнату вбежали несколько человек. Создатель успел сдернуть меня с мольберта и запихнуть холст за пазуху. Больше я ничего не помнила.

В следующий раз я открыла глаза в темной пыльной комнате, заставленной сломанной мебелью. Чердак? Подвал? Мой Создатель пристально рассматривал меня, молитвенно сложив руки на груди. Его щеки пылали нездоровым румянцем, глаза впали, волосы грязными прядями спадали на блестящий лоб. Я забеспокоилась. Что с ним случилось? Он заболел?

Создатель хрипло шептал: "Лаура, любимая, помнишь ли ты меня? Я приду за тобой. Я украду тебя"... Его воспаленная энергия вливалась в меня странной будоражащей силой. Он отдавал мне свои жизненные соки, истощая себя. Мне

хотелось крикнуть: «Не нужно! Иди к лекарю! Позаботься о себе! Лаура для тебя потеряна навеки!», но он накрыл меня тканью, и я опять пропала надолго.

Я с трудом выбиралась из небытия. В голове вспыхивали какие-то воспоминания. Красавица с белокурыми волосами. Крики, плач, безнадежные стоны. Где я? Кто я? Темнота рассеялась. Я увидела перед собой двух грузных, небрежно одетых мужчин. Они стояли перед мольбертом, на котором я висела и мерзко усмехались.

– Эта пойдет, – произнес один из них, протягивая ко мне грязные руки.

Я сжалась от страха.

– Ты что? – второй удивленно уставился на первого. – Девка какая-то худая, простоволосая. В балахоне. Она не стоит двух золотых.

– Она не продается... – из глубины комнаты донесся сдавленный стон. – Выберите другую картину.

Мой Создатель? Что с ним? Я силилась рассмотреть что-то в темноте, но мужчины закрывали обзор.

– Другие еще хуже, – произнес второй, – отдавай долг или убирайся. Один день на выселение. А говорили знаменитый художник, талант. Тьфу.

Мужчина в сердцах махнул рукой и бросил на меня покрывало. Хлопнула дверь. Ушли? Я прислушивалась к тяжелому дыханию Создателя, мне было страшно. Что происходит? Кто эти люди? Я старалась оставаться в сознании и не

провалиться опять в небытие, где пустота и беспомыслие. Вдруг покрывало сползло, и передо мной появилось знакомое дорогое лицо.

– Лаура... – хрипло выдохнул Создатель и закашлялся.

Сгустки крови текли по подбородку. Как же он исхудал! Впалые щеки уже не пламенели, их покрывала болезненная восковая бледность. Глаза лихорадочно блестели, тонкие худые руки вцепились в раму.

– Лаура... Как ты могла предать нашу любовь? – Создатель опять зашелся в ужасающем кашле, костлявая грудь содрогалась от мучительных спазмов. – Лаура, я так любил тебя... – прошептал он в последний раз и упал перед мольбертом.

Я со страхом смотрела на неподвижное тело. Что с ним?! Почему он не двигается?! Он заснул? Что случилось? Лаура предала его? Я попыталась крикнуть, позвать на помощь, но не могла. Из горла не вылетало и звука. Я в панике металась всю ночь, запертая в деревянной рамке, не в силах ничего сделать, вынужденная смотреть на застывшего на полу в оцепенении Создателя.

Утром в комнату вошли двое вчерашних посетителей.

– Сдох художник... – произнес один из них, коротко взглянув на тело. – Чихотка не щадит никого.

Я очнулась и в смятении уставилась на говорившего. Что такое «сдох»?

– А деньги? – спросил второй. Первый быстро огляделся.

– Наскробем что-нибудь... Вон две картины стоят, эта, – он кивнул в мою сторону, – заворачивай, да поживее.

Меня накрыли покрывалом, и мир исчез.

И только через несколько лет, висая в гостиной, где стоял гроб с телом ростовщика, я узнала, что означает слово «сдох». Это значит умер. Навсегда.

Я много странствовала по свету. Сначала висела в домах богатых купцов, фермеров. Однажды даже побывала в борделе. Насмотрелась всякого и многому научилась. Изучила анатомию мужчин и женщин, их повадки, скрытые желания. Узнала, как рождаются дети, и как взрослеют. Видела смерть во всех ее проявлениях. Из-за старости, болезни и удара шпагой. Из-за разбитого сердца и разорений. Видела любовь, страсть, ненависть, злобу, предательство. Я училась отличать, что такое хорошо и что такое плохо. Училась размышлять, анализировать.

Спустя время меня передали в какой-то музей. Я висела в одной из длинных галерей. Мимо меня прохаживались дамы в пышных платьях, мужчины во фраках. Иногда мной восхищались, иногда кривились от омерзения. Когда в меня влюблялись молодые юноши, я чувствовала такой сильный прилив сил, что почти все время пребывала в сознании, учила много новых слов и фраз, радовалась и грустила вместе с людьми, окружавшими меня.

А бывало, я находилась в небытие очень долго, пролетали десятки лет в абсолютном безмолвном ничто. Я лежала

забытая на чердаке или стояла укрытая покрывалом в запасниках музея. Тогда я исчезала из этого мира, растворялась в пустоте, и даже лицо моего Создателя стиралось из памяти.

Уходили прочь века, менялись эпохи, культура, мода. Меня то вешали на самое видное место в лучших залах, то снимали, прятали с глаз долой. Мое лицо было то «удивительно прекрасно», то «не модно» или «не интересно». Поэты сочиняли баллады, воспевали мою красоту в стихах, потом исчезали, пропадали без вести, находили иных муз для восхищения. Летело время, и уже другие лица мелькали передо мной. Я жила, подпитываясь энергией влюбленных, выныривая из небытия только для того, чтобы выучить новый язык или рассмотреть современную моду на шляпки и платья.

Иногда в мой мир приходили несчастья. Однажды меня взяли на реставрацию, и я несколько лет провела в подвале, видя перед собой только скучное невыразительное лицо пожилой женщины. Чувства затухали, уплывали воспоминания, и больше ничего не радовало в этом мире. Я заснула, исчезнув из реальности. А проснулась только тогда, когда в меня влюбился молодой юноша. Он часами простаивал возле стены, на которой я висела, и смотрел, смотрел, не отрывая взгляда. Застенчивый, простодушный и милый. Его глаза сияли любовью, и это было прекрасно. Я ни разу не видела себя полностью и не могла понять, что всех их так привлекало во мне?

Да, та Лаура, которая служила моделью, была очень кра-

сива в жизни. У нее были длинные, по пояс, белокурые волосы и нежная кожа. Ее руки – белые лилии, а гибкий стан – само изящество и царственность. Она была деликатным изысканным цветком, прекрасным, воздушным, женственным. Ее голос был тих и музыкален, бархатные глаза опущены вниз, а сочные яркие губы звали к поцелуям. (Половину данных дифирамбов ее красоте я услышала от Создателя и только спустя многие годы поняла, что они значат).

Но как он ее нарисовал? Как представил? Как изобразил? Провисев долгое время в музеях, я узнала, что существуют многочисленные школы и течения в живописи. Например, я нахожусь в зале классицизма, но есть залы импрессионизма, модернизма, кубизма.

Значит ли это, что я ее точная копия? Но ведь многим я не нравилась. Вначале меня часто продавали, я годами лежала на чердаках и только после того, как меня признали антиквариатом (что это такое, я до сих пор не знаю, но что-то очень важное и дорогое), я обрела ценность.

Конечно, я понимала, что я – картина. Нарисованное изображение на куске ткани. Понимала, чем люди отличаются от меня, что такое живая и не живая материя. Я – не живая. У меня нет тела, сердца, пульса и температуры. Я не могу говорить, ходить, спать, есть. Но все же, я не мертвая. Пусть я не дышу, но зато думаю, чувствую, учусь, запоминаю.

Я висела долгие годы в разных музеях, разных городах

и странах. Повидала тысячи и тысячи посетителей, выучила много языков и наречий (когда тридцать-пятьдесят лет слышишь какой-то язык, волей неволей научишься его понимать).

Смотрела вокруг себя и видела сотни подобных мне портретов. Неужели они тоже чувствуют? Неужели они так же, как и я, заперты в клетке и кричат от отчаянья? Вот женщина, висящая напротив меня. Она смотрит мне в глаза, кажется – ей больно. Ни бархатное платье, ни драгоценности не спасают от дикого, бесконечного одиночества. А тот старик, немного левее? В его морщинистом лице вселенская грусть и усталость. Страшно осознавать, что это навечно. Сотни лет проходят мимо, а я живу за счет эмоций и восхищения влюблённых юношей. Пусть хоть так, к тому бедному старику вообще никто не подходит. Наверное, он все время спит.

Юноша читал мне стихи. Шепотом, чтобы никто не слышал. В меня вливалось огромное количество энергии, чистой, светлой, прекрасной. Она пульсировала во мне ярким солнышком, и даже посетители замечали, что я как будто светила. «Смотрите, она сияет!» – говорили они, рассматривая меня, собираясь вокруг полотна. И их восхищение согревало меня еще больше.

А потом началась война. Юноша бесследно исчез, посетителей стало гораздо меньше. По залу ходили озабоченные работники музея и о чем-то нервно шептались. Я слышала новые слова «оккупация» и «эвакуация». Что они означали?

Через некоторое время работники принялись снимать картины со стен и упаковывать в ящики. Меня накрыли тканью, и я пропала.

В подвал вошли двое мужчин. Первый, светловолосый худощавый в модном костюме от Бриони выглядел настоящим пижоном. Аккуратная прическа волосок к волоску, темный галстук, голубая рубашка, туфли ручной работы, невозмутимый холеный вид человека, привыкшего идти по жизни легко, не напрягаясь. Второй был одет проще. Потертые джинсы, рубашка-поло, сношенные кроссовки. Его не слишком презентабельный вид был обманчивым. Денег у второго мужчины было гораздо больше, чем у первого, но ему было не с руки демонстрировать свое богатство, ведь его бизнес был не совсем законным.

– Вот здесь я храню самые ценные экземпляры, – произнес второй мужчина и сопроводил слова широким приглашающим жестом.

Подвал представлял собой просторную квадратную комнату, сухую, хорошо освещенную. Климат-контроль поддерживал постоянную комфортную температуру. Неудивительно, ведь здесь хранились самые дорогие и редкие картины. Вдоль стен стояли стеллажи с аккуратными надписями. Мужчина в джинсах подошел к одному из них и вытащил прямоугольный кейс. Потом открыл футляр и поставил плотно на треногу.

– Если я хорошо тебя знаю, Джордж, то эта должна тебе понравиться, – произнес он и замолчал, давая первому рассмотреть изображение.

Пижон, до этого момента хранивший молчание, восторженно присвистнул. На красивом породистом лице отразилось восхищение.

– Это невероятно, – через некоторое время произнес он. – Сколько ты за нее хочешь?

– Двести тысяч.

Владелец подпольной галереи, Алан Мерфи, знавший Джорджа Олдриджа еще по колледжу, был горд за себя, ему удалось удивить этого высокомерного ублюдка. Так студенты называли Джорджа между собой. Тот знал прозвище, но ему, как всегда, было плевать на то, что о нем говорили.

– Шестнадцатый век, школа Микеланджело, прекрасное состояние, – перечислял Алан достоинства полотна.

– Почему так дешево? – Джордж был озадачен.

Шестнадцатый век? Она должна стоить минимум втрое дороже.

– Увы. Картина только для частной коллекции, – Алан внимательно смотрел на товарища, – в последний раз ее видели в пражской картинной галерее в тысяча девятьсот сорок первом году. Потом она исчезла, след ее потерялся. Понимаешь?

Блондин небрежно пожал плечами. Все знают, что во время войны столько картин пропало, что черный рынок кол-

лекционером будет обеспечен полотнами еще на сотню лет вперед. От другой картины его бы отвратило это обстоятельство, но не от этой.

– Кто автор? – Джордж до сих пор не мог оторвать взгляда от полотна.

– Какой-то неизвестный художник, – произнес Алан, – подпись неразборчива, поэтому и цена низкая. Вообще с ней странная история. Первое упоминание о картине я нашел в каталоге Каподимонте за тысяча восемьсот пятидесятый год. Она лежала в запасниках. То ли не знали, в какой зал повесить, то ли собирались реставрировать. Но ты только представь! Три столетия она где-то путешествовала и дошла в Каподимонте в таком прекрасном состоянии.

– Но она не соответствует классическому ренессансу, – удивился Джордж, – скорее классицизму. Дата точная?

– Краску брали на спектральный анализ. Начало шестнадцатого века, а вот холст гораздо древнее, – ответил Алан, – более тщательные исследования не проводились. Собирались, но началась война.

– Ла-у-ра, – блондин склонился над картиной и по слогам прочитал надпись, потом отошел на пару шагов назад и словно зачарованный уставился на полотно, – ты прекрасна, Лаура. Ты знаешь это?

Полотно было средних размеров, высотой около тридцати дюймов, шириной пятнадцать. Почти всю площадь занимала чернота. В центре белым пятном была нарисована босо-

ногая девушка с непокрытой головой, в длинной ночной рубашке, со свечей в руке. Скорее всего, она находилась в коридоре или узком проеме, так как ее левая рука опиралась на едва различимую каменную стену. За спиной девушки клубились странные тени, размытые и зловещие. Тьма словно окутывала ее, пытаясь увлечь или поглотить. И только маленький круг света, отбрасываемого огоньком свечи, освещал дорогу. Девушка собиралась идти вперед, в темноту, но медлила. Это было понятно по согнутой в колене правой ноге. Рубашка немного натянулась на бедре, очерчивая контур совершенной фигуры красавицы. Лицо ее было прекрасно. Тот, кто хоть раз увидел бы его не смог бы забыть никогда. Оно сияло юностью и очарованием. Все в нем – губы, глаза, скулы, лоб – вместе создавали непередаваемую гармонию идеальной красоты. У Джорджа защемило сердце от странной тоски. Увы. Такое совершенство может быть только нарисованное.

Распушенные золотистые волосы девушки падали ниже талии, тонкие пальцы изо всех сил сжимали свечу. Девушка словно понимала – если свеча погаснет, то исчезнет и она, бесследно растворившись во мраке. В широко раскрытых глазах застыло ожидание, тревога и... надежда.

– Когда я смогу ее забрать? – Джордж с трудом оторвал взгляд от картины и посмотрел на Алана.

– Как только переведешь деньги, – улыбнулся тот, – я лично доставлю ее тебе в лучшем виде.

– Думаю, через пару дней, – блондин, бросив последний взгляд на полотно, развернулся к выходу, – на прошлой неделе издательство выплатило гонорар, так что я теперь богач.

– Поздравляю. Ты теперь знаменитость. – Алан поместил «Лауру» в кейс и поставил на стеллаж.

Выключив свет, друзья отправились наверх, а подвал погрузился в темноту.

Джордж с нетерпением ожидал приезда Алана. Картина его заворожила. Ему даже приснился сон, где девушка идет к нему по длинному темному коридору.

Деньги он перевел на следующий день. Правда, пришлось выслушать по телефону долгую нравоучительную беседу своего брокера. Тот сетовал на то, что выбрасывать двести тысяч евро за Ролекс крайне неразумно, даже если он сделан в единственном экземпляре. Что Джордж лишь недавно стал состоятельным, а до этого времени вообще снимал квартиру и перебивался случайными заработками. Что он живет в долг у издательств, и все такое прочее.

Джордж отмел возражения как ненужный мусор. Что-что, а вести себя высокомерно и заносчиво он умел. Ему нужны эти часы и все тут. На самом деле у него был Ролекс, купленный в прошлом году. Но отличить часы за десять тысяч евро или за двести брокер вряд ли сможет, тем более что Джордж не собирался их ему показывать.

Алан доставил полотно на остров, как обещал. И даже помог повесить его в кабинете. «Лаура» прекрасно вписалась

между книжным шкафом и комодом, как раз напротив письменного стола.

– Как будешь прятать? – поинтересовался Алан, когда друзья уселись на диван с бокалами виски, – я бы не советовал держать картину на виду. Пусть она и неизвестна в широких кругах, но мало ли.

– У меня приходящие уборщицы, две сербки. Вряд ли они разбираются в тонкостях живописи, – отмахнулся Джордж, – Изи я могу рассказать, а больше никто меня не посещает. Если вдруг гости нагрянут – просто запру кабинет.

– Ну как знаешь. Я бы спрятал подальше.

– Я хочу ее видеть постоянно. Иначе придется перенести кабинет в подвал, чего мне бы очень не хотелось, – сейчас, когда «Лаура» висела перед ним, Джордж прекрасно себя чувствовал, мог шутить и улыбаться.

Он до последней секунды сомневался, что все сложится, как надо. Что всего за двести тысяч он приобрел этот изумительный антиквариат, на который ему никогда не надоест смотреть.

– И чем же она тебе так приглянулась? – весело поинтересовался Алан.

Он знал Джорджа давно. В колледже студенты называли Джорджа снобом, папенькиным сынком, высокомерным зазнайкой. И вдруг такая страсть к картине.

– Не знаю, как объяснить, – блондин наклонился вперед, не отрывая взгляд от полотна, – мне словно хочется ее спа-

сти. Подойти ближе, укутать в теплый плащ, напоить чаем, усадить к себе на колени, согреть в ладонях босые ступни. Мне хочется убить дракона, прячущегося в темноте за ее спиной, завоевать ее сердце. Стать лучше, благороднее, честнее. Стать достойным ее.

– О-о-о-о... – захохотал Алан, хлопая Джорджа по плечу, – вот поэтому ты писатель, а я нет. Сейчас ты точно передал, что я сам чувствую, когда смотрю на «Лауру».

– Почему же ты ее себе не оставил? – когда деньги переведены и картина висит у него в кабинете, Джордж мог задать этот вопрос без ревности и подозрительности.

– Бизнес – прежде всего, – вздохнул Алан, – рыцарство не по мне. Излишняя честность и справедливость вредит моей торговле.

Джордж с восхищением смотрел на нарисованную красавицу. Он был избалован красотой с детства. В его семье этого добра хватало. Все поколения Олдридж собирали по миру лучшие экспонаты живописи, фарфора, бронзы. Мать Джорджа коллекционировала драгоценности, а отец – раритетные ружья. У деда была тайная комната, где он прятал яйца Фаберже и монеты ацтеков.

Олдриджи на протяжении трех поколений занимались гостиничным бизнесом. Они строили отели в Европе и Азии, в Америке и Африке. Старшего сына с малолетства готовили к продолжению семейного бизнеса. Джордж учился в лучшей частной школе Англии, а Оксфорд стал закономерным про-

должением обучения.

Свобода странно повлияла на наследника империи. Состоятельный красавец блондин, в дизайнерской одежде, с личным водителем, не обделенный интеллектом и талантами в первый год учебы наслаждался всеми привилегиями, что давали деньги и слава. Выпивка, девушки, вечеринки, азартные игры, нескончаемое веселье и кутеж. Ему даже ничего не приходилось делать – все происходило само по себе. Стоило поманить пальцем – любая красотка падала ему в объятия. Студенты наперебой старались попасть к нему домой, набивались в друзья. Был бы он чуть глупее, то вряд ли смог бы совмещать учебу с развлечениями. А так – ему с легкостью удавалось и то, и другое. Гордыня потихоньку завладела Джорджем.

Весь мир лежал у его ног. У него было все, и он решил, что может все. Даже спорить с отцом. Тому не нравился разгульный образ жизни старшего сына, огромные траты, жалобы от преподавателей. Он урезал ему бюджет раз, второй. Дальше больше.

То, что началось как акт неповиновения, превратилось в непримиримую войну. На третьем курсе Джордж решил, что юридический факультет ему не подходит. Кодексы, акты и постановления нагоняли скуку, от цифр сводило скулы. Был ли это осознанный шаг или месть отцу? Джордж до сих пор не знал. А подтолкнул его профессор Корвин Пинс, который преподавал в университете литературу. Они много беседо-

вали после лекций, можно сказать, даже подружились, если у высокомерного выскочки, каким являлся Джордж, могли быть друзья. Профессор был первым, кто открыл глаза на его памфлеты и юмористические статейки в стенгазету.

– Нельзя зарывать талант в землю, мистер Олдридж, – сказал как-то преподаватель, – ибо всякому имеющему да приумножится, а у не имеющего да отнимется.

Джордж удивленно уставился на профессора. Он никогда не принимал литературный дар всерьез. В детстве он сочинял стихи маме на день рождения, родственники веселились от его метких смешных рецензий на фильмы или выступление важного политика по телевизору. Но это все. Джордж всегда знал, что возглавит семейный бизнес и не представлял другого развития событий.

– Я вижу в тебе талант, Джордж, – еще раз повторил Пинс, – не погуби его.

И в очередную ссору с отцом младший Олдридж выбил у того почву из ног – выкрикнул, что переведется с юридического факультета на журналистский. Это было шоком для отца. Да что говорить, это было шоком даже для самого Джорджа.

– Мне нет дела до твоих желаний или нежеланий! – орал Олдридж старший. – Ты наследник империи, ты должен исполнить долг. Я не позволю поступать как капризный самонадеянный мальчишка. Слишком долго я потакал тебе. Ты станешь моим партнером или станешь никем!

Джордж встал в позу. Упрямство было отличительной чертой семьи Олдриджей, и он сполна унаследовал его от родителя. Джордж ответил, что у него одна жизнь, и он хочет ее прожить так, как считает нужным, а не по указке папаши. Обычная ссора вылилась в долгое многолетнее противостояние. Джордж не думал, что отец прекратит давать ему деньги, но тот полностью перекрыл поступления. Джордж остался совершенно один и без гроша в кармане. Пришлось братья за ум, переехать в общежитие, распрощаться с Порше, костюмами от Бриони, вечеринками и выпивкой.

Бабушка с мамой иногда подкидывали ему денег втайне от отца, но к бывшему стилю жизни Джордж уже не вернулся. Впервые в жизни он пошел работать. Помог ему в этом профессор Пинс. У того были связи в журналистском мире. Потихоньку, мало-помалу, Джордж открывал для себя необъятный мир современной прозы. И чем больше он писал, тем яснее понимал, что занимается именно тем, чем нужно. Что он все делает правильно. А если иногда его терзали сомнения, он открывал «Сборник международных договоров» или «Гражданский кодекс» и читал пару страниц.

После университета Джордж пять лет проработал журналистом. Трудился, где придется, даже одно время вел страницу в женском журнале. Быстро слетело высокомерие и аристократизм. Он жил на съемных квартирах, питался в фастфудах, носил дешевые джинсы и стригся в забегаловке в соседнем супермаркете. Оббивал пороги агентств и изда-

тельств, пытаясь пристроить очередную статью. Набравшись опыта, Джордж сел за собственную книгу. Заветным желанием было не прославиться, а то, чтобы отец его понял. Чтобы оценил его талант, о котором все твердили, чтобы позволил вернуться в семью. Но и после второй книги, которая, так же, как и первая, стала бестселлером, Олдридж старший не желал разговаривать со строптивым сыном.

А потом Джордж на одном из светских раутов познакомился с Изабеллой Касс. Она обласкивала вниманием молодые дарования, присматривалась к перспективным художникам, поэтам, писателям, приглашала на вечеринки к себе домой. В особняке ее отца постоянно толпился народ. Сеньор Касс сам был из богемы, и Изабелла выросла, окружённая талантами. Она выуживала гениев, словно рыбак в пруду, используя соблазнительную и беспроегрышную наживку – свою красоту, обаяние, неслабые связи в мире картин и изящной словесности.

Между ними сразу же вспыхнула страсть. Конечно, Джордж встречался с девушками. И в колледже, и потом, когда работал журналистом. Но такой изысканной красавицы у него еще не было. Все в ней было идеальным. Лицо, фигура, воспитание, лоск. Умение преподнести самую посредственную мазню какого-то неизвестного художника, как шедевр. Они даже спорили, сможет ли она продать картину вдвое больше, чем она стоила. Изабелла могла, и это восхищало Джорджа.

Изи, как он ее ласково называл, хвалила и превозносила его талант до небес. И это было как бальзам на душу. Он купил в кредит виллу на побережье, недалеко от особняка ее отца. Стал опять носить дорогие костюмы и швейцарские часы. И пусть Олдридж старший по-прежнему отказывался общаться с ним, это не мешало наслаждаться жизнью.

Алан улетел в Париж. Джордж проводил его до вертолетной площадки и вернулся домой. Лаура звала его. Он вошел в кабинет, запер дверь и подошел к картине. Теперь она была в его власти. Странное чувство удовлетворения и обладания охватило Джорджа. Он хотел узнать о ней все – откуда эта девушка, где родилась, кто был моделью, как и когда была нарисована. Но все потом. А сейчас Джордж просто смотрел. Пристально, жадно, впитывал в себя каждый миллиметр полотна, каждый мазок.

Он увидел, что у девушки были серые, как грозовое небо, глаза; маленькие ушки, почти скрытые золотистыми локонами; ровный изящный носик. Ее пальчики на ногах были со слабым голубоватым оттенком. Скорее всего она замерзла, стоя на каменном полу. Узкое колено натягивало плотную ткань рубашки, поэтому создавалось впечатление, что она собирается делать шаг, но как-то неуверенно, словно боится чего-то. Джорджу вдруг захотелось прижаться губами к картине. Он озадаченно помотал головой, прогоняя странную мысль. Что это с ним? Такого еще не было ни разу.

Он отошел к своему столу, сел, включил ноут и создал

чистую страницу. В голове вырисовывался новый роман. Он напишет любовную историю. Он никогда еще не писал о любви, самое время попробовать. Первый его роман был о студентах, второй о слепом мальчике. Героями третьего стала семья беженцев, у которой он брал интервью, работая журналистом. Значит, четвертый будет о любви. О безответной любви бедного юноши и богатой девушки. Возможно, он даже возьмет за основу мир средневековья.

Проснувшись от длительного сна, я отвратительно себя чувствовала, в голове мутилось. Я плохо понимала слова, двоилось в глазах, в ушах до сих пор стоял равномерный тоскливый гул. Я медленно выплывала из пустоты в новый молодой мир. Меня продали? Этому элегантному красавцу-писателю? Для чего я ему нужна, и что теперь со мной будет? Увы, мало что зависело от моего желания или нежелания. Я не имею права голоса, не имею ног, чтобы сбежать, или рук, чтобы выбраться из рамы. Я лишь изящно нарисованное изображение давно умершей девушки.

Мужчина сидел за широким столом и чем-то стучал. Звук был подобный на далекий стук каблучков по галерее. Иногда он поглядывал в мою сторону, и я встречалась с пронзительными ярко-голубыми глазами.

За спиной у писателя располагалось огромное широкое окно, и я впервые в своей жизни увидела океан. Это потом, спустя много дней, я узнала, как называется эта бескрайняя

серая колышущаяся масса воды. А вначале я была просто поражена и напугана. Дом стоял на холме, с которого открывался ошеломляющий вид. Я видела солнце, опускающееся за горизонт, огромных птиц, планирующих над водой, видела зеленую траву, деревья и камни. И все это только из одного единственного окна. Как же много всего в мире! Как же он огромен и интересен! А я за столько веков знала только гостиные, спальни и музейные залы.

Был еще один огромный плюс в моем теперешнем расположении. Справа от стола писателя стоял шкаф с книгами. Его дверцы были стеклянными. И всегда, когда писатель открывал створку, чтобы достать какую-либо книгу, в стекле отражалась моя картина. Не очень четко и немного искаженно, но я могла видеть себя со стороны.

Да. Это она, та самая Лаура, которую я видела давным-давно. Но все-же немного другая. Та Лаура была покорным, робким цветком, безропотно смирившимся со своей судьбой. Девушка же на картине смелая и сильная. Такая, какой хотел ее видеть мой Создатель. Он отдал свою жизнь за то, чтобы она жила. Вложил в нее всю свою любовь, боль, страсть... И я... ожила.

Прошло несколько дней. Мужчина просиживал в кабинете с раннего утра до позднего вечера, или барабанил пальцами по клавишам, или черкая что-то в блокноте. Часто он подходил к картине и всматривался в мое лицо, задумчиво кусая губы. Я в ответ рассматривала его. Молодой, красивый

и талантливый. Джордж Олдридж младший. Так называл его друг, который привез меня и помог повесить. А еще постоянно восхвалял его книги и быстрый взлет карьеры.

Я видела много в своей жизни красивых мужчин. Иногда они восхищались мной, иногда нет. Иногда они нравились мне, иногда нет. Молодые пылкие юноши, талантливые студенты, взрослые успешные джентльмены. Художники, композиторы и поэты воспевали мою красоту, посвящали мне свои произведения, поэмы, баллады, песни. Называли музой, нимфой, богиней.

Но все они старели и дряхлели через время. Молодость быстро проходит. И вчерашний юноша в следующий раз приходил ко мне с женой и детьми, а потом и с внуками. Зачем мне привязываться к кому-то? Кто вскоре уйдет за грань? Люди смертны. А я перейду в руки другому коллекционеру, другому любителю антиквариата. И все будет по-прежнему.

Слуги редко заходили в кабинет. В основном убиралась одна пожилая смуглая женщина, которая разговаривала на сербском. Я этот язык немного знала, поэтому из скудных фраз, которые она бубнила себе под нос, я сделала некоторые выводы.

Мы жили на побережье Испании. Возле Барселоны. Ирония судьбы, через пятьсот лет после рождения я сделала круг и вернулась туда, куда должна была в итоге попасть – в Каталонию. Только вряд ли меня найдут потомки Родригеса Пуэрто, чтобы узнать во мне Лауру де Монтиньонес. Давно нет

на свете ни Лауры, ни Родригеса, ни моего Создателя.

Я выучила новые слова – телефон, спутник, антенна, телек, автомобиль. А та непонятная вертикальная книжка на столе писателя, в которой он пишет книги, называется ноутбук.

Джорджу Олдриджу было около тридцати. Прославился он совсем недавно. Как я поняла из отрывочных разговоров слуг, в прошлом месяце вышла в свет его третья книга. Старший сын какого-то богача поругался с отцом, желавшим для сына юридического или финансового образования. Они не общаются до сих пор.

Этот коттедж на берегу моря он купил всего полгода назад, а до этого жил в разных гостиницах, в разных странах, разъезжая по миру. Характер замкнутый, высокомерный и заносчивый. И пусть он не общается с отцом, слуги по-прежнему называют его богатеньким наследником.

– Здравствуй, Лаура, – каждое утро приветствовал он меня, садился за стол и открывал ноут.

Ему приносили кофе, он задумчиво смотрел на полотно и отхлебывал напиток. Я чувствовала, что нравлюсь ему. Это было понятно по яркой живительной энергии, что вливалась в меня каждый день. Я становилась сильнее и крепче. В памяти всплывали мельчайшие подробности моей «жизни» от создания в замке донна Монтиньонес до сегодняшнего момента. Так четко я еще не мыслила. Наверное, энергия писателя была мне по вкусу, но и у него дела шли прекрасно. Он

барабанил по клавиатуре без перебоя, с утра до вечера, даже кухарка однажды посетовала, что мистеру Олдриджу нужно хоть иногда выходить на улицу, а то он прирастет к креслу. Писатель только отмахивался и сердился.

Я уже решила, что он одинокий трудоголик, как вдруг однажды вечером к нам пришла гостья.

– Привет, дорогой, – в кабинет впорхнула красавица.

Я с легкой завистью осмотрела элегантный светлый костюм, обтягивающий стройную фигуру, голубые туфли на высоких каблуках и изящную маленькую сумочку в тон.

– Привет, Изи, – писатель поднял голову и потер кулаком покрасневшие глаза.

– Почему ты не одет? – девушка быстро огляделась и добавила гневно. – Ты что, забыл?!

– Э-э... – Джордж виновато развел руками. – Я тут немного заработался.

Красавица фыркнула, подошла ближе и ласково провела рукой по мужскому подбородку.

– Ты начал новую книгу? Когда?

– Пару недель назад, – мужчина коснулся губами щеки красавицы, та немного отодвинулась, шепнув: – Не испорти макияж.

– Так куда мы идем? – бодро продолжил он, вставая из-за стола.

– Сегодня выставка работ Умберто Николло. Помнишь, ты мне говорил, что хочешь купить картину в кабинет? Так

вот, я договорилась с его агентом. Тебе дадут карт бланш. Он сейчас самый модный художник в Испании, все становятся в очередь, чтобы заполучить его работы.

– Стоп-стоп, – Джордж нежно взял девушку за плечи и развернул ее ко мне лицом, – смотри. Я уже купил картину.

Девушка уставилась на меня и я, наконец, смогла рассмотреть ее обстоятельно. Увы, как не прискорбно осознавать, но Изи (или как там ее) была настоящей красавицей. Черные гладкие волосы обрамляли узкое породистое лицо. Макияж при такой яркой внешности был почти незаметен. Полные чувственные губы чуть тронуты блеском, высокие скулы с бледным румянцем, чистая золотистая кожа. Только глаза, большие, томные, подчеркнуты черным карандашом. «Да, – подумала я, – сейчас в моде умеренность в макияже, совсем не так, как в прошлое мое пробуждение. Тогда все красились очень броско. Мода опять поменялась?»

Девушка с писателем представляли собой великолепную пару. Оба высокие, элегантные, красивые. Правда, у писателя были немного растрепанные волосы, так как он любил ерошить челку, когда задумывался над какой-то сложной фразой. А у девушки прическа была идеальна, волосок к волоску. У меня дрогнуло что-то внутри, и пусть «внутри» у меня ничего не было, но почему-то стало очень неприятно и беспокойно.

«Уходите, уходите прочь», – мысленно приказала я им, стараясь избавиться от тревожащего чувства.

Что это такое – я еще не понимала, но что-то нехорошее.

– Неплоха, – наконец произнесла девушка, подойдя ближе, – но это же чистейший классицизм. Никто сейчас не покупает классику, она не модная и неинтересная.

Не раз и не два слышала я подобные заявления. Не модная. Ха! Пройдут века, и я опять буду на вершине моды, мне ли этого не знать. Все проходит. И мода меняется так же быстро, как длина юбок.

– Мне интересна, – ответил писатель, – я случайно столкнулся в Барселоне с Аланом Мерфи. Помнишь, я говорил, что учился с ним в колледже? Так вот. Он, оказывается, подпольно продает картины.

– Так это чернуха? Как ты мог сделать такую глупость?! – воскликнула девушка возмущенно. – Это выброшенные деньги на ветер!

– Это мои деньги, – с одной стороны мягко, а с другой непреклонно заявил Джордж, – и я сам буду решать, куда их тратить.

О! Мужчина показал клыки. Я перевела взгляд на красавицу. Она тут же сникла. Обняла писателя за плечи и склонилась набок прелестную головку.

– Ты никогда не разбирался в живописи, – с легкой насмешкой произнесла она, меняя тему, – а я окончила Парижскую высшую школу изящных искусств. И мой папа был куратором музея д'Орсэ.

– Да-да, конечно, ты права, – легко согласился Джордж,

улыбнувшись, – но, ты только посмотри... Она как живая.

– Ну и что! – фыркнула девушка. – Сфотографировал бы меня, повесил на стену и любовался бы. Я тоже была бы как живая на фотографии.

Писатель развернул красавицу к себе, с нежностью смотря ей в глаза.

– Зачем мне тебя фотографировать? Ты рядом со мной, прелестная, цветущая, энергичная. Полна жизненных сил и темперамента.

Мне опять стало нехорошо.

– Ладно, – девушка мило улыбнулась, – надеюсь, ты за нее немного заплатил?

Писатель неопределенно пожал плечами.

– Немного. Намного меньше, чем она реально стоит.

– Значит, у тебя остались деньги на Николло? Я все-таки собираюсь тебе подобрать картину. Пойдем, не хорошо опаздывать.

– Дай мне десять минут, я переоденусь, – Джордж подхватил Изи под руку и они направились к выходу, – если хочешь, можешь подняться со мной.

Девушка игриво рассмеялась.

– Ну уж нет! Я помню, чем это закончилось в прошлый раз. Придем с выставки, и я поднимусь, куда захочешь.

Голоса затихли, я уныло уставилась в окно. Предстоит одинокий пустой вечер. Сейчас, когда во мне плескалось столько энергии, я не погружалась в беспамятство, а посто-

янно была в сознании, и мне все время хотелось свежих впечатлений. Я, как губка, впитывала новые слова, фразы. Самолет, пылесос, компьютер, мобильник. Сначала они были непонятны, потом, постепенно обретали объем, смысл, суть. Я даже пыталась учиться читать, чего никогда еще не делала за сотни лет своего существования. На столе у писателя были разбросаны книги, газеты, журналы. Я видела буквы, запомнила несколько наименований. Но, увы, самостоятельно читать было очень трудно. Если бы кто-нибудь мне помог.

Заурчал двигатель, из-за угла дома показалась темно-серая повозка на четырех колесах и, поблескивая красными огоньками, умчалась вдаль. Я грустно осмотрела «свою» комнату. Стол, шкаф, кушетка, пушистый ковер на полу. Значит, у Джорджа есть любимая девушка? Я вспоминала, как он на нее смотрел, и мне становилось горько и тоскливо. Я не понравилась ей. Неинтересная классика, не модная и не современная. Если они завернут меня в чехол и бросят в подвал, я этого не переживу.

Вернулись они поздно. Я рассматривала звезды на небольшом кусочке неба, который был виден с моего ракурса, когда вдалеке показались фары автомобиля. Джордж даже не зашел ко мне, не пожелал спокойной ночи, как делал обычно, не сказал, какая я красавица. Я слышала неясный звон стекла в гостиной, глухой смех, топот каблучков по лестнице. Все стихло. Они поднялись на второй этаж. Конечно, я догадывалась, чем они будут заниматься, я же висела несколь-

ко лет в фойе самого лучшего борделя в Неаполе и повидала многое, но почему-то мое сегодняшнее одиночество было особенно безрадостно. Ночь тянулась и тянулась, постепенно гасли звезды, прошел небольшой дождик, я слушала, как он стучал по карнизу. Спустя время начал медленно светлеть горизонт. Море окрашивалось в розовато-серый. Наконец наступило утро.

– Привет, Лаура, – Джордж энергично вошел в кабинет.

Он выглядел, как человек, с нетерпением ожидающий встречи с любимой работой. Летние светлые брюки, рубашка-поло, влажные блестящие волосы. Какой же он красивый!

Я мысленно ответила: «Привет, Джордж», на душе стало светло и радостно. Ничего не изменилось в наших отношениях, он, как и прежде, разговаривает со мной, как и прежде смотрит со странной смесью обожания и нежности.

– Поработаем? – Джордж тепло улыбнулся, и я растаяла от его улыбки.

«Ты работай, а я посмотрю», – произнесла молча.

Джордж сел за стол и открыл ноут.

Изабелла пришла в кабинет, когда солнце скрылось за крышей дома.

– Ты давно пишешь? – сонно спросила она.

Присела на кушетку и налила кофе из кофейника. Тонкий шелк соблазнительно обрисовывал великолепную фигуру. Гладкое бедро пикантно выглянуло из-под полы распахнувшегося пеньюара.

– Несколько часов, – ответил Джордж, продолжая стучать по клавишам, – ты так крепко спала, что я не решился тебя будить.

– Куда мы повесим Николло? – девушка рассеяно обвела глазами комнату.

Она выглядела, как кошка, объевшаяся сливок: сытая, довольная, счастливая. Что-то темное и злое зашевелилось внутри меня. Внезапно так захотелось оказаться на ее месте. Сидеть на мягком диване, пить ароматный напиток, буднично и просто разговаривая с тем, кем я втайне восхищаюсь. Шутить, перебрасываться новостями, смотреть на него, словно он мой.

– Не знаю, – равнодушно бросил писатель, – может, в гостиной?

– Повесь в кабинете, она будет неплохо смотреться на месте «Лауры».

Джордж задумчиво поднял голову. Его взгляд медленно скользил по картине, задерживаясь на моем лице, теле, босых ногах. Я с упавшим сердцем мысленно умоляла: «Не снимай меня, оставь, мне так хорошо здесь».

– Нет, Изи, – произнес он, в конце концов, и покачал головой, – я не знаю, что происходит, но мне кажется, она помогает мне писать.

Изабелла удивленно уставилась на мужчину. Я, признаться, тоже была ошеломлена.

– За тот месяц, что она у меня висит, я написал больше,

чем за прошлые полгода, – Джордж посмотрел на девушку и смущенно улыбнулся, – когда я на нее смотрю, мне в голову приходят такие мысли. Сам не знаю, как объяснить.

– Я начинаю ревновать, – со смешком произнесла Изабелла, откинувшись на подушки, – ты говорил – я твоя муза.

– Конечно, ты, – Джордж с улыбкой смотрел на красавицу, – но ты бываешь у меня так редко.

– Джордж, ты же знаешь. Я могу быть с тобой постоянно, – голос Изабеллы стал вкрадчивым и ласковым, – тебе стоит только захотеть.

– Поговорим об этом позже, – произнес Джордж, – мне нужно закончить книгу.

Мне показалось, девушка коротко грустно вздохнула. А я настороженно переводила взгляд с одного лица на другое, не понимая, о чем это они.

– Ты посмотри, как она одета? Это же ночная рубашка! – воскликнула вдруг красавица. – Тогда лучше бы ее повесить в спальне.

«Как я одета?! – возмущенно подумала я. – Ты сейчас одета, точнее раздета, еще больше меня. Не хочу в спальню. Видеть их наготу, их занятия любовью, слышать страстный шепот. Да я с ума сойду!»

То, что было интересно и познавательно в публичном доме в Неаполе, сейчас внушало страх. Почему так произошло, я не хотела задумываться.

– Ты права, Изи. Она в рубашке и простоволосая, что до-

вольно странно для картины шестнадцатого века. Но, понимаешь, Лаура не подходит для спальни, – Джордж весело хмыкнул, – иногда мне кажется, что девушка живая и смотрит на меня. Я не хотел бы, чтобы кто-то смотрел на меня, когда я раздет.

Изабелла презрительно фыркнула, губы сложились в насмешливую гримасу.

– Да, да. Не смейся. Это правда. А однажды мне показалось, что она излучает сияние.

– Это в тебе буйное писательское воображение говорит, – произнесла Изабелла и встала с кушетки. – Мне пора на работу. Вечером еще одна выставка, в салоне без меня не справятся. Встретимся завтра?

– Давай на следующей неделе? Или лучше через две. Хочу поскорее закончить книгу и отдать агенту.

– Конечно, заканчивай, – девушка подошла к двери, – потом отметим. Надеюсь, будет бестселлер.

– Обязательно. Пока. Звони.

Изабелла вышла из кабинета, и мы остались одни. Наконец. Джордж погрузил пальцы в волосы и взъерошил пряди. Глотнул из чашки остывший кофе, перевел взгляд на меня.

– Какая же ты красивая, – прошептал одними губами, но я услышала. Стало хорошо и тепло. Мы вдвоем и никакие Изабеллы нам не нужны.

Джордж опустил голову на сложенные в замок руки. Ро-

ман получался слишком грустным. Но он уже был не властен над судьбами героев. Они жили своей жизнью, совершая дурацкие поступки, говорили обидные слова, предавали, мстили и отрекались. Он, как марионетка, шел за ними, привязанный за ниточку и просто наблюдал, старательно конспектируя.

Он вновь посмотрел на «Лауру». Казалось не проходило ни одной минуты, чтобы он не бросал на нее взгляд. За эти месяцы она заметно изменилась. Стала объемнее, ярче, живее. Или это ему кажется? Сутками в одиночестве еще и не то привидится.

Джордж решительно встал из-за стола и покинул комнату. Сегодня предстоит провести вечер с Изабеллой и ее родителями. Не хотелось бы опаздывать, тем более, что ему еще нужно заехать в одно место. И так Изи постоянно говорит, что он одержим картиной и работой. Хотя к работе она не слишком ревнует, больше все же к «Лауре».

Конечно, он догадывался, чего хочет Изи. Да и сам понимал – лучшей пары ему не найти. Умна, красива, талантлива, с отличной родословной, связями и работой. У нее был свой художественный салон в Барселоне и небольшая квартирка в центре. Сколько раз Джордж не предлагал ей переехать к нему, она отказывалась. Объясняла это тем, что пока они не женаты, это будет неправильно. А вот когда поженятся... Джордж предполагал, что Изи боялась того, что если они будут жить в гражданском браке, он вообще может не

решиться на такой ответственный шаг, как свадьба.

Друзья и знакомые ему завидовали. Он не знал, почему такая видная красивая девушка выбрала молодого писателя, не особо богатого и знаменитого. Но не собирался упускать свой шанс. Ему скоро тридцать один. Пора заводить семью, детей.

Джордж заехал в ювелирный магазин и купил кольцо. Небольшой квадратный бриллиант в один карат будет прекрасно смотреться на ее пальчике. Если Изи захочет, они купят побольше. Но Джордж был уверен, что хорошо выучил характер избранницы за тот год, в течение которого они встречаются. Изи не сноб, она никогда не была тщеславной или заносчивой. Наоборот. Ночевала с ним в съемных квартирах, пока он не купил виллу. Вела переговоры с крупными издательствами, отстаивала его интересы. Он многим обязан ей. Теперешней славой, миллионными тиражами, гонорарами.

Джордж сел в автомобиль, задумчиво вертя коробочку в руке. Некоторое беспокойство по поводу свадьбы все же было. Но он отнес его к обычному мужскому страху перед оковами брака с одной единственной женщиной на всю жизнь. Он еще раз перечислил в уме достоинства возлюбленной, вспомнил ее красоту, изящество, страстность, покладистый характер. Даже когда он пару раз во сне назвал ее Лаурой, она не обиделась. Изи знала, что никакой живой Лауры у него нет, а нарисованная ей не соперница. Джордж засунул

футляр с кольцом во внутренний карман и завел мотор Мерседеса.

Его ждали. Ворота особняка были распахнуты настежь, окна сияли яркими огнями. Джордж раньше много раз бывал в доме Касс, был знаком с родителями, знал слуг, но сегодня особый случай. Торжественный. Он будет просить руки их дочери.

– Добрый вечер, – поклонился Джордж, целуя руку миссис Касс.

Мать Изи выглядела сногшибательно. Еще один плюс к его решению. Если Изабелла так будет выглядеть в пятьдесят, он посчитает, что ему крупно повезло.

Мужчины обменялись рукопожатиями, Изи мило поцеловала его в щеку. Когда с приветствиями было покончено, Джорджа пригласили в столовую. Хрусталь, серебро, белоснежные салфетки – все выглядело так, словно он попал не на семейный ужин, а как минимум на банкет в честь коронации. За последние десять лет он отвык от подобных церемоний, но для того, чтобы произвести впечатление на будущих родственников, он потерпит.

Разговор шел о его последней книге. Изабелла хвалилась, что благодаря ей, книга стала такой популярной, была сразу же переведена на пять языков. Ее связи помогли Джорджу получить миллион продаж за первую неделю. Джордж молча кивал и улыбался, любуясь девушкой. Все-таки правильно, что он решился. Она станет великолепной женой.

– Я слышал, Ваш отец строит шикарный отель в Мадриде, – вдруг произнес мистер Касс, – открытие запланировано на начало года.

Джордж уклончиво пожал плечами. Ему не понравилось внимание к его семье. Тема была болезненной и неприятной. Его упрямство, упрямство отца до сих пор саднило и причиняло боль.

– Мы не общаемся, – сухо ответил он, надеясь раз и навсегда закрыть эту тему. Не тут-то было.

– Вот это зря, молодой человек, – отец Изабеллы пристально уставился в лицо Джорджу, – нужно поддерживать родственные отношения. Семья – это основа всего. Я надеюсь, Вы когда-нибудь помиритесь со своим отцом?

– Я тоже надеюсь, – уклончиво ответил Джордж, взглядом умоляя Изабеллу перевести разговор на другую тему.

– О чем будет твоя следующая книга? – мгновенно поддержала его любимая.

После ужина они поехали к Изабелле на квартиру. Джордж редко ночевал у нее. Но сегодня кольцо прожигало дыру в пиджаке и требовало решительных действий. Нужно было закончить торжественный вечер финальным аккордом. Джордж не сомневался, что она примет его предложение, слишком часто она намекала на это.

– Не обижайся на папочку, – произнесла Изи легкомысленно, когда они мчались по ночной Барселоне, – он считает, что семья важнее всего. Старая закалка.

– Наверное, он прав, – ответил Джордж задумчиво, – но сколько раз я не пытался поговорить с отцом, тот не хочет меня слушать. Должно быть или по его, или никак. А я не собираюсь бросать писать.

Девушка непонимающе уставилась на Джорджа.

– Это то единственное условие, которое он поставил мне для возврата в семью, – пояснил он, – я отказываюсь от своей блажи и беру управление несколькими отелями. Иначе, он не желает обо мне слышать. Отец не признает никаких талантов, кроме таланта финансиста.

– А ты смог бы совмещать управление отелями и творчество? – задала Изабелла странный вопрос.

– Как ты себе это представляешь?

Изи неуверенно пожала плечами. Они надолго замолчали. Джордж вел автомобиль сквозь разноцветную неоновую вуаль ночного города, и мрачные мысли одолевали его. Тогда, десять лет назад, он был молод, упрям и глуп. Возможно, он мог поступить по-другому, не так категорично. Не доводить дело до ссоры, не бросаться резкими фразами, не действовать напролом. Джордж просто хотел, чтобы его услышали, поняли. Хотел доказать, что он что-то стоит в этой жизни без знаменитой фамилии Олдриджей. А сейчас... Пройдя через бедность, трудности, испытания, он уже не представлял себе другой жизни. Да и не хотел. Он просто хотел звонить иногда отцу, брату. Встречаться на праздники в их семейном особняке, разговаривать, шутить. Хотел, чтобы они горди-

лись им, чтобы на полках, в кабинете отца, стояли его книги...

– Когда-нибудь он смягчится, – неуверенно произнесла Изабелла, – ты все-таки его старший сын.

– Возможно, – пожал плечами Джордж и завернул в перелок, где находился дом Изи.

Квартира Изабеллы была небольшая, одна спальня и гостиная. Она находилась на последнем этаже новой высотки, и с нее открывался великолепный вид на Барселону. Джордж уже минут пятнадцать неподвижно стоял у огромного углового окна, собираясь с духом. Изабелла ушла в спальню переодеваться. Джордж дернул за галстук, ослабляя узел. Снял пиджак, не отрывая взгляд от мелькающих внизу красных огоньков машин. Тяжелый день, тяжелый вечер. Ну, может быть, хоть ночь удастся?

– Выпьешь? – Изи тихонько подошла и протянула бокал с шампанским.

Джордж молча кивнул. Что-то держало его за горло мертвой хваткой, не давая выдать ни слова. Пора бы уже взять себя в руки и решиться, а он стоит, как истукан, и пялится на город.

Изабелла обняла его за талию и склонила голову на грудь. Джордж вздохнул и перевел взгляд на возлюбленную. Нежная, красивая, умная. Он любовался ее точеным профилем, длинными ресницами, идеальными дугами бровей, но думал почему-то о другой девушке. Нарисованной. С испуганными

серыми глазами и узкими бледными ступнями на каменном полу. Как же ей одиноко и страшно там, в темноте. Как тоскливо и холодно!

Хватит! Он сходит с ума! Нет никакой девушки, и никогда не было. Джордж мотнул головой, прогоняя абсурдные мысли.

– Любимая, – Джордж отошел назад и решительно вынул футляр из кармана, – ты выйдешь за меня замуж?

Глаза Изабеллы восторженно вспыхнули. Радостная улыбка озарила лицо.

– Как долго я этого ждала! – воскликнула она. – Конечно! Я стану твоей женой!

Мчались часы, дни, недели. Джордж и я отгородились ото всех, закрывшись в своем маленьком уютном мирке, до верху наполненном книгами, сказочными историями, творческой дружественной атмосферой. Я смотрела на него постоянно, и он превращался для меня в целый мир. Я узнавала его привычки, пристрастия, манеры. Его характер, темперамент, склонности. Он вовсе не был тщеславным и высокомерным, каким он мне показался сразу, и каким его видели слуги. Да, он был замкнутым, необщительным и молчаливым. Из-за этого все думали, что он задирает нос. Совсем нет. Когда он узнал, что у кухарки разбился на мотоцикле сын, он сразу же позвонил знакомому врачу и оплатил операцию. Анонимно. И никто, кроме меня и доктора, об этом

не узнал. Он всегда давал премии служащим и посылал на праздники цветы матери.

Я знала о нем все. Какой кофе он любит по утрам, как смешно морщится, когда солнечный луч бьет в глаза, как потягивается, разминая уставшие плечи. Я видела, как он улыбается, когда вспоминает что-то приятное, и как взволнованно дрожит его голос, когда он спрашивает о здоровье отца, звоня младшему брату.

Я никогда так долго не наблюдала за одним человеком. Проникалась его мировоззрением, его привычками и убеждениями, я формировала свой характер по его образу и подобию, становясь похожей на него, как две капли воды.

Конечно, я любила своего Создателя. Но я знала его слишком мало. Я оживала только в короткие промежутки времени, когда он разговаривал со мной. Их было недостаточно, чтобы сложиться как личность, заполнить пустоту, царившую в душе. Я любила Создателя, как своего родителя, как ребенок любит отца или мать. Бездумно, инстинктивно, на подсознательном уровне.

Теперь же, когда у меня сложился характер, я понимаю, чем та любовь отличается от этой, которая сейчас расцветает внутри. Да, я говорю с уверенностью – я влюблена в писателя. Всецело своей нарисованной женской сущностью, несуществующим сердцем, всей древней раритетной душой. И мне больно и грустно от того, что он никогда не узнает о моей любви, никогда не обнимет, никогда не поцелует меня, так

как он целует свою Изабеллу.

Его четвертая книга прекрасно продавалась. Джордж устроил по такому случаю прием, и я весь вечер слушала приглушенные дифирамбы и тосты в его честь. В кабинет никто не заходил, только близкие друзья и Изабелла. Почти всегда Джордж запирает его на ключ, наверное, боясь, что кто-нибудь увидит меня и узнает картину, украденную из пражского музея. Поэтому я наблюдала за праздником из окна и прислушивалась к разговорам в гостиной.

Я не сомневалась, что Джордж талантлив. Иначе, как я могла получить столько энергии, которая сейчас бурлила во мне? Мне казалось, кровь пульсирует у меня в жилах, и сердце колотится в груди. Иногда даже чувствовала запах кофе, который стоял у него на столе или аромат парфюма после бритья, чего раньше никогда не было.

Я не видела, как Джордж сделал Изабелле предложение, мне хватило того, что оно вообще состоялось. Долгими ночами, не в силах провалиться в небытие, я представляла в своем воспаленном воображении, как это могло произойти, и рана в груди ширилась и кровоточила. Может быть, он сделал это в ресторане, за ужином, и бриллиант сверкал на белоснежной скатерти? Может, в гостиной, стоя перед ней на коленях, протягивая бархатную коробочку, призывно улыбаясь снизу вверх? Может, они вышли на яхте в море, и под шум волн он целовал ее на палубе?

Я ничего не могла сделать. Свадьба состоится в первый

день осени, значит, у меня еще есть месяц, чтобы смириться с этой мыслью. Как я буду жить дальше, наблюдая за их счастьем? За поцелуями, объятиями, ласками? Как не сойти с ума, если я не в состоянии закрыть глаза или отвернуться? Почему я не могу опять впасть в небытие и проснуться через сто лет? Зачем я вообще влюбилась? Бесконечные вопросы и ни одного ответа. Одно единственное счастье оставалось у меня – день за днем смотреть на Джорджа, слушать голос, впитывать эмоции.

Я наблюдала, как он быстро барабанит пальцами по клавиатуре и ловила каждый его вздох, поворот головы, движение плеч, боясь пропустить даже незначительное событие, сохраняя в памяти драгоценные моменты.

Он опять сел за новую книгу. Изабелла взяла на себя организационные вопросы и подготовку к свадьбе. Джордж отдал ей какой-то маленький пластиковый прямоугольник и сказал, чтобы покупала все, что нравится.

Мы снова остались одни. Почти как прежде Джордж разговаривал со мной, как раньше он был приветливым и милым, смотрел на меня восторженно и нежно, говорил, что я прекрасна. Но теперь, все было не то и не так. Горькая безысходность охватила меня. Она беспощадно терзала, не давая наслаждаться общением и его вниманием. Он чужой, он скоро женится.

Теперь я знаю, что это за чувство, которое я испытывала, смотря на Изабеллу. Это чувство – ревность. Откуда же мне

было знать? Я никогда ранее не испытывала подобного. Но сейчас я могу с уверенностью утверждать – я ненавижу эту женщину. Всем сердцем ненавижу. Если бы могла, я бы вцепилась бы ей в волосы, разодрала ногтями красивое лицо. Что-то темное и безумное поселилось внутри, разъедающая душу. Оказывается, если бы я была человеком, я была бы гадким и злым существом. Как горько это осознавать.

Я уговаривала себя. Смирись. Ты – неживая. Ты не сможешь дать ему того, что даст Изабелла. Не сможешь согреть ночью, родить ему детей. Да что там! Даже поговорить по душам с ним не сможешь. Ты будешь бесконечно смотреть на то, как они любят друг друга. Смотреть на их детей, внуков. А потом увидишь его смерть. И твое сердце разобьется от горя. Хотя. У тебя же нет сердца и нечему разбиваться?

Изабелла приходила к нам в дом, словно к себе домой. Порхала от радости, улыбочивая и счастливая. Она говорила о том, сколько приглашений отправила и у какого кондитера заказала торт. Что на торжество прилетят мать и брат Джорджа, но она все-таки надеется, что и старший Олдридж согласится приехать. Она показывала эскизы платьев для подружек и отрезки кружев на фату. Я тихо зверела, а Джордж улыбался и кивал, особо не вникая в разговор.

И, наконец, этот день настал. Самый тяжелый день в моей жизни – свадьба Джорджа. Я смотрела в окно и видела бело-снежные ряды столов, расставленных в саду. Огромные букеты роз в роскошных вазах. Видела снующих официантов в

бело-черных фраках. Видела, как вереница автомобилей выстроилась вдоль дороги. Начали прибывать гости. Джордж запер кабинет еще вчера вечером, и я боялась, что до свадьбы я его не увижу. Но нет. Он пришел перед церемонией. В черном элегантном смокинге, красивый и чужой.

– Здравствуй, Лаура, – ласково произнес он, подойдя ближе.

Я смотрела в его голубые глаза, и моя душа корчилась от боли.

Джордж грустно улыбнулся своим мыслям.

– Ты прекрасна, как солнечный свет, – он провел ладонью по раме, обвел контур нарисованного лица, – как луч, играющий с водой на гладкой поверхности моря.

Он тронул мои волосы, спустился вниз и погладил кончики пальцев на ногах. Вдруг я почувствовала его теплые касания. Это было потрясающе. Что происходит?! Я ощущаю прикосновения? Это невыносимо!

– Ты самая красивая девушка на свете. И я... – голос его дрогнул. – Но ты не живая, – закончил печально Джордж и отвернулся.

– Я живая! – крикнула я изо всех сил, стремясь удержать его еще хоть на мгновение. – Не уходи! Не бросай меня!

Увы, он не услышал. В дверь постучали.

– Мистер Олдридж, пора, – произнес кто-то глухо.

Джордж встрепенулся, словно очнувшись от дремы, и решительно направился на выход. Сейчас он уйдет прочь и бу-

дет потерян для меня навсегда.

– Я живая! Я заперта здесь, в картине. Я люблю тебя! – кричала я изо всех сил.

Дверь траурно хлопнула, отсекая жизнь до и после. Я осталась в кабинете одна. Древнее нарисованное полотно. Бесплотная душа, запертая в рамке из дерева. Я рыдала от безнадежной тоски, но никто меня не слышал.

Не знаю, сколько прошло времени. В голове мутилось. Я кричала и кричала, страстно желая избавиться от этой невыносимой муки, скрыться, раствориться в забвении. Но облегчение не приходило.

Вдруг дикая острая боль скрутила тело. Резко потемнело в глазах. Я не понимала, что происходит, что со мной. Я никогда не испытывала физической боли, только душевную, а сейчас я чувствовала каждую пульсирующую мышцу, каждую агонизирующую клеточку своего тела. Больше всего болела грудь, ее разрывало от жгучего жара. Казалось, еще немного, и я потеряю сознание, которое и так уплывало от нестерпимой боли. Я судорожно открыла рот и инстинктивно сделала первый вдох.

Сразу стало легче. Грудь рвано глотала воздух, мрак в глазах понемногу рассеивался. Я осмотрелась... Пол так близко, я лежу, почти уткнувшись в гладкие деревянные доски паркета. Руки... Белая ткань моей рубашки... Босые ноги, выглядывающие из-под подола. Правая рука сжимает потухшую свечу... Боже, что со мной?!

Я медленно повернула голову, морщась от боли в мышцах шеи. Передо мной возвышался письменный стол Джорджа, слева шкаф с книгами, кресло. Еще назад... Моя картина. Позолоченная рама с пустым серым пятном внутри. Где же я? Вдруг я услышала шаги по коридору и негромкие голоса. В панике попыталась встать, но ноги не держали, и я снова упала на пол. На четвереньках, как раненое животное, поползла к окну и забилась под письменный стол, скрючившись, зажав рот ладонью. Свечу зашвырнула под шкаф.

Щелкнула ручка, в комнату вошли люди. Послышался смех, громкий шепот.

– Ну, давай же... – звук поцелуев, шуршание одежды, – скорей.

– Ой, мы в кабинете... Черт, он не заперт, – мужской голос мне показался смутно знаком. Алан Мерфи? Коллекционер? Ничего не помню, в голове все путалось. Мужской голос продолжал, – Джордж меня убьет, если узнает... Как же он мог ее не запереть?

– Что узнает? – девушка нетерпеливо захихикала.

– Давай поищем другую комнату, Джордж не разрешает никому сюда входить.

– Фи, какой ты зануда, – ответил девичий голосок.

Дверь опять хлопнула, гости покинули комнату. Слава Богу.

Я смотрела на свои пальцы. Тонкие, бледные, с коротко постриженными ногтями. Спутанные золотистые волосы в

беспорядке рассыпались по плечам, укрывая бедра, ноги и весь пол под столом. Я потеряла ткань рубашки. Кожа ощутила шероховатость полотна и сразу же откликнулась россыпью иголочек вверх по руке. Странное ощущение.

Значит, я ожила? У меня появилось настоящее тело? Я ущипнула себя за бедро. И оно заболело! Как же это случилось? Что произошло?

Я не могла сейчас думать об этом, слишком плохо себя чувствовала, слишком была напугана и обижена. Джордж женится. Уже женился! Воспоминание тяжелым молотом ударило в грудь, и тут же глазам стало горячо и мокро. Что это? Я потянулась пальцами к лицу и дотронулась до век. Откуда вода? Я плачу?

Опять послышались голоса в коридоре. Уф. Прошли мимо. Нужно выбираться отсюда. Скорее. Вдруг придет жених с невестой? Как я смогу объяснить свое появление, если меня кто-нибудь увидит? Что скажу? Сердце опять болезненно сжалось.

Я выбралась из-под стола и попыталась встать, опираясь о кресло. Ноги не держали, икры горели огнем, колени подгибались. В итоге бросив эту затею, на четвереньках поползла к боковой двери. Я знала, где она находится, скрытая дверь за шкафом. Она вела прямо в гараж, и Джордж пользовался ею, когда хотел уйти от нежелательных посетителей.

Гараж был пуст. Большое квадратное помещение со странным запахом. Здесь было столько непонятных вещей,

никогда мной не виденных. Но сейчас совершенно некогда рассматривать их. Я ползла по бетонному полу, обдирая руки и пачкая белую рубашку, молясь только об одном – чтобы кто-нибудь не вошел и не увидел меня здесь. С улицы доносились смех и музыка, голоса гостей то приближались ко мне, то отдалялись. Я заглянула в щель приподнятых ворот и не увидела ни накрытых столов, ни фигур людей. Мне крупно повезло – ворота гаража выходили на задний двор.

Но как же поднять эту металлическую решетчатую пластину? Ни кнопки, ни рычага рядом не было. Я сидела на холодном стылом полу и плакала от бессилия. В итоге легла на живот, распласталась под воротами и с огромным трудом протиснулась под ними, стараясь не дотрагиваться до острого металлического края. Но рубашку все-таки порвала, зацепившись за зубцы.

Я оказалась снаружи. Надо мной голубело небо, ветерок обдувал мокрое лицо. Выбралась. Теперь бежать! Куда глаза глядят. Из его дома, от его жены и счастливого семейства. От всего, что нас связывало. Я не понимала, что со мной происходит, не знала, как случилось, что я ожила. Знала только одно – нужно поскорее скрыться. Иначе будет худо. За углом дома всюду шло свадебное торжество. Звучала музыка, был слышен звон бокалов, смех, крики. Я повернула в другую сторону и увидела конец земли, а за ним бескрайнее море. Туда, за овраг, где меня никто не увидит.

Я не могла встать на ноги. Ползла на четвереньках, как

червяк, извиваясь всем телом. Обдирая локти, колени, размазывая грязь по лицу. Грудь по-прежнему болела, глаза плохо видели через пелену слез. Вдруг я поскользнулась и покатила вниз по крутому склону. Цеплялась за кусты и камни, сдирая кожу и ломая ногти. Было так больно, что темнело в глазах, рубашка превратилась в лохмотья, раскрасившись в узоры крови пополам с грязью.

Падение закончилось. Я упала на мокрый песок и замерла, скрючившись, пытаюсь сохранить тепло и жизнь в изувеченном теле. Сколько я так пролежала – не знаю. Возможно, я на время отключилась, умерла.

– Девушка, что с Вами? – совсем рядом прозвучал озабоченный голос.

Я с трудом разлепила глаза. Солнце почти село, закатный теплый вечер опустился на побережье. Надо мной стояла пожилая пара. Старик в белом летнем костюме и седая миловидная женщина в сарафане. Я не смогла выдавить из себя что-то членораздельное. Только длинный протяжный стон.

– Жорж, доставай телефон, нужна «скорая», – произнесла женщина. – Как же ты здесь оказалась?

Я силилась что-то ответить, но не могла. Из горла вылетали только неясные отрывистые звуки. Я не умею разговаривать? Я же слышала, как говорили вокруг меня, и понимала их слова. Почему же сама не говорю?

– Встать можешь?

Я попыталась подняться, упала в песок и захныкала от

бессилия.

– Боже мой, что-же с тобой случилось? – женщина обеспокоенно убрала с моего лица волосы. Принялась осторожно ощупывать ноги, руки. – Столько крови, порезов. Сейчас приедет «скорая», они помогут. Как тебя зовут?

Я промычала: «Лаура», но получилось не слишком внятно. Скорее всего, женщина меня не поняла.

– Ты вся мокрая. Тебя выбросило на берег с корабля? Вы потерпели кораблекрушение?

Она все задавала и задавала вопросы, я ничего не могла ответить. Да и нечего было отвечать. Не могла же сказать, что вышла из картины шестнадцатого века? И родилась только сегодня? Пусть лучше думает, что потерпела кораблекрушение. Через некоторое время слышались новые голоса. Надо мной склонились странно одетые люди. Они принесли с собой какие-то приборы, аппаратуру, пугающие приспособления. Положили меня на спину и куда-то понесли. Я испуганно вцепилась в руку женщины, которая меня нашла, и сжала изо всех сил.

– Не бойся, я не оставлю тебя, – произнесла она с улыбкой, – я поеду с тобой.

Я лежала на спине и отрешенно смотрела на темнеющее небо. Справа возвышался черной стеной склон, откуда я свалилась. Какой же он высокий! Неудивительно, что я поранилась, летя с него. Впереди красными огоньками мигала машина. Меня погрузили внутрь. Что-то кольнуло в руку, и я

отключилась.

Оказывается, рождаться больно. Очень больно.

– Праздник получился великолепный, – к Джорджу подошла мать, Карлотта Олдридж. Красивая пятидесятилетняя женщина, выглядывшая минимум на десять лет моложе. – Твоя жена выдающаяся девушка. Она мне сказала, что все торжество спланировала сама.

Карлотта обожала своих сыновей. Особенно старшего. Он у нее получился красавцем хоть куда. Сама родом из Испании, она восхищалась художниками и поэтами. Элегантными вещами и изящной словесностью. У нее хранились все статьи и книги, написанные Джорджем, и она гордилась красивым талантливym сыном. Он смог пойти наперекор упрямому и грубому солдафону, мистеру Олдриджу. Смог сделать то, что ей оказалось не под силу – отстоять свое я.

– У Изи талант все организовывать, – Джордж с нежностью посмотрел на тонкую высокую фигуру в белоснежном платье, стоящую в окружении подружек, – я говорил тебе, что у нее своя художественная галерея в Барселоне?

– Да, завтра я собираюсь с Изабеллой ее посетить, – Карлотта подхватила сына под руку и повела к бассейну, – может, прикуплю что-то из новомодного.

– Как отец? – Джордж отхлебнул из бокала и задумчиво уставился вдаль.

– Как всегда, – мать пожала обнаженными покатыми пле-

чами, – что-то чертит, проектирует, обустроивает. Весь в делах. Кстати, я ему расскажу об Изабелле. Ему должна понравиться твоя жена, они одинаково деятельные.

Джордж вымучено улыбнулся.

– Надеюсь, Кевином он доволен? Младший сын пошел по стопам отца.

– Кевин в этом году заканчивает колледж и сразу же берет на себя управление отелями в Азии, – вздохнула Карлотта, – даже отдохнуть мальчику не позволяет.

– Таков отец. Сам гробит себя работой и другим спуску не дает.

Джордж всегда думал, что Кевин лучший сын для отца, чем он. Послушный, спокойный, вежливый. Джорджу было десять лет, когда у него родился младший брат. Сначала он обрадовался, планировал, что они станут друзьями. Но этого не произошло. Слишком большая разница в возрасте, слишком огромные различия в характере. Добродушный и немного флегматичный младший брат никогда не ругался с отцом, не повышал голос, ничего не просил и не требовал, в отличие от Джорджа, который спорил с отцом постоянно. Когда Джордж перевелся на другой факультет, Кевин был еще слишком мал, чтобы понять, а потом он и вовсе принял сторону отца.

Они общались, созванивались, разговаривали. Но близость между ними так и не появилась. Даже взрывной страстный темперамент отца был Джорджу ближе, чем меланхо-

личный характер Кевина.

Мать направилась к девушкам, окружавшим Изабеллу. Джордж остался один. Он странно себя чувствовал. С одной стороны, был доволен – все прошло как нельзя лучше, а с другой... Тревожное беспокойство поселилось внутри, не давая полностью ощутить безоблачное счастье молодожена. Он отнес это на счет обычной озабоченности мужчины, только что связавшего себя оковами брака. Хотя он же сам этого желал? Откуда тогда неуверенность?

Джордж отбросил сомнения и одним глотком опустошил бокал. У него прекрасная жена, очаровательная, умная, добрая. Он успешный перспективный писатель, его любят читатели. Мать с братом приехали на свадьбу, и пусть отец до сих пор дуется, рано или поздно он смирится с его выбором. Кевин заменит Джорджа в семейном бизнесе, и каждый будет на своем месте. Он будет писать книги, а брат управлять отелями.

Весь день Джордж хотел зайти в кабинет и поговорить с Лаурой, но держал себя в руках. Неужели картина так завладела его мыслями, что он не может ни одного дня прожить, чтобы не увидеть ее? Это же настоящее помешательство. Джордж считал себя человеком с сильной волей. Ведь смог он пойти наперекор отцу, смог доказать свою правоту и добиться успеха? Значит, и побороть в себе одержимость картиной тоже сможет.

Первую брачную ночь молодожены провели в апартамен-

тах пятизвездочного Ритца, на берегу Балеарского моря. Все было восхитительно – холодное шампанское, белоснежные хлопковые простыни, зажженный камин, и обворожительная невеста в атласе и кружевах.

– Пока твоего дома хватит, но потом нужно будет купить больше, – промурлыкала Изабелла, перебирая пальчиками волосы на покрытой испариной груди мужа.

– В доме четыре спальни и две гостиных, кабинет, столовая и библиотека. Сколько комнат тебе нужно? – сонно поинтересовался Джордж.

– Не знаю, – зевнула Изи, – а вдруг у нас будут дети? Им нужен простор.

– Почему «вдруг»? – Джордж погладил девушку по обнаженному бедру. – Обязательно будут. Тогда и подумаем о расширении.

– Ладно. Ты пиши, а я все обустрою, – Изабелла игриво повела плечом. – Ты долго собираешься отдыхать, дорогой супруг? Молодая жена требует продолжения.

– Я весь в твоем распоряжении, – улыбнулся Джордж и прижался губами к губам жены...

Утром он с трудом подавлял в себе тревогу. Ему хотелось зайти в свой кабинет, как это делал всегда по утрам. Джордж вообще был помешан на соблюдении одного и того же распорядка дня. Поэтому работа журналиста так ему не нравилась – приходилось часто переезжать с места на место. Возможно, кто-то назвал бы его педантом, он не любил внезапных

встреч, переездов, изменений в планах. Он любил сидеть в одном и том же кресле в своем уютном кабинете и спокойно заниматься своим делом.

Свадебные апартаменты были оплачены до вечера, но Джордж настоял, чтобы они съехали сразу после завтрака. Потом, правда, пришлось отвезти Изи на встречу в матерью, заехать в издательство. В общем, домой он попал только после обеда. И сразу же направился в кабинет. Ему необходимо было увидеть Лауру. Голод съедал изнутри. Он распахнул дверь. На задворках сознания мелькнула мысль: «Он что, не закрыл ее за собой вчера?» Развернулся и уставился на серый пустой прямоугольник, весящий на месте его картины.

– Что? – хрипло прошептал Джордж.

Все, о чем он думал до этого момента, тотчас вылетело из головы. Его Лауру украли! Он медленно подошел ближе, не веря своим глазам. Рама та же, позолоченная, вычурная. Висит на том же месте, на котором и висела. Только картины нет. Он потрогал пальцами позолоту. В голове царил хаос. Кто мог украсть ее? Вчера здесь было столько народу! Его гости, Изабеллы. Прислуга, официанты. Если он забыл запереть дверь в кабинет, сюда мог войти кто угодно!

– Боже! – простонал Джордж и обессиленно опустился в кресло, сжимая виски ладонями.

Он даже ее не застраховал! И полицию вызвать не может, потому что картина из черной коллекции.

Нужно сесть и сосредоточиться. Взять у Изи списки го-

стей, компаний, которые обслуживали торжество, нанять детектива. Точно! Если он не сможет заявить в полицию, то лучшим выходом будет обратиться к частному сыску. Он найдет картину! Он не допустит мысли, что Лаура может пропасть навсегда. Но сначала нужно позвонить Алану.

– Привет, молодожен, – весело произнес товарищ, – не успела закончиться брачная ночь, а ты уже весь в работе?

– Ты кому-нибудь говорил, что продал мне «Лауру»? – холодно поинтересовался Джордж, даже не поздоровавшись.

– Нет, – недоуменно ответил Алан, – я не имею привычки разглашать секретную информацию. А почему ты спрашиваешь?

– Картину украли, – Джордж стиснул трубку так, что пластик затрещал в руке. – Ты вчера ничего не видел?

– Черт! – ругнулся в сердцах Алан. – Хотел тебя предупредить, чтобы ты закрыл кабинет. Но забыл.

– Ты заходил в кабинет?! – Джордж не мог поверить своим ушам.

Неужели Алан? Тогда зачем ему было признаваться? В голове царил сумятица, не давая связно мыслить.

– Да. Мы с Джу искали комнату. Она случайно ввалилась в кабинет. Но мы быстро смотались. Нашли уединение в какой-то коморке на втором этаже.

– Когда это было? Ты помнишь время? Картина еще висела? – быстро задавал вопросы Джордж.

– Не помню, – простонал друг, – я был занят девушкой. Но

как только увидел, что мы в кабинете, сразу же испарился. Кстати, мы до сих пор с ней кувыркаемся в отеле. Джу просто огонь.

– Рад за тебя, – ворчливо пробормотал Джордж.

– Тебе нельзя в полицию, – озабоченно произнес Алан, – лучше найми частного.

– Знаю, пока.

Джордж положил трубку и уставился на пустой прямоугольник, висевший на месте Лауры. Нет! Так он сойдет с ума, постоянно бросая взгляд на безжизненную раму! Он решительно встал, снял картину с гвоздя и засунул в шкаф, с глаз долой. Потом сел и открыл Гугл. Нужно найти частного сыщика.

Изабелла в глубине души была рада, что полотно украли, но, конечно же, не показывала этого. Признаться, она немного ревновала к этой нарисованной девушке. Джордж был одержим картиной. Но сейчас, когда ее нет, его внимание опять будет принадлежать только ей одной.

– Я говорила тебе об опасностях черного рынка живописи? – назидательным тоном произнесла Изабелла, когда приехала вечером из галереи, – это выброшенные деньги. Хорошо, хоть она немного стоила.

– Мать что-то купила? – Джорджу было тяжело говорить о Лауре, и он перевел разговор на другую тему.

Он до сих пор не мог прийти в себя. Ему казалось, что украли не картину, а часть его души.

– Да, – отозвалась Изи, – миниатюру Соломии. Но мне показалось, что она ее засунет в чулан, как только привезет домой. И купила только для того, чтобы порадовать невестку.

Джордж вымучено улыбнулся.

– Мама в своем репертуаре. Она не признает современной живописи, говорит, что за последние сто лет ничего толкового не нарисовали.

– И ты пошел в нее, если тебе нравилась украденная антикварная мазня, – скривилась Изабелла.

– Хватит! – в сердцах воскликнул Джордж, потом сразу же взял себя в руки. Если у него отвратительное настроение, то не стоит его портить и остальным. – Ну вот. У нас первая семейная ссора.

Он подошел к жене и крепко обнял ее.

– Прости, – Джордж уткнулся в волосы девушки, – завтра придет сыщик. Возможно, что-нибудь обнаружит. Дашь ему список гостей? И названия фирм, что устраивали торжество?

– Дам, конечно, – отозвалась Изабелла, – только я не думаю, что мои или твои гости могли взять картину. Я лично знаю каждого и готова за них поручиться.

Джордж поцеловал жену в висок.

– Пойдем ужинать? Я сегодня так и не смог поработать. Надеюсь, что хоть завтра что-нибудь напишу.

Но и на следующий день Джорджу не удалось написать ни строчки. Утром прибыл сыщик, Даниель Гарсия. Пожилой серьезный мужчина, как оказалось, бывший полицейский.

Он внимательно выслушал честный рассказ Джорджа о картине из пражского музея и сделал единственный вывод.

– Значит, в полицию мне путь заказан, а у меня там остались неплохие связи. Сначала я осмотрю место преступления и опрошу слуг. Жаль, что Вы убрали раму, которую повесили вместо картины. Отпечатки будут смазаны.

Джордж пожал плечами.

– Она меня нервировала.

Он взял ноут отправился в библиотеку, чтобы хоть немного пописать, но в голову не приходило ничего путного. Он прислушивался к шагам в коридоре, приглушенному разговору детектива со слугами, стуку, шорохам, и все его нервировало. Наконец, он бросил эту затею, отправил компьютер в сон и открыл Диккенса. Если он сам не может писать, то пусть хоть почитает что-нибудь стоящее.

Сеньор Гарсия пригласил Джорджа в кабинет под вечер.

– Картина неутешительная, – произнес он, когда писатель уселся в кресло и с надеждой уставился на сыщика.

– Произошли две неприятные вещи. Во-первых, Вы сняли раму с крючка, во-вторых, прислуга убралась утром в вашем кабинете и вымыла полы. Они проверили – кабинет был открыт, значит, можно входить. Следов не осталось. Единственное, что могу сказать, – Джордж напряженно впился глазами в лицо детектива, – работал профессионал. Он проник в кабинет через дверь, она была не заперта. Я снял отпечатки, но вряд ли что-либо обнаружу. Особенно, если при-

слуга протёрла ручки. Далее. Похититель искусно заменил картину. Непонятно, зачем он оставил раму и полотно. Это пахнет какой-то странной прихотью. Я взял на исследование скобы, при помощи которых оно сейчас натянуто на раму. Посмотрим, что к чему. Если преступник воспользовался теми же скобами, то ему на все понадобилось не менее нескольких часов, чтобы ювелирно вытащить их и прикрепить заново. Это нонсенс. Воры делают работу быстро. Для них главное скорость, а не забота о том, чтобы после все красиво выглядело.

Джордж внимательно слушал. Пока все логично и правильно.

– Дальше. Он вышел через секретную дверь, ведущую в гараж. Я нашел ее за шкафом.

– О двери никто не знает, – удивился Джордж, – даже слуги. Риелтор, который продал мне виллу, рассказал о ней, а я оставил все в тайне.

– Что знают двое, знает и свинья, – глубокомысленно заявил детектив, произнеся известную немецкую поговорку, – остались чертежи особняка, да и риелтор, возможно, показывал ее кому-либо другому перед вами. Не суть. Наш грабитель проник в гараж. Если я правильно понял, вчера у вас было торжество.

Джордж быстро кивнул.

– Поздравляю, – кривовато улыбнулся Гарсия и продолжил, – он вышел через гаражную дверь. Не могу сказать, под-

нимал он ее или нет. Вы утром приехали на такси?

– Да, – ответил Джордж.

– Значит, не поднимал. Я нашел на воротах клочки белой рубашки. Вор был очень маленьким и гибким, если смог протиснуться в узкий проем под ними.

– Почему он не поднял их?

– Не знаю, – пожал плечами детектив, – может, боялся, что из-за шума подъемника его услышат гости?

– И он решил поранить спину, чтобы выбраться? – скептически спросил Джордж.

– Я же говорю, очень много неясностей. Дальше. Он вылез из ворот и скрылся позади дома. Ушел или через пляж, или перелез на соседний участок. В любом случае, следов нет – все вытоптали гости.

– Да, – Джордж потер переносицу, – в полночь был праздничный фейерверк над морем. Его было хорошо видно именно с той стороны.

Детектив вздохнул.

– Завтра я начну опрашивать гостей и обслуживающий персонал, не видели ли они кого-нибудь. Но могу сказать сразу, мистер Олдридж. Это глухарь.

– В смысле? – Джордж ошеломленно уставился на детектива.

– Я опрошу всех. Они скажут, что ничего не видели. В такой суматохе и неразберихе трудно за кем-то уследить. Или еще хуже, начнут придумывать несуществующих людей и со-

бытия. И я только потрачу драгоценное время и запутаюсь в поисках фантомов.

– Но есть нитки с рубашки, – с надеждой произнес Джордж.

– Спектральный анализ? – улыбнулся детектив. – Он ничего не даст. Мы же не сможем взять ткань с одежды, в которой были все гости и прислуга? Вы разоритесь на экспертизах. И не факт, что мы обнаружим его среди них. Если это чужой человек, мы вовсе его не найдем. Рубашка уже сожжена или выброшена в мусорный бак.

– Понятно, – опустил голову Джордж, – но хоть что-то Вы сможете посоветовать?

– Не покупать больше картин на черном рынке, – улыбнулся детектив, – или более тщательно их прятать.

Гарсия встал и протянул руку.

– Если узнаю что-то новое, я Вам сообщу.

– Спасибо, детектив, – пожал руку Джордж, – буду ждать новостей.

– Полная амнезия, – вынес вердикт один из докторов.

Консилиум собрался утром, как только Анна Симпсон появилась в палате. Она взяла на себя роль моей опекунши, так как за неделю нахождения в больнице ни моих родственников, ни друзей полиция не нашла.

«Странно было бы, если бы нашла», – подумала я тогда, когда полицейский в последний раз приходил в госпиталь.

Непонятное слово «амнезия», озвученное в первый же день моего прибытия сюда, стало спасением. Это значило, что я не должна рассказывать о том, как появилась на свет, о том, кто меня нарисовал, и кто я на самом деле. А должна только мило хлопать глазами и на все вопросы отвечать – не помню.

– Но она знает свое имя, – произнесла Анна обеспокоенно.

– Почти все больные амнезией помнят имя. Это самое личное, что у них есть, так что неудивительно, что Лаура его вспомнила. Ее болезнь вызвана не физическим повреждением, так как ничего серьезного мы не нашли, а психологической травмой, а это гораздо сложнее вылечить. Она не только потеряла память, но и разучилась говорить, писать и читать. Так же у нее очень слабые мышцы на ногах и руках. Словно она последний год лежала в кровати и не вставала. Много непонятного в этом конкретном случае, но без помощи Лауры мы не сможем разобраться. А она ничего не помнит.

Некоторое время доктора еще перекидывались между собой странными терминами, а потом ушли. В палате остались сеньор Перес, мой лечащий врач, и Анна Симпсон, моя спасительница. Бинты еще не сняли. И пусть говорили, что на моем теле в основном царапины, глубокие и не очень, доктор решил перестраховаться.

– Очень странно, – задумчиво ответила Анна, – как Лаура вообще появилась на берегу? Я проверила сводки новостей.

Ни одного крушения за последние несколько дней. Может быть, это было неизвестное судно, заплывшее в Балеарское море?

– Не знаю, – ответил доктор, – мы поместили ее фото в газетах. Но лицо было исцарапано и перевязано бинтами. Вряд ли кто-нибудь ее узнал бы. Подождем, когда снимем повязки и тогда еще раз сфотографируем.

Я подумала, чем мне грозит эта процедура. И смогут ли узнать меня Алан или Джордж по фотографии?

– Жаль, что Вы выбросили ее рубашку, – вздохнула Анна, – еще тогда, на берегу, я заметила, что ткань была особенная, и вышивка по воротнику очень интересная. Таких сейчас не делают.

– Она была вся в крови и изодранная, – с сожалением ответил доктор.

Я переводила смиренный взгляд от доктора к Анне. Все складывалось, как нельзя лучше. В больнице я в относительной безопасности. Полиция больше не приходила. Семейная пара, которая меня подобрала, оказались милейшими людьми они регулярно навещали в госпитале. Мне было стыдно им врать, но правда была гораздо хуже.

– Единственное, что мы можем предложить для лечения амнезии – гипноз, – продолжил доктор. Я испуганно дернулась. Это еще что такое?

– А он сможет помочь? – нахмурилась Анна. – Я слышала, что гипноз редко бывает эффективен.

Доктор развел руками.

– Давайте попробуем? Могут пройти годы и даже десятилетия, пока Лаура вспомнит. А может, и не вспомнит вовсе.

– Ты как, девочка? – Анна повернулась ко мне и заглянула в глаза. – Согласна?

Я молча кивнула. Что мне оставалось делать? Гипноз, так гипноз.

За неделю я смирилась с тем, что я жива. Миллионы мыслей посещали меня. Как это случилось? Сама ли я ожила или кто-то помог? Это было изначально запланировано или просто нужно было пятьсот лет набираться сил? А, может, я ожила, потому что влюбилась? Ведь раньше я никогда сама не любила. Волшебство отсутствовало в этом мире, но то, что со мной произошло, по-другому было не назвать. А может, я мало знаю о человечестве, душе, Боге? А вдруг волшебные вещи случаются? И я – наглядное тому подтверждение?

Все было странно и абсурдно. Первый позыв в туалет. Первые спазмы голода. Мытье тела, головы, расчесывание спутанных волос, боль от уколов. А еще я спала! Я никогда не спала в своей жизни, только уходила в небытие. И мне снятся сны! Это так интересно, просыпаться утром, с первыми лучами солнца. Наслаждаться гладкостью простыней, которые скользят по коже, запахом мыла, зубной пасты. Вкусом апельсина на завтрак.

Я родилась заново. И пусть изучала жизнь людей более

четырёх сотен лет, многое от меня ускользнуло. Нужно было учиться есть, пить, ходить в туалет, мыться. Столько разнообразных действий, которым учат в детстве и которые сопровождают человека в его жизни. Мне было немного проще – я наблюдала за многими вещами и знала, что они означают. Удивительно так же то, что больше всего я почерпнула из жизни в борделе. Там бытовые обыденные вещи происходили на моих глазах – мытье, макияж, одевание – раздевание, штопка, глажка и еще сотни разнообразных действий. Лицеприятных и не очень. Я даже видела, как вправляют вывихи и лечат порезы. И, увы, бьют и насилуют.

Разговаривать я научилась очень быстро. Одну ночь потренировалась со звуками, которые могло издавать горло, и легко принялась складывать слова, а потом и предложения.

Анна и Джон Симпсоны приехали в Испанию из Америки. Они купили небольшую виллу на побережье Средиземного моря. Их дети и внуки выросли, денег было достаточно, да и старость лучше коротать в теплом благодатном климате, чем в холодной Миннесоте. Анне было семьдесят четыре, а ее мужу семьдесят пять. Мы общались на испанском, но и английский я немного знала, так как провисела семьдесят пять лет в национальной портретной галерее в Лондоне, пока меня не обменяли на один из портретов кисти Франсуа Жерара. Мне очень повезло, что Симпсоны гуляя в тот вечер, зашли чуть дальше, чем обычно, и нашли меня на мокром песке.

После обеда сняли бинты. Я не слишком переживала за

внешность. Пока она существовала отдельно от меня самой. Лицо, как лицо. Уродство и красота понятия относительные, мне ли этого не знать? В музеях я видела странные картины с перекошенными лицами и ими восхищались даже больше, чем мной. А вот Анна очень беспокоилась, чтобы царапины не оставили следов.

– Отлично, – произнес доктор, снимая последнюю повязку, пристально рассматривая мою кожу, – никаких повреждений.

– Ты настоящая красавица, Лаура, – восхищенно воскликнула Анна, подходя ближе и протягивая зеркало.

Доктор одобрительно прищелкнул языком. Я смотрела на свое отражение и думала: «Теперь мне с этим лицом жить. С лицом древней нарисованной аристократки».

– Завтра утром придет гипнолог, – добавил доктор немного смущенно, – мы вызвали его из Мадрида.

Врачи решили оставить меня еще на один день. В общем и целом я была полностью здорова и готова покинуть госпиталь. Полиция выдала временные документы. Симпсоны взяли на поруки и сказали, что я буду жить у них. До тех пор, пока не найдутся родственники. В ответ на это оптимистическое заявление я только хмыкнула. Тогда мне придется жить у них вечно.

Наступило утро. Я на костылях поковыляла к раковине. Умылась, почистила зубы. Сделала обязательную зарядку, с трудом, но переделалась в то, что мне принесла вчера Анна

– летний сарафан и сланцы. Села на стул и принялась ждать докторов. Должна была так же приехать и Анна, как единственный близкий мне человек. Гипноза я серьезно опасалась. Меня погрузят в сон, будут задавать разные провокационные вопросы. А я должна буду отвечать, хочу этого или нет.

После экзекуции я очнулась и со страхом осмотрела присутствующих. Что я говорила, что рассказала, какую тайну открыла? Я ожидала, что меня сейчас назовут сумасшедшей и безумной, что во взглядах, обращенных на меня, будут ужас и негодование.

Но Анна и доктора смотрели только озадаченно и растерянно.

– Непонятно, – в итоге заявил сеньор Перес.

– Что я говорила? – испуганно пробормотала я, сделав соответствующее лицо.

– Как я и предполагала, ничего толкового гипноз не дал, – за всех ответила Анна. – Когда доктор спросил, как тебя зовут, ты сказала Лаура. Он попросил уточнить фамилию. Ты озадаченно застыла и непонимающе уставилась в окно. Он произнес: «Назовите полное имя и фамилию», ты неуверенно произнесла – Лаура де Монтиньонес. Он спросил, сколько тебе лет. Ты ответила – много, точно не знаешь. Где ты жила? Ты сказала – Испания, Германия, Франция, Бельгия... В общем перечислила почти все страны Евросоюза. Твои родители? Ты сказала Создатель. Доктор уточнил – Бог? Ты от-

ветила – да. Больше мы ничего не добились.

Я ошеломленно помотала головой. Ничего не помню.

– Гипноз не помог. Остается надежда, что когда-нибудь Лаура сама вспомнит, – скептически произнесла Анна.

– Но мы узнали ее фамилию! – воскликнул Перес. – А это уже немаловажно! Если мы найдем родственников, то сможем сообщить им.

Доктор раскрыл планшет и принялся что-то там писать. Я опасливо косилась на его одухотворенное лицо.

– Так. Лаура де Монтиньонес. Посмотрим, – бубнил он под нос. – Есть одна Лаура!

Все перевели изумленные взгляды на Переса, ожидая чего-то невероятного.

– Упс! Лаура де Монтиньонес, дочь дона Хуана де Монтиньонес, испанского гранда, жившего в начале шестнадцатого века в Севилье. Единственный отпрыск. Она была отдана в жены какому-то богатому феодалу. Не оставила после себя детей. Род де Монтиньонес угас. Лаура была последней его представительницей.

– И все? – поинтересовалась Анна. – А сейчас кто-нибудь носит эту фамилию?

– Данных нет, – поднял голову доктор. – Возможно, полиция что-то найдет?

– Ничего она не найдет, – проворчала Анна, помогая мне встать с кресла и подавая трость. Ноги по-прежнему держали слабо. Мышцы за неделю массажей и физиопроцедур окреп-

ли, но недостаточно. – Хватит для Лауры гипнозов и лечений. И так настрадалась, бедная девочка. Мы едем домой.

Симпсоны привезли меня к себе. Домик у них был небольшой. Даже не отдельный дом, а таунхаус со своим выходом и маленьким палисадником, на котором цвели примулы и стояла беседка. Он был гораздо меньше виллы Джорджа, находился не на первой линии моря, и с него не открывался завораживающий вид, но мне он показался гораздо милее и уютнее. В доме был один этаж, две спальни и большая гостиная. Кухня, она же и столовая, находилась в ней же.

Я не знала, что буду делать. Как жить, на что существовать. Симпсоны хорошие люди, но я не могу же у них жить вечно? В основном я помалкивала, так как боялась ляпнуть что-нибудь анахроничное или допотопное. Я постоянно училась, прислушивалась к разговорам вокруг, смотрела телевизор. Пыталась запомнить стиль речи, выражения, современные термины. Предстояло научиться читать и писать. Еще в больнице я попросила букварь и заучила алфавит. Пока испанский, дальше в планах были английский и французский.

Голова шла кругом – я живу! Пью, ем, дышу, трогаю, ощущаю. Столько непередаваемых оттенков эмоций и вкусов каждый день! Наверное, когда-нибудь мне надоест смотреть на солнце или пить апельсиновый сок, но пока этот день не наступил. Меня приводили в восторг самые обычные вещи – постоянство слов «Доброе утро» каждый день, вкус поджаренного хлеба с тонким ломтиком ветчины, скольжение рас-

чески по волосам, мытье рук, запах мыла. Даже боль в мышцах после зарядки была приятна!

Наверное, мне нужно найти работу, ведь здесь все люди работают. Но как только я заикнулась об этом, Анна раскричалась и назвала меня безмозглой дурочкой.

– Едва ходишь! Не умеешь ни читать, ни писать! Ничего не знаешь и не помнишь! Куда ты пойдешь? – восклицала она. Джон сидел рядом и согласно кивал головой. – Тебе как минимум еще месяц приходиться в себя. А там, глядишь, и родственники найдутся.

Я согласилась, так как сама понимала, что сейчас я беспомощная, как котенок. И с удвоенной силой взялась за обучение. Анна даже наняла репетитора, женщину, обучавшую чтению и письму первоклашек. С ней дела пошли быстрее.

А через две недели к нам пожаловали гости. Неожиданно из Америки к Симпсонам прилетел их внук Ричард. Анна и Джон были безумно рады приезду любимого внука, а я отнеслась к этому событию с настороженностью. С чего бы это студент последнего курса престижного университета в разгар обучения решил приехать проведать бабушку с дедушкой? Не иначе, как проинспектировать. Посмотреть на хищницу, которая поселилась у них и тянет деньги пенсионеров. Как это ни прискорбно, но доля истины в этом была – Симпсоны заплатили немалую сумму за мое пребывание в госпитале.

– Познакомься, Лаура, – Анна сияла, как отполирован-

ный чайник, – мой внук, Ричард Симпсон. Студент Йельского университета, сын моего старшенького, профессора по литературе – Генри. Генри сам работает в Йеле. Преподает английских и французских классиков.

Молодой человек пристально рассматривал меня сверху вниз. Кого он видел? Худенькую белокурую девушку с роскошной косой, широко раскрытыми серыми глазами и бледной кожей? Или все же, холодную алчную красавицу, коварную и подлую?

Я попыталась встать с дивана и достойно поприветствовать гостя, но Анна не дала, с силой опустив руку на мое плечо.

– Она еще плохо ходит, – объяснила за меня Анна внуку, – незачем вставать.

Ричард был похож на дедушку. У него тоже был тяжело-ватый квадратный подбородок с ямочкой и широкий умный лоб. Карие пытливые глаза смотрели цепко и испытующе. Лицо после многочасового перелета выглядело устало, но не настолько, чтобы смягчиться при виде ловкой аферистки, то есть меня. Молодой человек буднично поцеловал Анну в щеку и сел напротив, демонстративно сложив руки на груди. Анна с Джоном уселись рядом со мной, словно защищая от своего же внука. Морщинистая рука Анны накрыла мою и несильно сжала, словно говоря: «Держись».

– Черт, – пробормотал Ричард на старофранцузском, – а она красotka.

– Это хорошо или плохо? – поинтересовалась я на том же диалекте.

Глаза парня изумленно округлились.

– Вы знаете языки? – удивленно поинтересовался он на немецком.

– Немного знаю, – ответила я на нем же.

– И какие? – на итальянском.

– Какие именно Вас интересуют? – ответила я на сербском.

– Туше, – усмехнулся Ричард и перешел на английский, – сербский только недавно начал учить.

– Сочувствую, – произнесла на чешском.

Дуэль состоялась. Неизвестно, выиграла я в ней или нет, но впечатление произвела, это точно. Парень был явно дезориентирован. Он озадаченно хмурился и кусал губы. «Разрыв шаблона налицо», – усмехнулась я мысленно.

– Бабушка, – в голосе Ричарда проскользнула то ли ревность, то ли зависть, то ли уважение, – ты же говорила, что Лаура потеряла память? Как она может помнить столько языков?

– А ты у нее спроси, – горделиво ответила Анна, словно моя победа в дуэли ее заслуга.

– Я сама не знаю, на скольких языках могу разговаривать, – дружески улыбнулась я, – просто слова приходят в голову и все.

– С ума сойти! – воскликнул Ричард, обводя взглядом

всех нас. – Лаура разговаривает на семи языках! Это минимум! Меня отец учил языкам с детства. И то, славянскую группу я так и не смог одолеть, а она знает! Сколько же Вам лет?

Я скромно опустила глаза.

– Точно не помню.

– Вряд ли больше двадцати-двадцати пяти, – ответил сам же на свой вопрос Ричард, – тогда Вы уникам.

Ловкая аферистка была забыта. Теперь я уникам. Хотя, если бы он знал, сколько мне лет на самом деле, вряд ли он бы считал меня гением. За пять столетий еще и не то можно выучить.

– Вы могли бы работать переводчиком или кем-то другим в этой сфере, – продолжил он.

– Я не умею ни читать, ни писать, – вздохнула я показательно, – только начала учиться. Поэтому вряд ли я сейчас готова к полноценным переводам.

– Допрос закончен? – обратилась Анна к Ричарду, вставая. – Можем идти ужинать?

После неуверенного кивка внука она добавила:

– Пиши эсэмэс отцу, что Лаура приличная девушка и не собирается обирать бедных стариков.

Мне показалось, что внук смутился.

– Неужели вы с Генри думали, что мы совсем уже из ума выжили на старости лет? – Анна с хитрецей смотрела на Ричарда, уперев руки в бока. – Лаура прекрасно может о се-

бе позаботиться, когда окрепнет и встанет на ноги.

– Она может прекрасно о себе позаботиться, выйдя на улицу и обратившись к первому попавшемуся фотографу, – буркнул Ричард сердито, – с таким лицом можно зарабатывать миллионы, и не думая головой.

– О чем это он? – я удивленно обернулась к Анне.

– Ричард говорит о том, что ты могла бы сделать карьеру фотомодели, – ответила она, строго посмотрев на внука, – но я не одобряю такого способа зарабатывания денег.

– А модели много получают? – не унималась я.

Могут пройти месяцы, пока я научусь хорошо читать и писать. Счет за лечение, оплаченный Симпсонами, беспокоил меня. Репетитор, одежда, обувь, разные мелочи, купленные ими, не добавляли хорошего настроения. Чем раньше я начну зарабатывать, тем лучше. Ричард прав – я села старикам на шею и пользуюсь их добротой.

– Хорошие очень много, – ухмыльнулся Ричард, – с Вашей внешностью, думаю, Вы мгновенно выйдете в топ.

Слова были немного непонятны, но главное я уловила – я могу сразу получить деньги.

– А Вы не могли бы найти мне улицу, где я встречу фотографа? – поинтересовалась я.

Ричард нахмурился. Неужели, я опять что-то не то ляпнула?

– Вы странно говорите, – произнес он озадачено, – складываете фразы хаотично и беспорядочно, словно наугад.

– Это еще ничего, – рассмеялась Анна, – сначала Лаура вообще не умела говорить. А когда заговорила, то первое, что сказала доктору, было: «Вы будете реставрировать мое тело?»

Я смутилась, опустив глаза. Помня, что реставратор чинил картину, я соответственно сделала вывод, что доктор чинит человеческие тела. Но оказалось, что для этого есть другие фразы. После нескольких подобных конфузов, я и вовсе принялась помалкивать, больше слушая, чем разговаривая.

– Бедняжка, – старушка подошла и похлопала меня по руке, – с ней произошло что-то ужасное, раз она не только потеряла память, но и разучилась говорить, читать и писать.

– Я помогу Вам, – серьезно сказал Ричард, протягивая ладонь для рукопожатия. Я неуверенно вложила свою, – интернет в полном нашем распоряжении. После ужина займемся поиском студии для Вашего портфолио, – глаза Ричарда загорелись азартом. – Завтра мы взорвем Барселону, Лаура. Это я Вам обещаю!

– Я не могу дать тебе аванс, Джордж. Больше половины экземпляров последней книги остались лежать на полках магазинов. Даже не окупили затраты на печать. Рецензии отвратительные. Ты исписался? Так быстро?

Его издатель, Жак Сонерс, был возмущен. Джордж даже по телефону ощущал его гнев и разочарование. Но что делать? Он и сам прекрасно понимал, что «Водоворот теней»,

его последний роман, не дотягивал до идеала. Задумка была интересная, начало искрометное и завораживающее. А дальше... Ступор. То ли свадьба помешала, то ли кража «Лауры», но после блестящих первых глав Джордж ничего значительного не написал. А концовка и вовсе выдалась предсказуемой и бездарной. Деньги были нужны, сроки поджимали, аванс был потрачен, и Джордж сделал то, что не делал ни разу в жизни – дописал роман технически. Казенным, скучным языком. Итог был предрешен.

– Что ты сейчас пишешь? – через некоторое время спросил Жак тоном ниже.

– Да есть кое-какие мыслишки, – произнес Джордж туманно.

На самом деле никаких мыслей не было. Даже мимолетных. Он часами просиживал перед пустым белым листом на экране, потом бросал эту затею и шел на побережье с банкой пива, смотреть на закат.

Расследования детектива Гарсии ровным счетом ничего не дали. Беседы с гостями и обслуживающим персоналом прошли впустую. Никто никого не видел. Отпечатки на ручке кабинета были стерты горничной. Нитки, которые обнаружили на гаражных воротах, отдали на спектральный анализ. А вдруг удалось бы выяснить, кто производитель рубашки? Но из лаборатории пришел странный отчет. Ткань была сделана из льняного полотна приблизительно пятнадцатый – шестнадцатый век.

– Ваш вор тот еще шутник, – прокомментировал эти данные Гарсия, – чтобы украсть картину шестнадцатого века, он обрядился в одежду той же эпохи.

Джорджу все и так казалось очень странным, а рубашка только добавила путаницы. Он поблагодарил детектива, расплатился с ним и мысленно попрощался с Лаурой.

Если бы не кража картины, он чувствовал бы себя вполне счастливым человеком. Его красавица жена обустроивала дом, стараясь сделать из него венец уюта и респектабельности. Каждую ночь она была рядом, пылкая, нежная, прекрасная. Вскоре после свадьбы они на неделю слетали в Париж. Да, Джордж мог бы быть безмятежно счастлив, если бы не одно но. Украли его Лауру. Он словно лишился чего-то важного. Руки или ноги. И эта потеря зудела на задворках сознания, не давая раствориться в блаженстве новобрачного.

А потом, через некоторое время, он заметил, что вдохновение исчезло. Сидя за столом, по привычке, бросал взгляд на стену и натыкался на пустое пространство. Он повесил туда морской пейзаж. Без толку. Потом картину Николло, купленную Изи. Тот же эффект. В итоге Джордж передвинул стол так, чтобы не видеть стену вовсе. Теперь он смотрел в окно. Стало гораздо лучше, по крайней мере, он кое-как закончил книгу.

Изи беспокоилась. Она видела метания мужа, но ничем не могла помочь. Ее же карьера продвигалась прекрасно. О галерее Касс даже написали в «Пипл». Художники в очередь

становились, чтобы выставить у нее свои работы.

– Ты мог бы позвонить своему отцу, – как-то раз сказала она за ужином.

– Зачем? – напрягся Джордж. Он до сих пор болезненно переносил их размолвку и принимал в штыки любые уговоры жены пойти отцу навстречу. Она не раз и не два намекала, что пора бы помириться со знаменитым семейством.

– Ты сейчас в унынии и ступоре. Ничего не пишешь...

– Я пишу! – прервал ее Джордж.

Изабелла только скептически ухмыльнулась.

– Мог бы то время, которое ты растрачиваешь на пиво и прогулки по побережью, потратить с большей пользой, – девушка шла напролом.

Хватит терпеть меланхолию Джорджа. Она не для того выходила замуж, чтобы смотреть, как он неделями «ищет вдохновение». Ей нужны результаты и немедленно. Творческая личность? Как же! Пусть она всю жизнь прожила среди богемы, пусть ее работа связана с искусством, но она ни на грамм не была идеалистом. Для нее важен результат. А результат – это деньги. Чем их больше, тем лучше. А вдохновение – это туфта для романтиков.

– Например, ты мог бы съездить в гости, поговорить по душам, – продолжала Изабелла, – твой отец сейчас в Берлине, инспектирует отель «Сан-Палас». Отсюда всего пару часов.

Джордж мысленно отметил, что жена отслеживает пере-

движения Олдриджа старшего. С чего бы ей делать?

– Ты должен извиниться.

– За что? – округлил глаза Джордж.

Он впервые видел жену такой воодушевленной. Нет, он, конечно, знал, что Изи решительна и целеустремлена, но думал, что эта сторона ее характера уж его-то не коснется. Что она не будет оттачивать свое мастерство убеждения на мужа.

– За то, что разочаровал его, – продолжала она, – за то, что огорчил близкого человека, за то, что поступил необдуманно, как беспечный неразумный юнец.

Джордж от потрясения не мог вымолвить ни слова. Это действительно ее слова, или ему кажется? Его прекрасная жена превратилась в незнакомку. Она ли раньше восторгалась его талантом? Она ли говорила, что его книги – лучшее, что она читала в жизни? Она ли убеждала его в том, что он писатель от Бога? Джордж ошеломленно прокашлялся.

– Отец потребует бросить писать и впрячься в семейный бизнес, – произнес он в надежде, что Изи поймет. Он писатель, а не финансист.

– Тогда, быть может, стоит немного поработать в семейном бизнесе? – ласково ответила Изабелла, приподнимая бровь, – у тебя сейчас творческий кризис. Самое время попробовать себя в чем-то еще.

– Нет, – отрезал Джордж, – я не буду ни в чем себя пробовать. Кризис пройдет, и я опять сяду за роман.

– Ну-ну, – фыркнула она насмешливо, – свежо предание.

Это была первая серьезная размолвка супругов. Они легли спать, даже не поцеловавшись, отвернувшись друг от друга, откатившись в разные концы кровати. Утром Джордж, как ни в чем не бывало, потянулся к Изи.

– Так ты позвонишь сегодня отцу? – мурлыкнула она в перерывах между поцелуями.

Джордж ошеломленно уставился на жену.

– Я думал, мы вчера закрыли эту тему, – пробормотал он.

– Нет, не закрыли, – ледяным тоном отрезала девушка, вставая с кровати. – Если не хочешь звонить, тогда придумай, как расплатиться за виллу, дорогой. Я не собираюсь оплачивать твой дом из собственного кармана, пока ты ищешь вдохновение.

«Вдохновение» она произнесла мерзким писклявым голоском так, что Джорджа передернуло от отвращения. Изабелла демонстративно хлопнула дверью ванной комнаты и щелкнула замком. Наступила оглушающая тишина. Джордж сел на кровати и задумчиво уставился в окно. Что случилось с его милой женой? У него еще были деньги, по крайней мере, нищета им не грозила. И за виллу он платит сам. Откуда такая категоричность и грубость?

Утром он позвонил в пару-тройку журналов и предложил свои услуги. Если он не может писать, то журналистский хлеб вполне заменит писательский. Конечно, возвращаться назад, на ступеньку ниже, не хотелось, но что делать? Деньги действительно были нужны.

– Вот контракт. Подпишите здесь и здесь, – мне подсунули под руку стопку бумаг.

Читала я еще медленно, по буквам, поэтому, чтобы не выдать своего невежества, передвинула контракт Мартин. Моя бывшая учительница и наставница, понятиливо кивнула и быстро пробежала глазами текст.

– Контракт на пять лет. Два миллиона евро в год, – коротко резюмировала она. Я немного округлила глаза, спрашивая: «И что посоветуешь?»

– Нам нужно обсудить условия наедине, – солидно произнесла Мартин. Представители испанского дома моды «Эс-криба» молча вышли за дверь, оставив нас в кабинете одних.

Мартин стала для меня спасением. Анна отказалась сопровождать, прокомментировав, что слишком стара для таких дел. Ричард, заварив кашу и разослав портфолио в десятков компаний, улетел в Америку, напоследок клятвенно пообещав приехать на ближайших каникулах. Анна скептически улыбнулась, шепнув на ухо: «Он не был таким примерным внуком все четыре года обучения в Йеле. Наверное, его что-то другое привлекает в Барселоне». Я только ответила непонимающим взглядом.

А сеньора Мартина Альварес, а попросту Мартин, не отказала в просьбе бедной необразованной сеньорите. Тридцать два года она проработала учительницей в различных школах Барселоны. И в государственных, и в частных. А сей-

час, в шестьдесят один, выйдя на пенсию, репетиторствовала, чтобы хоть как-то (как она говорила) занять свободное время. Дети выросли и разъехались, с мужем она развелась семь лет назад. Он нашел продавщицу из соседнего универсама на пятнадцать лет моложе, а Мартин не захотела смириться с жизнью втроем. Мы быстро подружились. Худенькая смуглая женщина, прекрасно выглядевшая на свой возраст, с радостью взялась за мое обучение и наставничество.

– Давно пора оставить преподавательскую деятельность и заняться чем-нибудь интересным. Если ты прославишься, в чем я не сомневаюсь, то и мне перепадет, – сказала она и взяла на себя функции моего помощника и агента.

Меня завалили приглашениями. Я растерялась и не знала, что делать. Моя бдительная перестраховщица Анна предупредила о трудностях, которые сопровождают моделей. Она просила меня быть благоразумной, намекала на странные пугающие требования, которые могут предъявить работодатели. Что меня будут просить сниматься голой, что даже заставят спать с кем-то. Мартин хохоча уверила, что если я не захочу ни с кем спать, то меня никто не заставит. А я только ошарашенно хлопала глазами, не понимая, о чем это они рассуждают.

После долгих бесед по телефону, исследований в интернете и советов многочисленных подруг Анны, мы выбрали «Эскрибу», модельное агентство, сотрудничавшее с ювелирными и парфюмерными домами.

– Ты не должна подписывать контракт на все пять лет, – заявила Мартин, как только представители агентства вышли за дверь, – ты станешь знаменитой очень быстро, а длительный договор свяжет тебя по рукам и ногам. У тебя очень необычное лицо. Словно ты сошла с полотен Рафаэля. Особенно это заметно, когда ты, как сейчас, заплетаешь косу.

Я озадаченно нахмурилась и мысленно сделала пометку больше никогда так не плести волосы, укладывая короной на голове. Пусть моя картина последние шестьдесят лет пролежала в подвале, оставался призрачный шанс, что меня кто-нибудь узнает. С другой стороны, за месяц никто не позвонил и не раскрыл мое инкогнито, даже притом, что моя фотография была разослана полицией во все газеты. Я видела ее. По ней трудно узнать нарисованную «Лауру» из музея. Я немного успокоилась и перестала опасаться разоблачения.

– Понятно, – ответила я Мартин, – а два миллиона в год – это много или мало?

– Для первого раза достаточно, – хмыкнула женщина самодовольно.

Я подумала, что это более чем достаточно. Так как, если разделить всю сумму на двенадцать месяцев, то получится по сто шестьдесят тысяч в месяц. Это намного больше, чем заплатили за мое лечение Симпсоны.

Мы сторговались на два года. Дополнительным пунктом внесли мой отказ сниматься обнаженной. С их стороны было требование – в течение двух лет не укорачивать волосы.

Я без проблем согласилась, так как не собиралась ничего с ними делать. Мне вообще нравился сам факт их существования. Хотя, стоило признаться, сложностей с ними было много. В больнице мне помогала их мыть медсестра. В доме Симпсонов я несколько пробовала мыть сама и поняла, что это проблема невиданного масштаба. Мыть еще как-то получалось. Стоя под душем. А вот сушить и расчесывать... После того, как однажды Мартин мне помогла, она заявила, что хорошо, что я собралась стать моделью, потому что в дальнейшем, мне будут укладывать волосы в салоне красоты. И это радует.

– Нужно еще научиться накладывать макияж, – произнесла я, когда мы с Мартин сели в такси.

Контракт был подписан. Через неделю я должна присутствовать на первой фотосессии. Трусила я страшно. Всего месяц прошел с моего «рождения», а я уже нашла работу, и неплохую.

– С этим можешь не переживать, – ответила она, – к твоим услугам будут стилисты, косметологи и парикмахеры. Тебе вообще ничего не нужно будет делать самой.

– Ты будешь сопровождать меня? – мой голос подозрительно дрогнул.

Мартин согласно кивнула и потеряла руки.

– Необходимо съездить в банк, открыть счет, куда тебе будут перечислять деньги. Дальше страховка... – она обернулась. – Ты же не умеешь водить? Я отрицательно мотнула

головой. Мартин притворно вздохнула. – Значит, пока будем перемещаться на такси. Еще не мешало бы снять собственное жилье в Барселоне.

– Я куплю тебе машину, как только получу первые деньги, – пообещала я, – Ты сможешь мне снять квартиру?

Мартин лукаво улыбнулась.

– За автомобиль? С радостью!

Как Мартин и предполагала, мои фото быстро стали популярны. «Лицо, которое любят бриллианты» – так называли меня рекламщики. Действительно, украшения на мне выглядели эффектно. Особенно вычурные, тяжелые колье, диадемы, которые не подходили другим моделям. Меня они превращали в королеву и смотрелись так органично, словно я носила их всю жизнь.

Мартин сняла для меня апартаменты в центре, купила мобильный телефон, научила им пользоваться. Так же провела ликбез по банковским карточкам и чековой книжке. Мне сделали новые документы. В графе «фамилия» я попросила поставить Симпсон, так как Монтиньонес была слишком вычурной и старинной. Мало ли что.

Жизнь налаживалась. Оказывается, позировать перед камерами, улыбаться и хмуриться по указанию фотографа гораздо легче, чем работать учительницей или переводчицей. Единственное, что я хорошо умела – это замирать, как статуя, сохраняя неподвижность долгими минутами, не меняя выражение лица.

Я отдала долг Анне с Джоном, купила машину Мартин. Мне нравилось дарить подарки. Нравилось бродить по магазинам, выискивая красивые вещицы, любоваться сверкающими прилавками. Нравилось заходить в кафе и долго сидеть с чашечкой капучино, смотря на беззаботных снующих туда-сюда туристов. А сначала я боялась даже самостоятельно сделать заказ. Мямлила что-то невразумительное и тыкала пальцем в картинки. Первое время Мартин ходила всегда со мной. Учила пользоваться меню, выбирать блюда, платить. Но все равно, когда я гуляла одна, кроме кофе ничего не брала. А еду домой мне привозили готовую. Мартин дала несколько рекламных проспектов ресторанов и показала, как заказывать блюда по телефону. Если она и удивлялась, почему вместе с потерей памяти у меня потерялись самые элементарные навыки, которым учат детей в детстве, то не показывала этого. Она возилась со мной, как с ребенком. И пусть я схватывала все с первого раза, было еще очень много различных мелочей, необходимость в которых возникала неожиданно и ставила в тупик. Например, переход по пешеходному переходу или ходьба по эскалатору, мой любимый цвет или запах, вопрос официанта – арабику я предпочитаю или робусту, кофе крепкой или средней прожарки. И так далее.

Хорошо, что Мартин мне снимала меблированные квартиры с набором постельного белья, туалетных принадлежностей, полотенец и прочего. Иначе, я бы сама ничегошеньки

не смогла выбрать. Я покупала на уличном лотке пачки журналов и вечерами рассматривала картинки с изображением красиво обставленных гостиных, спален, кухонь. Более тщательно рассматривала рекламы косметики, одежды, шляп и обуви. Что такое размер, я узнала только тогда, когда мы с Мартин пошли в бутик покупать мне одежду.

Постепенно, день за днем, я научилась если не всему, то многому. По крайней мере, работники магазина, видя мою платежеспособность, с удовольствием помогали мне избавляться от денег.

Я часто гуляла, не отходя далеко от дома. Пусть у меня всегда с собой был блокнот с адресом, телефонами и распечатанной картой, я еще боялась потеряться. Мне нравилось бродить по городу, смотреть на старинные здания. Это было гораздо лучше, чем висеть на стене и видеть одно и то же десятилетиями. Конечно, идиллия продолжалась до тех пор, пока меня не стали узнавать на улицах. После этого приходилось, гуляя, одевать огромные очки и шляпы.

Разумеется, я помнила о Джордже Олдридже. Моя безответная любовь никуда не делась. Тоска и горечь стелились за мной, как шлейф, куда бы я ни пошла. Но терпеть боль оказалось проще все-таки живой, чем вися у него в кабинете, видя Изабеллу ежедневно, глядя на их объятия и поцелуи.

Он, наверное, счастливо живет с женой. Они планируют детей, поездки за покупками, путешествия в другие страны. Я хотела бы увидеть его, хотя бы издалека. Но помня о его

замкнутости и затворничестве, не могла же я приехать с визитом к нему домой? Я купила в книжном магазине несколько книг и принялась потихоньку читать, тренируясь в испанском, и узнавая Джорджа с другой стороны (а еще на обложке была его фотография).

В голове было столько мыслей! Меня разрывали на части – и учеба, и работа, множество людей, с которыми я сталкивалась, необходимость запоминать их имена, помнить даты, время, привычки и склонности. И еще кучу всякой другой информации. Голова распухала от нужных и ненужных сведений. Мартин успокаивала, что вскоре все знания систематизируются, что я автоматически будут отвечать на простые вопросы, что перестану задумываться над каждой фразой и ее смыслом. И я с нетерпением ждала, когда это произойдет.

С другими девушками я не общалась, кроме «Привет», «Пока». В клубы не ходила, спиртное не употребляла. В общем, мою жизнь можно было бы со стороны назвать скучной, если бы не одно но – жила я всего пару месяцев, и мне скучно не было. А вскоре и вовсе стало работы по горло. Чем больше росла моя популярность, тем чаще меня приглашали на разные мероприятия, выставки, показы мод. Я нигде не ездила без Мартин, боясь попасть впросак. Говорили, что я идеальная модель. Молчаливая, послушная, спокойная и выдержанная. Фотографы даже прозвали меня – золотым стандартом манекенщицы.

Я не понимала, почему все вокруг превозносят меня? По-

чему такая шумиха и ажиотаж вокруг моей внешности? Что такого было в лице? Я часами смотрела в зеркало и не могла понять. Все девушки, работавшие в агентстве, были красивы. А еще высоки, изящны и стройны. Не то, что я. Из-за невысокого роста я не могла продемонстрировать одежду и украшения на подиуме. Только во время «живых» показов и на фотографиях.

Может быть, когда Создатель меня рисовал, передал красками свою любовь? Сделал мое лицо не просто похожим на Лауру, а любимым? Озаренным внутренним светом, радостью, счастьем? Как бы там ни было, деньги мое лицо приносило немалые, что несказанно радовало, так как мне нравилось их тратить. Моя квартира вскоре превратилась в забитый вещами склад. Пушистые ковры, пуфики, вазы, панно и туалетные столики некуда было ни ставить, ни вешать.

Были еще странные намеки от мужчин, которые ставили в тупик. Нет, не на работе. Фотографы были корректны и вежливы, кроме обычных двусмысленных шуточек ничего не позволяли. На показах. Часто ко мне подходили хорошо одетые представители сильного пола, молодые и не очень. Приглашали куда-то, пафосно одаривали всем, что было на мне надето (даже если на шее сверкало бриллиантовое ожерелье, а волосы венчала тиара), требовали адрес, телефон или еще что. Злились, даже ругались. Я непонимающе хлопала глазами, молчала и ждала, пока подоспеет Мартин. Она всегда спасала. Самой избитой была фраза – Лауре нет еще

шестнадцати. Почти все кавалеры резко охладевали после этих слов.

Но однажды Мартин не смогла пойти. Она заболела простудой. Выставка должна была проходить в одном из бутиков в центре Барселоны. Я и еще три девушки приехали продемонстрировать новую коллекцию ожерелий в индийском стиле. Покупателей было немного – билеты распространялись только среди членов клуба. После второго переодевания ко мне подошел мужчина. Немолодой, но и не старый. С цепким, холодным взглядом самоуверенного человека.

– После показа ты поедешь со мной, – решительно заявил он. Я опешила от подобной наглости.

– Не понимаю о чем Вы, – произнесла я избитую фразу и продефилировала мимо.

– Набиваешь себе цену? – мужчина схватил меня за локоть и развернул к себе лицом.

Я молча уставилась в ледяные зеленые глаза. «Ничего страшного», – мысленно успокоила себя я. В зале тьма народу, на улице дежурит Альберто.

– Детка, – усмехнулся мужчина, – я могу купить все в этом зале. И сам зал в том числе. Да и дом Картье, если на то пошло.

Я по-прежнему непонимающе смотрела ему в лицо. На нас стали оборачиваться люди. Мужчина резко оттолкнул мою руку. Я сдержала порыв посмотреть, не остались ли синяки.

– Ты или полная дурочка или слишком умна, – наконец произнес он сквозь зубы.

– Мне нет еще шестнадцати, – произнесла я тихо любимую отговорку Мартин.

А вдруг прокатит?

– Врешь, – спокойно ответил мужчина.

Вру, конечно, но вряд ли он догадается о моем истинном возрасте. Мартин всегда мне говорила, что по моему лицу никто не сможет его определить. Мне могло быть как пятнадцать, так и тридцать. Смотря, о чем я думаю. Впервые за наш разговор у мужчины дернулись краешки губ, словно он собирался улыбнуться, но сдержался.

– Тогда я подожду, – поняв, что напирать бесполезно, мужчина пожал плечами, – и найду тебя позже. Когда ты передумаешь, – он немного помолчал и добавил, усмехнувшись. – Я могу быть щедрым, очень щедрым.

Я по-прежнему молчала.

– Меня зовут Франциск Лоран. Запомни, девочка.

– Очень приятно, – произнесла я и улыбнулась.

Мужчина напряженно смотрел мне в глаза. Потом, словно очнувшись ото сна, тряхнул головой и отошел в сторону. Я медленно пошла вперед, как ни в чем небывало. Внутри почему-то было легко и радостно. Оказывается, я тоже могу осаживать настойчивых кавалеров. Вот Мартин обрадуется. Я уже не тот хилый цветочек, что была раньше. Я могу за себя постоять. Молчание – мое оружие. Мужчины его не вы-

носят.

Ко мне подошла Натали, девушка из Эскрибы.

– Это был Лоран? – прошептала она восхищенно. – Что он хотел?

Я пожала плечами.

– Посмотреть поближе ожерелье махараджи, – ответила я непринужденно.

Натали недоуменно уставилась на мою шею. На ней переливались всеми цветами радуги роскошные рубины и бриллианты.

– Я слышала, что он очень богат и щедр, – вздохнула она, закатив глаза, – что все его любовницы купаются в роскоши. Вот бы он обратил на меня внимание.

– Так пройди мимо него. Вдруг обратит, – посоветовала я.

Натали направилась охотиться, а я переодеваться в третий раз. Последний на сегодня.

Постепенно жизнь вошла в свою колею. Съёмки, показы, магазины, кафе, дом. Я уже сама могла заказывать такси и оплачивать обед в ресторане. Включать компьютер и заходить в интернет.

После того, как я определила свой возраст, раскопав данные по солнечным затмениям, я задалась целью найти корни. А так как ни родителей, ни родственников у меня не было, то единственными близкими людьми были Создатель и Лаура. Я была точной ее копией, ее продолжением. Можно

сказать, дочерью. И хотела бы больше узнать о своей прародительнице.

В один из выходных я решила посетить замок Пуэрто в Таррагоне. Я помнила, что Лаура де Монтиньонес вышла замуж за дону Пуэрто. Каково было мое удивление, когда я обнаружила в интернете, что замок еще стоит и даже открыт для посещений туристов, а я нахожусь всего в часе езды от него.

Теперешние хозяева замка жили на Майорке, но к ним я не имела никакого отношения и не хотела их видеть. Моя Лаура не оставила после себя наследников, кроме меня. Она умерла бездетной.

– Есть ли портрет Лауры де Монтиньонес, жены дона Родригеса Пуэрто? – поинтересовалась я у работника замка.

Он провел меня вглубь и в длинном ряду династических портретов указал на небольшое полотно светловолосой девушки. Я поблагодарила и принялась пристально рассматривать свою древнюю родственницу.

Эта нарисованная Лаура была совершенно не похожа на себя. Точный портрет эпохи Ренессанса. Туго стянутые волосы, покрытые сеткой. Пышное иезуитское платье, делающее грудь плоской, а талию неправдоподобно узкой. Она сидела в кресле, обвешенная драгоценностями, словно проглотила шомпол. Плечи из-за огромных рукавов, казалось, росли прямо из ушей. Тонкие дугообразные брови, сжатые в узкую полоску губы. Нет, это не моя Лаура. Нечего бояться.

– Как она умерла? – спросила я у служащего, ожидающего меня у входа в галерею.

– Родригес Пуэрто умер в пятьдесят пять, – ответил он, – Лауре на тот момент было всего двадцать один. Она ушла в монастырь и жила там до конца жизни. Умерла вроде от чахотки в тридцать с небольшим. Точно не знаю.

Я поблагодарила и села в такси. Грустный конец грустной жизни. Я ехала домой, и слезы наворачивались на глаза. Прекрасная юная девушка, с сияющим взглядом и нежной улыбкой на лице. Такой я запомнила ее навсегда. Такой она была, когда входила в комнату к Создателю. Возможно, они были бы счастливы вместе. Возможно, у них родились бы дети. Возможно, художник написал бы еще много шедевров и умер в старости, окруженный почитателями, внуками и учениками. А, возможно, и нет. Где та грань между долгом и велением сердца? Между дочерней преданностью и страстью? Между безрассудством и трусостью? Я и сейчас не знаю ответа на этот вопрос, хоть прожила неизмеримо больше, чем она.

Еще в замке Пуэрто у меня разболелась голова. Я отнесла это к тягостным воспоминаниям и расстроенным чувствам. Но все оказалось гораздо хуже.

Первое серьезное событие произошло во время полета в Мадрид. В столице Испании проходила выставка дома «Картье», и несколько топ моделей «Эскрибы» должны были показывать украшения вживую. Меня и еще двух девушек при-

гласили из Барселоны. Вскоре, после того, как мы взлетели, мне неожиданно стало плохо. Закружилась голова, затошнило, лоб покрыл холодный пот.

– Тебя всегда тошнит в самолете? – шепотом поинтересовалась Мартин, поддерживая, провожая в туалет.

– Не знаю, – так же шепотом ответила я, – не помню.

На самом деле я впервые летала в своей жизни и не знала, тошнит меня от этого или от чего-то другого.

Все два дня, пока мы работали в Мадриде, меня выворачивало наизнанку. Я с трудом могла стоять на ногах, говорить, двигаться. Наглотившись таблеток, которые дал доктор, и, сжав волю в кулак, я демонстрировала украшения, медленно и степенно прохаживаясь среди гостей. Все восхищались моим холодным неприступным видом. А я просто держалась из последних сил. Потом в газетах писали, как прекрасно моя бледная перламутровая кожа оттеняла сапфиры и рубины. Называли меня ледяной принцессой с волшебной неземной красотой, а я попросту два дня ничего не ела и не пила, кроме лекарств.

В Барселоне стало лучше. Только мы сели в аэропорту, все болезненные ощущения как рукой сняло. Я и Мартин терялись в догадках, что это было. Страх полета или что-то другое? В итоге мы решили передвигаться по стране на поезде или автомобиле. Но и это не помогло.

В следующую поездку в Мадрид повторилось то же самое. Хотя мы поехали на скоростном экспрессе. Те же симптомы

– тошнота, головокружение, паника.

– Может быть, сойдем? – обеспокоенно поинтересовалась Мартин. – Ты совсем побелела.

Я отрицательно мотнула головой. Выдержала тот раз, выдержу и этот. Но нужно было хорошенько поразмыслить. Почему в Барселоне со мной все в порядке, а как только я удаляюсь от нее, с каждой сотней миль нарастают боль и страх? Чем дальше от дома, тем становится все хуже и хуже. За несколько месяцев работы моделью я никуда не уезжала из города. Все фотосессии проводили в Барселоне. Только однажды я посетила Таррагону. Стоп! Там тоже болела голова, но совсем слабо. Замок Пуэрто был расположен на севере Таррагоны, в ста километрах от Барселоны.

Безумная догадка забрезжила в голове. Неужели, меня держит картина? Как пуповина, она связывает меня с собой, не давая оторваться и стать свободной. Я что, буду теперь всю жизнь привязана к рамке, из которой вышла? Или к полотну, на котором была нарисована?

«Ничего страшного», – пыталась я себя успокоить. Рама, наверное, еще находится в Барселоне. Необходимо только найти и забрать себе. Только где ее искать? А вдруг Джордж выбросил ненужную рамку? И она валяется на мусорной свалке, ожидая, когда ее сожгут?

Я чувствовала, что нужно торопиться, иначе однажды я обнаружу, что полотно улетело за океан или вовсе уничтожено, а я корчусь от боли в Барселоне, не зная, что делать

и куда бежать.

По приезду домой, я взялась за проблему всерьез. Сначала наняла таксиста, и мы с ним целый день катались по трассам Испании. Я отмечала в блокноте, после скольких миль начинаются болезненные ощущения. С какой интенсивностью они нарастают, и как долго я могу терпеть без вынужденного употребления таблеток. Уже через сотню миль чувствовала небольшое напряжение, после двухсот – сильную головную боль. Свой максимум я знала – это шестьсот километров, расстояние до Мадрида. На большее расстояние мне экспериментировать не хотелось. Слишком ужасные были ощущения.

Значит, минимум сто, максимум шестьсот. Мартин я ничего не сказала. Иначе мне пришлось бы рассказывать все остальное. Она сделала вывод, что этот страх берет начало из моей амнезии. Пусть так думает и дальше.

Я залезла в интернет и принялась искать данные о Джордже Олдридже. И каково было мое удивление, когда прочитала, что он находится в стадии развода с Изабеллой Касс, владелицей галереи на Рамблас! Они разводятся, прожив всего... Я подняла голову кверху и ликующе рассмеялась. Полгода!

Что же произошло? Как за такой короткий промежуток времени они успели надоесть друг другу? Почему-то мне стало легко и радостно. Похлопав в ладоши и покружив по комнате, в конце концов, я все-таки взяла себя в руки и усе-

лась за стол. Для меня это событие было счастливым, но я же не знаю, а вдруг для Джорджа оно тягостное и горькое?

Я взяла чистый лист бумаги и принялась составлять план, как отобрать рамку.

Утром Джордж подписал документы. Адвокат советовал не спешить, но Джорджу хотелось поскорей оставить позади и Изабеллу, и его неудавшийся брак. Забыть, как страшный сон. Условия были грабительские. Она претендовала на половину виллы и половину доходов с его книг, которые он издал до развода.

– Разве она может? – удивился Джордж.

– Может. На суде ваша жена скажет, что была музой, что помогала Вам в продвижении произведений. Ведь так? – молодой адвокат, которого посоветовал Алан, с уверенностью загибал пальцы. Джордж уныло кивнул «Было дело».

– Если дойдет дело до суда, трудно будет доказать, что Ваши книги – это только ваша заслуга. В основном суд встает на сторону женщин. А что до виллы? У нее нет своей квартиры, сейчас она живет у родителей. Она вправе претендовать на компенсацию. Но этот пункт мы можем оспорить. У нее есть галерея.

– Ладно, пусть забирает половину. Только давайте поскорее закончим это дело, – отмахнулся Джордж.

Желание Изабеллы развестись стало для него громом среди ясного неба. В последние месяцы он неплохо зарабаты-

вал, ездя по Европе, ведя свою собственную колонку в «Эль Паис». Он даже начал немного писать, пока зарисовки, очерки, но их с удовольствием печатали в журналах. Джордж уже думал, что жизнь обрела прежние краски, пришло вдохновение, азарт, интерес, как Изабелла в очередную ссору (а они в последнее время стали регулярны), вдруг заявила: «Или ты звонишь своему отцу, или я ухожу от тебя». Если честно, Джордж опешил.

– Как мой отец связан с нашим браком? – холодно поинтересовался он.

– Выходя за тебя замуж, я думала, что вхожу в знаменитое семейство Олдриджей, а оказалось, я прозябаю в Барселоне, живя с обыкновенным журналистом, – отрезала Изабелла.

– То есть я не оправдал твои надежды?

– Именно, – глаза его Изи излучали ледяное презрение, – будь ты знаменитым писателем, я бы еще, возможно, смирилась со своим существованием. Но ты и им не стал!

– Прошло всего полгода со дня нашей свадьбы, – Джордж с трудом сохранял спокойствие, он еще надеялся, что это обычная ссора, которых было уже немало за последние месяцы, – слишком мало, чтобы сделать выводы о моем писательском мастерстве или его отсутствии.

– Я не собираюсь тратить лучшие годы своей жизни на неудачника, – категорично заявила Изабелла, – я выходила замуж за перспективного писателя, старшего сына владельца империи Олдриджей, а не за простого журналиста. Одного

из многих тысяч.

– То есть, ты выходила замуж не за меня, – переспросил Джордж, – а за мой вероятный статус? А как же любовь? Она в твоих прогнозах имела место?

– Любовь – это оправдание для бедных, – фыркнула Изабелла, – богатые женятся по другим причинам.

Джордж смотрел на свою жену и не узнавал ее. Прекрасное любимое лицо оделось в непрístupную высокомерную маску. Весь ее вид излучал презрение. Он что, совсем не разбирается в людях, если позволил этой красивой циничной незнакомке войти в свой дом и свое сердце?

– Если ты хочешь остаться со мной, выполни мои условия – помирись с отцом и войди в совет директоров. Иначе – развод, – произнесла Изабелла, ее губы дрогнули в язвительной ухмылке.

Джордж не выносил шантажа, будучи молодым студентом. Ничего не изменилось и спустя десять лет.

– Развод, так развод, – пробормотал он глухо.

То ли со зла, то ли из-за обиды Изабелла решила полностью его разорить. «С паршивой овцы, хоть шерсти клочок», – написала она эсэмэс перед тем, как прислать документы. Джордж был так растерян, что единственной мыслью, которая пришла тогда ему в голову, была: «Если бы меня отец не лишил наследства, она бы потребовала больше». То, что развод и тогда был бы неизбежен, Джордж не сомневался. Он уже не знал причину, по которой Изабелла вышла за

него замуж. Все было ложью. Он смутно помнил, почему и сам согласился на брак. Вроде он хотел семью и детей? Вроде ему было хорошо с ней в постели?

Вчера он подписал бумаги, решив не доводить дело до суда. Адвокат убеждал, что дом можно было бы сохранить. Но Джордж не хотел жить в нем. Особняк наполнили тягостные воспоминания. И развод был не самым тяжелым. Прошло шесть месяцев, а Джордж до сих пор тосковал по украденной картине. Ему не снилась Изабелла, ему снилась Лаура. Она звала его, там, в темноте, и он просыпался с ее именем на губах. Ему казалось, что он видит ее в толпе на улицах города, в отражениях витрин. Этого не могло быть, и Джордж решил, что если он не хочет сойти с ума, нужно скорее уезжать. Из Барселоны, из Испании. Подальше от Изабеллы, Лауры, и всего, что с ними связывает.

Чтобы расплатиться с уже бывшей женой, придется продать виллу. У него мало что оставалось. Изабелла забирала половину денег, остальное он отдавал банку, давшему ссуду. На прибыль от книг надежды не было. Новых он не писал, а доходы со старых так же делились пополам, между ним и Изабеллой.

Джордж решил переехать в Париж. Там он начинал свою журналистскую карьеру, там написал первую книгу. Там проснулся его талант. Возможно, там ему станет лучше.

– К Вам приехала сеньорита, – в кабинет вошла Долорес, единственная прислуга, которая осталась у Джорджа.

– Что ей нужно? – поднял голову Джордж.

Он перебирал бумаги на столе, сортировал заметки, выбрасывал ненужные блокноты. Он уже договорился с риелтором, который будет показывать дом следующим покупателям. Тот приступал на будущей неделе.

– Она хочет поговорить лично с вами, сеньор, по важному делу, – Долорес вышла за дверь.

«Черт», – ругнулся Джордж. Еще какой-то дамы не хватало. Он быстро распахнул по углам бумаги, создавая видимость порядка и сел в кресло, чуть в стороне от стола.

В кабинет вошла молодая женщина. Тонкая, как тростинка, в элегантном брючном костюме и широкополой шляпе. Огромные солнцезащитные очки скрывали половину лица. На виду оставались только ярко-красные губы и красиво очерченные скулы.

– Присаживайтесь, – кивнул на кушетку Джордж.

Девушка молча села, закинув ногу на ногу. Мужчина отметил, что она не носила шпилек. Ее ножки были обуты в уютные лодочки на низком широком каблуке.

– Что Вас привело ко мне?

– Добрый день, сеньор Олдридж, – голос у женщины был невыразительным и тихим. Но у Джорджа вдруг мурашки побежали по спине. – Я хотела бы приобрести у Вас картину.

Джордж озадаченно уставился на даму. Эта эффектная молодая не бедная леди приехала к нему (он заметил, что за оградой стоял черный блестящий лимузин), чтобы купить

картину? Какую еще картину? Николло, что ли? Других у него нет.

– Я прошу Вас снять очки. Не люблю разговаривать с людьми, когда не вижу их глаз, сеньора... – Джордж многозначительно понизил голос.

– Сеньорита Симпсон, – едва-едва улыбнулась дама и неуверенно потянулась к оправе.

Немного поколебавшись, она все же сняла очки, и Джордж задохнулся от потрясения. Девушка была не просто красива. Она была ошеломляюще красива. Сердце Джорджа пропустило удар. Ее красота была подобна недостижимому идеалу, божественному чуду, дивному, невиданному творению.

Джордж в смятении опустил глаза на пару секунд, пытается прийти в себя. «Это обычная девушка, – мысленно твердил он, – пластическая хирургия сейчас творит чудеса, как и изобретения в области декоративной косметологии».

С трудом собравшись с духом, он вновь посмотрел на сеньориту, только теперь под другим углом, стараясь найти хоть какие-то недостатки. И нашел. Кричащий макияж, неподходящий к светлым волосам тональный крем, яркие румяна. Серые выразительные глаза уродливо портила черная подводка и накладные ресницы. Красная помада кровавым пятном лежит на плотно сжатых губах. Ух. Отлегло. Сейчас она уже не производила такого ошеломительного впечатления, как минуту назад.

– По-моему я Вас где-то видел, мы знакомы? – поинтересовался рассеянно Джордж.

Девушка кого-то напоминала. Смутно, расплывчато и туманно. Он никак не мог ухватиться за мелькавшее на задворках сознания воспоминание.

– Я топ-модель, – сдержанно ответила она. – Мои фотографии развешаны по городу и находятся во всех мало-мальски крупных журналах. Я работаю в «Эскрибе», сейчас рекламирую «Картье».

– Понятно, – выдохнул Джордж.

Он вспомнил, что действительно только вчера мельком видел какую-то красавицу на обложке «Пипл». Где-то он был здесь. Джордж подтянул к себе стопку газет и выдернул журнал. На него в упор смотрела сеньорита Симпсон. Немного склонив голову набок, с едва заметной лукавой улыбкой на пухлых губах. Маленькое изящное ушко, повернутое к зрителю, украшала серьга-каффа, с россыпью жемчугов от розового к красному. Длинную шею обвивало ожерелье из четырех жемчужных нитей. На фото она была так же совершенна, как и в жизни.

– Значит, топ-модель, – Джордж сипло прокашлялся и отложил журнал в сторону.

Девушка терпеливо ждала на кушетке, скромно сложив руки на коленях. Она сидела так неподвижно, что у него даже мелькнула мысль – он видит не живого человека, а мраморную статую, одетую в костюм.

– И какую картину Вы хотите купить? – произнес он, в конце концов.

– Не совсем картину, – сеньорита Симпсон говорила по-испански с небольшим акцентом, медленно выговаривая слова, словно этот язык для нее не был родным. «Скорее всего, иностранка», – решил Джордж.

– Я хотела бы купить полотно с рамой, которое осталось у Вас после «Лауры», – услышав это, мужчина превратился в камень.

– Откуда Вы знаете о «Лауре»? – отрезал Джордж.

А сам подумал: «Убью Алана. Проговорился, мерзавец».

– Неважно, – девушка легкомысленно махнула рукой, и Джордж заворуженно уставился на изящную тонкую кисть, сделавшую круг и вернувшуюся на колено. – Я предлагаю Вам сто тысяч евро за пустую раму.

– Нет, – ответил Джордж, не раздумывая, – рама не продается.

Он сам не знал, почему отказался. Полгода рама валялась у него в шкафу, бесполезная, непригодная ни к чему. Вряд ли он ее еще раз повесит на стену. Просто она была той единственной вещью, которая связывала его с «Лаурой».

– Я слышала, что деньги сейчас Вам не помешают. Вы разводитесь с женой, – вкрадчиво произнесла девушка.

Джордж мгновенно ошетинился.

– Вы подозрительно много знаете о моей жизни, сеньорита Симпсон, – он медленно закипал, – я же о вашей не знаю

ничего. Зачем Вам рама?

Девушка замялась. Джордж, словно коршун, наблюдал за прекрасным лицом. Он очень хотел попросить ее снять еще и шляпу, но подумал, что это будет бестактно с его стороны.

– У меня есть хобби, – в конце концов, ответила она, – я собираю древние полотна, куски тканей, вышивку, лоскуты. В общем, все, что касается текстиля средних веков.

Джордж недоуменно скривился. У всех есть свои причуды. Но что бы такая красавица, успешная топ-модель, занималась подобной чепухой?

– И много у Вас лоскутов? – скептически произнес он.

– Достаточно, – девушка сменила позу, и Джордж мимо воли уставился на вытянутые идеальные ноги.

Потом кашлянул и с трудом отвел глаза. Еще ему не хватало увлечься девицей на следующий день после развода. Только утром он думал, что не взглянет ни на одну представительницу прекрасного пола как минимум год.

– Мне жаль, но рама не продается, – категорично заявил он, одновременно желая, чтобы девушка убралась из кабинета, и чтобы осталась в нем навсегда.

– Полмиллиона евро, – раздался хрипловатый голос из глубины комнаты.

Мужчина с изумлением уставился на модель. Он не верил своим ушам. Он сам купил картину за двести тысяч. А сеньорита Симпсон предлагает полмиллиона за пустой холст! Джордж вдруг почувствовал, как у него зашевелились воло-

сы на затылке. Она что-то знает. Что-то тайное, неизвестное никому. А вдруг она как-то связана с похитителем? А вдруг, она замешана в краже?

– Вы знаете, кто украл «Лауру»? – быстро, не дав опомниться красавице, спросил он.

– Украл? – недоуменно произнесла девушка, и немного помолчав, так же спокойно ответила. – Нет, не знаю.

– Откуда тогда Вы знаете о пустой раме? – Джордж не сдавался.

Он чувствовал, что разгадка совсем рядом. Близко, на расстоянии вытянутой руки.

– Тогда лишь двое тайну соблюдают, когда один из них ее не знает, – певуче произнесла она на староанглийском. – О раме знаете Вы, ваша бывшая жена, слуги, знает Алан со своей девушкой, и еще много народу, которых я не буду называть. Какой же это секрет?

Джордж ошеломленно уставился на сеньориту. Топ-модель читает Шекспира в оригинале? Он потряс головой. И откуда она знает об Алане с Джу? Слуги проговорились? Изабелла?

Уже неважно.

– Я в последний раз повторяю, что рама не продается, – Джордж решительно встал, давая понять, что разговор окончен.

Девушка грустно улыбнулась и надела очки. Осторожно встала, держась за подлокотник, словно опасаясь упасть, и

так же молча направилась к двери.

– До свидания, сеньорита Симпсон, – Джордж хотел, чтобы она обернулась. Он хотел еще раз увидеть ее лицо. Но она не доставила ему такого удовольствия.

– Прощайте, мистер Олдридж, – тихо произнесла она спиной и выскользнула за дверь.

Через минуту загудела машина, и сеньорита Симпсон умчалась в свой блистающий мир красоты и рекламных журналов, унося с собой тайну «Лауры».

Джордж подошел к кушетке и сел рядом с тем местом, где сидела она. Слабый аромат духов еще витал в воздухе, сердце колотилось, как ненормальное. В голове царил хаос. Потом, спустя время, он обдумает их беседу. Фразу за фразой, слово за словом. Но уже сейчас он понимал, что разговор был важным. Очень важным. Пусть девушка говорила загадками, рассказала о каком-то невероятном хобби, но Джордж не был дураком. Он чувствовал ложь и увертки красавицы. Неумелые, неубедительные. Словно она только пробует себя на этом поприще. Ей очень нужна была рама. Чрезвычайно. Она отдавала за нее полмиллиона евро. Хотя... Джордж хмыкнул. А вдруг для нее полмиллиона это не деньги? А так, мелочь? Кто знает капризы этих топ-моделей?

Я ехала домой в нанятом лимузине и кусала губы. Разговор тяжело дался. Больно было видеть любимое лицо, бесстрастное, пустое. Ощущать безразличие, холодность. Поче-

му он не продал раму? Я предлагала максимум денег, которые у меня были. Даже не были, а которые я смогла бы добыть. Но Джордж отказался, значит, дело не в деньгах. Тогда в чем?

Единственным плюсом было то, что я узнала – рама у него, она никуда не делась. Минус – во всем остальном.

Я долго собиралась с духом. Перед поездкой зашла к своему стилисту и попросила накрасить меня так, чтобы никто не узнал. Ярко, броско, вульгарно. Жорж удивился, но выполнил просьбу. Я натянула шляпу, очки и, выпив (на всякий случай) успокоительного, поехала в дом, где жила ранее. С каждой милей, приближавшей меня к вилле Джорджа, я ощущала, как я наполняюсь блаженством. Картина звала меня. Чем ближе я подъезжала, тем спокойнее и радостнее становилось на душе. Если бы не страх перед разговором, я была бы почти счастлива.

Нашу беседу я помнила урывками. Что-то лепетала глупое, бестолковое, больше молчала. А в самом конце испугалась, что он догадается, зачем пришла. Был момент, когда Джордж смотрел так пристально и пронзительно, словно видел меня насквозь. Но нет. Он даже не попросил телефон, не пригласил на ужин. Что делали почти все мужчины, которых я встречала на своем пути. Значит, я не в его вкусе? Я не понравилась ему?

А вдруг он до сих пор любит Изабеллу? А вдруг он страдает из-за развода? От пришедшей в голову мысли я гром-

ко всхлипнула. Водитель с недоумением уставился в зеркало заднего вида.

– Сеньорита, с Вами все в порядке?

– Да, в порядке, – ответила я, яростно стирая салфеткой помаду с губ, и добавила через минуту. – Скажите, а Вы бы не хотели работать у меня?

Водитель удивленно крикнул. Это был крупный тяжеловатый мужчина, не первой молодости, с отполированной гладкой лысиной и сломанным носом. Другая на моем месте бы испугалась садиться к нему в машину, вид у него был бандитский. А глаза хорошие. Это я увидела, как только заглянула ему в лицо. За почти пятьсот лет жизни чему-чему, а по лицам читать я научилась.

– Мне нужен человек, который будет меня возить с работы и на работу, – пояснила я, – а заодно создавать вид охранника.

В последнее время участились случаи навязчивого внимания. И поклонников, и папарацци. Я боялась и тех, и других. Возле моего подъезда все время дежурили какие-то сомнительные субъекты с камерами на шеях и с мерзкими ухмылками на лицах. Мартин посоветовала не обращать внимания. «Теперь, – сказала она, – ты стала публичной личностью, и известность будет сопровождать тебя постоянно». Не знаю, хотела ли я такой жизни, когда рассылала свои портфолио? Вряд ли. Но сейчас поздно сожалеть.

Сама я еще не скоро научусь управлять машиной. Меня

или подвозила Мартин, или я брала такси.

– Если Вы думаете, что это мой лимузин, то Вы ошиблись, – в итоге заявил водитель насмешливо. – Я работаю в таксомоторной фирме, это их автомобиль.

– Я куплю автомобиль, – ответила легкомысленно. – Я только что сэкономила полмиллиона евро, так что могу себе позволить раскошелиться.

Водитель опять удивленно кашлянул.

– Если договоримся о зарплате, я согласен, – произнес он и добавил через пару секунд. – Меня зовут Альберто Санчас, и если Вам интересно, я бывший боксер. Так что и с охраной тоже проблем не будет.

– Отлично, – ответила я и буркнула под нос, – хоть в чем-то сегодня везет.

Вечером были запланированы съемки. За огромные деньги меня выкупили у «Эксрибы» для какого-то голливудского фильма. Всего несколько эпизодов, максимум на пару часов, но шуму было... По контракту я не имела права нигде сниматься. Переговоры велись за моей спиной. Сколько денег затребовало агентство – неизвестно, но Мартин мне по секрету сообщила, что немало.

Режиссеру фильма нужно было самое прекрасное и необычное лицо на свете. Из всех лиц манекенщиц, актрис и моделей, ему почему-то приглянулось мое. В космической опере недоставало императрицы. Я должна буду появиться в кадре на несколько минут, сидеть на троне с высокомерным

видом в разных фантастических нарядах и все.

Так как лететь в Америку я категорически отказалась, съёмочная группа с декорациями прилетела к нам в Барселону. На меня надели облачение под стать средневековому рыцарю. Изделие, сплетенное из цепей, шелка и страза вряд ли можно было называть платьем. Если в таких нарядах будут ходить наши потомки, я им искренне сочувствую.

– Вам ничего не нужно говорить, – произнес режиссер перед съёмками.

Сняли с первого дубля. Что-что, а сидеть неподвижно с надменным выражением на лице я умела прекрасно. Потом переодели еще раз, и еще. Если я правильно поняла, кадры со мной вставят в разные концы фильма. Рядом на троне то сидел, то ходил вокруг, то кричал и размахивал руками какой-то красивый мужчина. Он играл моего мужа. Императора. Съёмочная группа чуть ли не пылинки с него сдувала. Мне же имя Лукаса Бардена ни о чем не говорило.

Я только начала смотреть фильмы на домашнем кинотеатре, который был, помимо всего прочего, в моей квартире. Пришлось долго и старательно учиться обращаться с этим монстром, не раз и не два требовалась помощь Мартин в его включении и настройке. Особенно много проблем вызвал пульт дистанционного управления. Как бы там ни было, я дошла лишь до шестидесятых-семидесятых годов двадцатого века. Просмотрела «Унесенные ветром», «В джазе только девушки», «Касабланка», еще некоторые. Лукас Барден там,

увы, не снимался.

– У Вас очень необычное лицо, в нем есть что-то неправильное, – произнес режиссер, подойдя к трону после окончания съемок.

Он взял мой подбородок и медленно поворачивал из стороны в сторону, изучая. Мужчине было за шестьдесят, и я не отнесла его интерес ко мне в разряд плотских. Скорее, он смотрел на меня, как на предмет искусства.

– Я бы сказал, экзотическое, – продолжал он, – ваш разрез глаз не сочетается с подобной формой бровей, формой скул. А детская припухлость щек с вашим взглядом. Подобная припухлость бывает лишь у четырнадцатилетних юных девочек. А вот взгляд у Вас терпеливый, можно сказать, старый.

Я внимательно слушала его размышления, отмечая пронизательность и незаурядное умение читать по лицам.

– Вы молчаливая леди, – режиссер отпустил мой подбородок и отошел назад, – когда Вы появитесь на экране, я Вам гарантирую – Вас заметят и будут приглашать сниматься. Даже ничего не говоря, Вы производите впечатление. Что будет, если Вам дать несколько реплик?

– Время покажет, – произнесла я свою любимую фразу и встала с трона.

Пора было снимать эти садистские доспехи.

– Хорошо сказано, – пробормотал режиссер, – время расставляет все по своим местам, карает, милует, оно является

лучшим из судей. Палачом и арбитром.

Он схватил блокнот и стал быстро писать, бубня что-то под нос. Я пожалала плечами и направилась в гримерку. Время у меня было раньше. Много времени. Целые столетия. А сейчас? Я не знаю. Буду ли я стареть, как другие люди, или останусь в таком виде навечно? Время покажет...

Альберто выбрал обычный неприметный Форд. Мне, в общем, было все равно на какой машине ездить. Я не разбиралась ни в марках, ни в мощностях. Мартин сказала, что я могла бы купить машину и лучше. Авто – это статус. Мой водитель с ней поспорил. Таких машин, как Форд, на улицах тысячи и можно легко (если нужно) затеряться в толпе. А по мощности и другим показателям он ничем не уступает навороченным маркам.

Целыми днями я размышляла, как завладеть картиной. В машине, на съемках, в кресле у парикмахера. Джордж не хочет ее продавать, значит, я должна придумать другой способ. Ничего, кроме как украсть, на ум не приходило.

По поводу, что такое хорошо, а что плохо, у меня были смутные представления.

Библию я не читала, нравственным принципам родители в детстве меня не обучали. Все, о чем я знала, я почерпнула из наблюдений за чужой жизнью, вися в домах купцов, вельмож и владельцев борделей. У них я насмотрелась всякого. Того, что никак не добавило понимания морали. Убивать плохо? А если убиваешь, защищая свою жизнь или жизнь близких?

Воровать плохо? А если умирают от голода твои дети, родные?

Практически мой Создатель украл полотно у дона Монтиньонес. Я видела, как убивают передо мной грабителей, как насилуют женщин, как отбирают последнее у сирот и вдов. Законы и мировоззрение менялись с течением времени. Да что говорить, даже Джордж купил меня незаконно.

Однажды, несколько веков назад, я висела в доме одного французского барона. Долго. Три или четыре поколения. Я видела, как растут и взрослеют дети, влюбляются, женятся, заводят своих детей. Стареют и умирают. Я искренне привязалась к этой семье, полюбила их. А однажды случилось несчастье – в их дом вломились грабители. Это потом, спустя время, я узнала, что произошла революция, что бедные восстали против тирании богатых. Было страшно. Грязная толпа с искаженными ненавистью лицами сметала все на своем пути. Мужчины и женщины топтали красивые ковры, били посуду, рвали портьеры, словно нарочно хотели уничтожить все красивое, что было в доме. В гостиную вывели барона с женой и двумя детьми. Перед моими глазами их зверски растерзали, не пожалев ни трехлетней Авроры, ни пятилетнего Жерома. В конце концов, дом подожгли, вынеся все ценное из него. Меня забрал себе их предводитель, повесив в спальне. Я несколько лет смотрела на его зверства, пока его самого не отправили на казнь.

Все относительно в жизни. То, что вчера было преступле-

нием, сегодня – насущная необходимость.

Поэтому я все больше и больше склонялась к воровству. А иначе придется жить в Барселоне постоянно, надеясь, что полотно (как и Джордж) никуда не денется. Только как? Джордж почти никуда не выходит. В особняке круглосуточно находятся несколько слуг. Замки, сигнализация. Я в этом ничего не смыслю. Нужна помощь. Но от кого? Из всех мужчин, меня окружавших, я доверяла лишь своему водителю. Но толкать его на преступление?.. Подло и недостойно.

Мы с Альберто возвращались со съемок. Вечерело. Начали зажигаться фонари вдоль трассы, подсветки на рекламных щитах. Альберто со смехом рассказывал о своем внуке, который недавно начал ходить.

И вдруг резко меня охватила паника. Она нарастала стремительно, рывками. Внезапно заболела голова, затошнило. Симптомы были такие же, какие были при поездке в Мадрид. Я сообразила через пару секунд.

– Альберто, срочно разворачивайся и мчись изо всех сил туда, куда мы ездили на прошлой неделе, – произнесла я быстро, – к вилле сеньора Олдриджа.

– Что с Вами? – всполошился водитель. – Вызвать «скорую»? Или ехать в госпиталь?

– Ничего не поможет, – едва выталкивая слова сквозь сжатые зубы, ответила я, – делай, что говорю. Скорее. Умоляю.

Альберто развернул машину и направился на побережье, ловко лавируя между автомобилями, ныряя в переулки.

Вскоре мы вырвались из города и повернули на пустующую трассу. Боль ширилась, росла, заполняя тело. Выступила испарина, холодный пот побежал по спине. В настоящее время картина удаляется от меня, очень быстро. Скорее всего, на самолете. Пока я еще хоть что-то соображала, я позвонила Мартин.

– Мартин, не спрашивай ни о чем, – затараторила я, – возьми мои документы и мчись в аэропорт. Мне нужен будет билет. Через полчаса сообщу куда. Быстрее.

Наверное, по моему голосу она уловила, что дело серьезное, потому что коротко ответив: «Все сделаю», положила трубку. Я обессиленно откинулась на сиденье. Только бы не потерять сознание. Где-то были таблетки. С недавнего времени я все время их носила с собой. Запихнув в себя пригоршню и запив минералкой, постаралась успокоиться. От меня ничего не зависит. Если картина покинула пределы Испании, я не властна ее возвратить по мановению руки.

Альберто с сосредоточенным видом вел машину на предельной скорости. Память у него была феноменальная, потому что не прошло и десяти минут, как мы притормозили у знакомых ворот. Особняк был темен и пуст. Я перепугалась, что приехала напрасно. Все покинули его, и меня ждет смерть, как вдруг заметила, что со стороны гаража кто-то идет. Похоже на фигуру женщины. Я выскочила из машины и, спотыкаясь, побежала к ней. Альберто выбежал за мной.

– Сеньора, сеньора! – выкрикивала я, но получалось что-

то вроде невнятного хрипа.

Женщина остановилась. Это была Долорес.

– Куда уехал Джордж? – подбежала я ближе, хватая ее за руку. – Умоляю, скажите мне.

– В Париж, – удивленно ответила Долорес, – еще вчера. А сегодня переправили его вещи. Вы – сеньорита, которая приходила к мистеру Олдриджу на прошлой неделе. Правда?

– Да, – хрипло выдавила я. – Спасибо, нам нужно идти.

Быстро развернувшись, вцепившись в руку Альберто, поддерживающего меня, я поплелась к машине. Значит, Париж.

– Мартин, – с третьего раза я набрала номер, – билет в Париж на ближайший рейс. Жди меня у стойки регистрации. Чтобы я не делала, как бы не выглядела, не отправляй меня в больницу. Мне срочно нужно попасть в Париж. Иначе я умру.

Как мы ехали до аэропорта, я помню смутно. Запихнув в себя еще одну горсть таблеток, скрючившись от боли в животе, я сидела на заднем сидении, сжав руки в кулаки и кусая костяшки, чтобы не потерять сознание. Сейчас было гораздо хуже, чем в Мадриде. Я пыталась припомнить, сколько километров от Барселоны до Парижа, но не смогла – голова не работала. Сознание уплывало, я растворялась в небытие. Чувство было такое, какое охватывало меня в бытность картиной. словно я истончаюсь, как туман на солнце. Тело мое плывет по воздуху, и я исчезаю...

– Сеньорита Симпсон, Лаура, – меня грубо трясли за плечо. Я с трудом открыла глаза. Не могу сфокусировать взгляд. – Вы можете ходить? Лаура!

Я промычала что-то нечленораздельное. Я разучилась говорить?

– Сейчас привезу кресло-каталку, – Альберто побежал в сторону терминала.

Я сморщилась и огляделась. Мы в аэропорту. Зачем? Что происходит? Почему так больно?

– Держитесь, – мужчина протянул руки и одним движением выдернул меня с заднего сидения. – Садитесь в кресло. Вы должны встретиться с Мартин возле стойки регистрации?

Я неуверенно кивнула. Наверное. Не помню. Очень трудно было держать открытыми глаза. Я с изумлением посмотрела на свою руку, лежащую на подлокотнике. Она что, еще на месте? Мне казалось, я стала прозрачной, и сквозь меня можно увидеть спинку кресла.

Обеспокоенная Мартин переминалась с ноги на ногу у табло. Как только она нас увидела, бросилась ко мне, выхватывая у Альберто ручки кресла.

– До отлета десять минут! – выкрикнула она, направляя меня к терминалу. – Я взяла бизнес класс. Уже зарегистрировалась. Быстрее.

Я с трудом понимала, что говорят люди вокруг, что они хотят. Сама я говорить уже не могла. Как провезла меня

Мартин в самолет – не знаю. Как мы летели – тоже.

– Просыпайся, мы в Париже, – голос Мартин выдернул меня из тягостной мучительной бессознательности.

Я еще жива? Очень странно. Я перевела взгляд на Мартин.

– Спасибо, – прохрипела непослушным голосом, – ты спасла меня.

– Расскажешь? – женщина кривовато улыбнулась. Пассажиры проходили мимо, торопясь выйти из самолета, я же сидела, укутанная пледом, и мне было тепло, хорошо и спокойно. Я избежала смерти, я снова живу. Непередаваемое ощущение. Ничего не болело, тело наполняла приятная ленивая истома.

– Может быть, когда-нибудь, – ответила я расслабленно и добавила через время, – как ты объяснила стюардессе мой вид?

– Сказала, что ты летишь в Париж на пересадку сердца и тебе нужен полный покой, – ответила Мартин со смешком. – Еще был вариант беременность, но его я оставила про запас.

– Ты молодец, что бы я без тебя делала, – чмокнула я женщину в щеку. Меня переполняла безмерная благодарность. – С сегодняшнего дня наш дом Париж. Как мы будем работать с агентством?

– Придумаем как, – отмахнулась Мартин, – ты у них самая востребованная модель. Не сомневайся, они пойдут нам навстречу.

Странно, но теперь Джорджу снилась не Лаура, а загадочная сеньорита Симпсон. Во сне она входила к нему в комнату, садилась в кресло и молча смотрела. Пристально, внимательно, настороженно. Ее лицо скрывали тени, падающие от широкополой шляпы, а фигуру окутывала таинственная дымка. Джордж пытался разглядеть ее глаза, губы, волосы. Ему казалось, что важнее этого ничего нет. Но, как бывает только во сне, память играла в прядки, и разгадка ускользала.

Он быстро разделался со всеми делами, запаковал вещи и покинул Испанию, потому что в последние дни от дамочки житья не стало – она преследовала его везде. Он начал обращать внимание на бигборды, выискивая ее лицо. На витрины магазинов с ее изображением. Полное сумасшествие. Даже однажды купил модный журнал, чего с ним никогда не было. Его потрясло, что модель звали так же, как и его картину – Лаура. Конечно, Джордж понимал, что Лаур на свете великое множество, и это совпадение было одним из многих. А, может быть, она хотела купить полотно, потому что девушка была ее тезкой? А что? Предположение не хуже и не лучше других.

Долорес должна была проследить за отправкой багажа, обратиться в доме и передать ключи агенту по недвижимости. Дальше – не его забота.

Париж встретил Джорджа мелким холодным дождем.

Мокрый асфальт шуршал под колесами машины. На дорогу из Барселоны до Парижа ушло два дня. Когда-то давно, после университета, он нашел прелестную квартирку на улице Грез, на последнем этаже, под крышей. Сначала он ее снимал, потом купил на свой первый гонорар. Джордж любил Париж, особенно ранней весной. Он часто сюда приезжал, когда нужно было вдохновенье. Приехал и сейчас.

Личные вещи отправили самолетом. В том числе и пустое полотно, которое повесил вор на месте украденной «Лауры». Вполне возможно, он напишет роман о ней. О картине, которая загадочно исчезла из его кабинета. Пока в голове Джорджа были всего лишь кое-какие общие зарисовки. Но он знал, со временем они обростут событиями, персонажами, сюжетными поворотами, словно песчинка перламутром, и превратятся в роман.

Удивительно было то, что вскоре после переезда ему позвонил отец и предложил встретиться. Если бы об этом узнала Изабелла, она бы была в восторге. Но она уже не узнает. Джордж согласился пообедать в одном из отелей семьи Олдриджей в Париже, завтра, в шесть вечера. Он был растерян и немного испуган. Даже позвонил брату, чтобы узнать, не случилось ли чего. Не заболел ли отец, не разорились ли они. Очень странно было осознавать, что упрямец сам сделал первый шаг. Не иначе, как он уже при смерти. Но Кевин заверил, что все в порядке, и отец так же бодр, как обычно.

– Я слышал, ты развелся? – Джон Олдридж старший как

ни в чем не бывало хлопнул сына по плечу.

Джордж удивленно моргнул. Десять лет они не разговаривали, а сейчас отец вел себя так, словно расстались вчера.

– А ты так и не познакомился с Изабеллой, – ответил Джордж.

– Как оказалось, незачем, – фыркнул отец. – Твоя мать сказала, что Изабелла похожа на хищницу, а я доверяю ее суждениям.

– Но мне мама говорила, что она похожа на тебя.

– Так я тоже хищник, – расхохотался отец.

У него было прекрасное настроение. Он заказал стейк, салат, гренки, десерт и бутылку Бордо до кучи. Джордж подумал, что если бы у отца были проблемы с сердцем, он бы столько не ел.

– Чем обязан встрече? – поинтересовался он, когда принесли первое блюдо.

– У меня не так уж много сыновей, чтобы разбрасываться ими, – ответил Джон Олдридж весело, отрезая от стейка огромный кусок, – а ты повзрослел...

Джордж усмехнулся. Если для отца повзрослеть, это значит жениться и развестись, то он ничего не понимает в его характере.

– Если ты не собираешься бросать свои газетенки, – продолжал родитель, Джордж поморщился, отец в своем репертуаре, – то придется мне смириться с твоим выбором. Должен же кто-то из нас быть умнее?

– Упрямство у нас в крови, – буркнул Джордж, а сам подумал, что отец, конечно, считает себя более умным. Что ж, он целиком прав.

– А на самом деле Карлотта заставила меня прочитать твою «Игру пешкой», когда я неделю лежал в постели. И она мне понравилась.

Джордж вскинул голову. Значит, интуиция его не подвела! Отец все-таки болел.

– Ты обследовался в больнице? – обеспокоенно спросил он.

– В какой еще больнице? – отмахнулся Джон Олдридж. – Обычная простуда. Немного покашлял и все. Так вот. Я прочитал твою книгу и могу сказать, что ошибался насчет тебя.

Джордж смотрел на отца. Упрямое, жесткое лицо, знакомое до мельчайших деталей, очень похожее на его. Как писатель он мог бы охарактеризовать его так: выразительное, мужественное, обладающее притягательной магнетической красотой. Он словно смотрел на себя в зеркало. Отец не основывал империю Олдриджей с нуля, он получил богатство от своих предков. Всю жизнь рьяно приумножал его и лелеял. Три поколения шли по проторенной дороге. Джордж хотел выбраться из этой колеи. Стать другим. Доказать, что он сможет достигнуть богатства и славы сам, по-своему.

– Я всегда признаю свои ошибки, даже если они идут в разрез с моими правилами, – произнес весомо отец, – просто на эту понадобилось больше времени. Ты действительно

умеешь писать. Я даже прослезился в одном месте.

– Значит, я могу строить жизнь по-своему? – улыбнулся Джордж.

– А то ты этого не делал последние десять лет, – хохотнул родитель. – Ждем тебя в замке через неделю на дне рождения Марти. Кстати, у него появилась девушка.

Джордж притворно округлил глаза.

– Небось, какая-нибудь дочь владельца отеля в Токио, где вы строите гостиницу?

– Ты знал! – выставил палец вперед Олдридж. – Она и впрямь хорошая девушка, хоть и дочь владельца «Сотарава».

Джордж мысленно согласился с отцом. Лучшее, что может сделать Кевин, это жениться на умной, целеустремлённой девушке, разбирающейся в отельном бизнесе. Иначе их собственное предприятие придет в упадок, ведь младший брат не обладает нужными способностями, а Джорджу этот бизнес не интересен.

Они с отцом долго еще сидели в ресторане и разговаривали. К ним вернулись те давние времена, когда они могли шутить и поддразнивать друг друга, не боясь наткнуться на ледяное презрение, которое сопровождало Джона Олдриджа старшего последние годы по отношению к сыну-отщепенцу.

Причина была не в книжке, которую он прочитал. Точнее, не только в книжке. Когда Джон заболел простудой, их семейный врач, наконец, добрался до него, радуясь случайной okazji. Олдридж не часто давался ему в руки. И нашел, со-

ответственно, кучу неприятных болезней. Зашкаливал холестерин, как следствие – артериальная гипертензия и стенокардия. А еще до кучи холецистит и не с того ни с сего обострившаяся язва.

Лучше бы Джон не знал об этом и как раньше игнорировал боль в груди и отдышку, а теперь придется пить таблетки и увиливать от расспросов жены. Джон вдруг с удивлением понял, что молодость прошла. Что он не так силен и здоров, каким хотел себя чувствовать. Он попросил доктора не говорить семье, взамен пообещав соблюдать все его рекомендации. Умирать не хотелось. А так же было глупостью тратить впустую оставшееся драгоценное время на обиды и игнорировать талантливого старшего сына. Он не мог себе этого позволить, каким бы упрямым себя не считал.

Неделю я жила в гостинице, а потом Мартин сняла мне квартиру. Не такую шикарную и огромную, как в Барселоне, но такую же уютную и недалеко от филиала «Эскрибы». В ней была одна спальня, гостиная и небольшая терраса, с видом на Сену, домашний кинотеатр и оборудованная по последнему слову техники кухня. Готовить я не умела, поэтому пользовалась на кухне только кофеваркой, четко следуя написанной Мартин инструкции, прикрепленной к машине.

Если агентство и было возмущено, что я самовольно переехала в Париж, я об этом не узнала. Переговоры вела Мартин, а мне сказала, что все в порядке. Вскоре продолжились

съемки. Французский язык я знала и быстро впряглась в работу, которая ничем не отличалась от той, что я делала в Испании. Бесконечные фотосессии, дефиле, эффектные позы, невозмутимый вид. Пить много воды и спать по восемь часов. Не участвовать в скандалах и держать язык за зубами с папарацци.

Все было как прежде, но чувство беспокойства не покидало ни на секунду. А что, если бы Джордж улетел не в Париж, а куда-либо дальше? Что, если бы я не успела сесть на самолет? Умерла бы я или нет? Между Барселоной и Парижем тысяча километров. У меня образовался новый максимум. Красивая круглая цифра, почти убившая меня.

Через некоторое время я позвонила Альберто. Предложила ему повысить зарплату и снять квартиру в Париже, если он переедет ко мне. Хотя бы на ближайшие месяцы. Я не знала, сколько мне предстоит жить во Франции, год или всю жизнь. Но лучше бы рядом были друзья, к которым я могла бы обратиться за помощью. После событий в Барселоне, когда мне пришлось спешно покинуть Испанию, я стала постоянно носить документы с собой. А так же деньги и блокнот с важными записями.

Альберто на мое предложение ответил согласием. Он приехал на нашем форде через пару дней вместе с женой, сказав, что супруга давно хотела пожить в городе всех влюбленных.

Я стала новым лицом Картье. Эскриба предложила перезаключить контракт, но Мартин отсоветовала подписывать

продление. Даже за пять миллионов евро в год. Если честно, я в этом ничего не понимала и во всем слушалась подругу. Мне еще стольким вещам нужно было учиться. До тонкостей переговоров с агентствами не скоро дойду. Я по-прежнему два часа в день посвящала чтению и письму. Час – женским журналам и моде. Час – интернету. Выходные – хождению по магазинам и наблюдениям за людьми. Их привычками, повадками, эмоциями. Особенно меня интересовали дети. Наверное, потому что я сама была как ребенок. И фразы родителей: «Не бегай по эскалатору», «Не трогай стекло витрины», «Держи носовой платок под рукой» касались и меня тоже.

Еще одним кладезем информации был Альберто. Единственный мужчина в моем окружении. Я спрашивала, как он познакомился со своей женой, сколько они прожили вместе. Как часто ссорились, и поднимал ли он когда-нибудь на нее руку (подобные вещи я частенько видела раньше, в домах, где я висела). Интересовалась, хотят ли мужчины детей и как относятся к изменам. И много всего прочего. Иногда он добродушно отвечал, смеялся и дурачился, иногда хмуро ронял что-то нелицеприятное, и я понимала, что вопрос был из серии запретных.

По моей просьбе Альберто рассказал о своей бурной молодости, и я узнала, что он был не в ладах с законом. Работал у одного мафиози телохранителем, участвовал в подпольных боях. Несколько раз его забирали в полицию. Но удавалось

не загреметь в тюрьму. А потом он познакомился с Марией, своей женой, и смог изменить жизнь.

– А воровать плохо? – однажды поинтересовалась я, когда мы ехали со съемок.

Альберто задумался.

– Смотря что и для чего, – ответил он осторожно, – я бы сказал тебе, что воровать плохо и противозаконно, если бы сам ни разу не воровал в своей жизни. Но я это делал. Иногда из-за любопытства, иногда по острой необходимости, иногда по указке босса.

Я задумалась.

– Мне эта вещь очень-очень нужна, – в конце концов, произнесла я тихо, – если я скажу, что мне без нее не жить, это перевесит моральную дилемму? Искупит вину за воровство?

– Твоя жизнь на одной чаше весов, а на другой... Что? – осторожно спросил Альберто и на секунду обернулся, бросив на меня пронизательный взгляд из-под бровей.

Я смотрела на его широкие плечи, массивную шею, крепкие мускулистые руки с толстыми узловатыми пальцами, лежащие на руле. Если я сейчас доверюсь этому человеку, то назад дороги не будет. Пусть Альберто выглядел как бандит с большой дороги, преступником он не был. У него были добрые глаза и открытое сердце. Что же до меня? Жизнь дороже угрызений совести.

– Я могу рассчитывать, что о нашем разговоре никто не узнает? – произнесла тихо.

Альберто понятливо завернул на стоянку бизнес-центра и остановил машину. Обернувшись, выжидающе уставился мне в лицо.

– Мне нужно ограбить квартиру одного человека, – произнесла я угрюмо, – если знаете, кто может помочь, скажите. Деньги не проблема. Я не хочу вас втягивать в это дело, но больше мне не к кому обратиться.

Лицо Альберто ошеломленно застыло.

– Что вы хотите украсть?

– Ничего ценного, – быстро отреагировала я, – пустое полотно и рамку от картины.

– Спрашивать, зачем вам это, думаю, бессмысленно? – криво улыбнулся он.

– Это из той серии, из которой была моя ночная поездка в Париж, – внимательно смотря ему в глаза, ответила я и добавила через некоторое время. – Эта рамка не представляет никакой ценности для хозяина, но очень дорога для меня лично. Мистер Олдридж отказывается продавать ее. То ли из-за упрямства, то ли из вредности. Я предлагала полмиллиона евро. Он отказался.

Альберто молчал. Я обеспокоенно ерзала на заднем сидении. Было темно и тихо. Пахло кожей, лавандой и немного сигаретами (Альберто курил, не в машине, но хранил сигареты в бардачке). Мне нравились эти запахи. На самом деле, мне нравилось почти все, что пахло, звучало и имело вкус, текстуру, объем. Даже выхлопные газы автомобиля. Да-

же скользкая черная грязь на берегу Сены.

– Если вы меня научите вскрывать замок или... – начала неуверенно я.

– Ладно, – Альберто, казалось, смирился с судьбой. – Адрес квартиры?

– Пока не знаю, но смогу узнать, – я облегченно выдохнула.

Худшее позади. Он согласился. Если бы мне дали отворот-поворот, я бы не знала что делать.

– Тогда чем скорее мы это сделаем, тем лучше. Не хочу снова видеть вас в подобном состоянии, – бросил Альберто и завел двигатель. Машина тронулась.

Предстояло узнать, где в Париже живет писатель Джордж Олдридж. Я надеялась, что сложности не возникнут. Он, как мне говорили, публичная личность. Его фото и краткая биография есть в интернете и на обложке в каждом романе.

Начала я с того, что купила последнюю его книгу в одном из книжных магазинов Парижа. Улыбаясь консультанту, легко выудила и имя издателя, и адрес, и телефон. Наука была несложной. Ее я постигла, наблюдая за поведением своих коллег по цеху. Девушки флиртовали и кокетничали, словно умели это делать с колыбели. Мне же приходилось долго и усердно учиться. Абсолютно всему. То, что другие осваивали в детстве, юности, мне доводилось постигать сейчас. Я не умела краситься, терялась, когда слышала непонятные шутки про Золушку или Спящую красавицу, путала Тома с

Джерри, не понимала разницы между каскадом и каре, лабутенами и шпильками.

Меня называли странной, не общительной, угрюмой и скучной. А я просто боялась попасть впросак. Даже когда приехал Ричард, внук Анны и Джона Симпсонов, я оттолкнула его своей холодностью. Это случилось на следующий день после моей второй поездки в Мадрид. Тогда я уже догадалась, что привязана к картине, и настроение было паршивым. Весь день кружилась голова, немного подташнивало, я с трудом выдержала обычную фотосессию. А вечером позвонила Анна и радостным голосом пригласила в гости. К ним из Америки приехал любимый внук.

Я не знала, как извернуться. Я чувствовала неоценимую благодарность к Симпсонам, но ехать не хотела. Как же не вовремя! Почему они позвонили именно сегодня? Охватили бессилие, растерянность, а потом и стыд за недостойные мысли. Но я еще не умела врать, поэтому пришлось заказывать такси, покупать круассаны и цеплять на лицо улыбку.

Ричард не умолкал ни на секунду, одновременно успевая болтать об университете, экзаменах и пожирать меня глазами. Даже как-то неудобно стало. «Конечно, я уже не та бледная поцарапанная девушка в простеньком хлопковом сарафане. Теперь я одета в дизайнерский костюм, мои туфли стоят тысячу евро, а над прической два часа трудилась команда стилистов», – мелькнула недостойная вздорная мыслишка. Я одернула себя за гадкое предположение и продолжала вы-

мучено улыбаться на комплименты.

После ужина Ричард вызвался проводить меня домой. Я, втайне рассчитывая расстаться с ним здесь и больше никогда не видеть, мысленно вздохнула – придется терпеть его присутствие еще полчаса. Он был забавным, милым, обаятельным, но слишком молодым. Я чувствовала себя пятисотлетней старухой, особенно после недавней поездки в Мадрид. Уставшей, вымотанной, с горой неразрешимых проблем. А юный улыбчивый кавалер только добавлял раздражения.

Вызвали такси. Анна чмокнула меня в щеку, шепнув на прощанье: «Прости нас. Он хороший мальчик. Не будь слишком строга». Наверное, она видела мое настроение и сделала соответствующие выводы.

Когда мы подъезжали к дому, Ричард предложил зайти в кафе и продолжить беседу. Я сказала, что очень устала и хотела бы лечь спать раньше. Тогда он предложил встретиться завтра, погулять по Барселоне. На что я ответила, что у меня съемки за городом и вернусь поздно. На любую его инициативу отвечала холодным сухим контраргументом.

В общем, я вела себя как законченная стерва. Такси остановилось возле подъезда. Я коротко бросила «Прощай» и быстро вышла из машины, чтобы Ричард не успел ничего сообразить. Ни выйти вместе со мной, ни напроситься в гости. На следующий день он встретил меня около подъезда с огромным букетом роз. Альберто только хмыкнул и поинтересовался многозначительно: «Помощь не нужна?» Я отве-

тила, что это мой старый знакомый.

– Привет, Лаура, – парень немного нервничал. Наверное, не знал, как я отреагирую. Я опять почувствовала себя неизмеримо старше и опытнее.

– Привет, – ответила я со вздохом, не зная, куда девать громоздкий букет и молодого, ни в чем не виноватого, кавалера.

Настроение не изменилось. Я по-прежнему чувствовала себя в западне из-за захватившего в плен полотна.

– Поужинаем? Я нашел неплохой ресторанчик неподалеку, – заискивающе произнес Ричард.

Решив, что лучше горькая правда, чем увиливание и грубость, я протянула руку и дотронулась до его рукава, стараясь смягчить слова.

– Я никогда тебя не полюблю, – сказала честно, – ты не в моем вкусе. – Ричард ошеломленно уставился мне в лицо. Неужели, я как всегда свернула не туда? Или честность не в фаворе у людей? – Мы с тобой можем остаться друзьями, если хочешь. Спасибо за то, что помог мне с портфолио, спасибо за доброту...

Лицо юноши перекошило. Он резко вскинул ладонь, прерывая меня.

– Хватит, – голос дрогнул, – я понял.

Когда расстроенный Ричард ушел, я корила себя последними словами. Он прилетел из Америки узнать, как у меня дела, купил цветы. Анна и Джон так надеялись, что мы

подружился. Они не раз звонили мне и передавали от него привет. На самом деле, дело было не только в страхе, но и в том, что мое сердце занято. Прочно и навсегда. Я не хотела обманывать парня, не хотела давать ему шанс на отношения. Кое-чему я все-таки научилась за полгода. Лучше рвать сразу, быстро и окончательно, чем давать необоснованную надежду.

Мы с Альберто проработали план. Я позвонила издателью Джорджа и представилась страстной любительницей его книг. Назвала их все (они лежали передо мной), пообещала организовать встречу с читателями в центральном книжном магазине Парижа на Елисейских полях (как я это буду делать, пока не знала, но Мартин поможет).

Жак Сонерс был приятно удивлен. Он пообещал связаться с Джорджем и сообщить время встречи. Оставалось проследить за Джорджем до его дома (Альберто заверил, что справится с этим прекрасно) и вуаля. Адрес будет у меня.

С магазином сложностей не возникло. Заплатив кругленькую сумму за аренду зала на втором этаже, я вывесила объявления о встрече с Олдриджем. Единственной проблемой стало то, что почитателей книг Джорджа в Париже оказалось не так уж много. Не помогли ни реклама, ни объявление в газете. Пришлось для массовости организовать девчонок из агентства, пообещав каждой по бутылке шампанского и поход в спа. А самой скупить все книги, которые нашла, и вручить им для автографа. За встречей я наблюдала из кафе на-

против. Недоуменное лицо Джорджа надолго врезалось в память. Он явно был в растерянности. Хихикающие, строящие глазки манекенщицы, окружившие его, не могли ответить ни на один вопрос – они попросту не читали его книг.

Мартин потом мне все рассказала. Она руководила процессом по моей просьбе, а Альберто ждал на улице, следя за машиной Джорджа.

– Не знаю, зачем тебе понадобилось устраивать это представление, – недовольно произнесла Мартин вечером, когда приехала ко мне в квартиру, – твои слова о том, что ты хочешь поддержать молодое дарование, пахивают фальшью. Двадцать тысяч евро на ветер. Слава сумасбродки и чудачки за тобой закрепилась надолго.

– Я тебе все расскажу, – произнесла я через некоторое время, – потом.

– Если бы он хоть тебе нравился, – хмыкнула Мартин.

– Он мне нравится... Очень, – я уныло опустила голову, – я его люблю.

Подруга пораженно округлила глаза. Бокал с мартини в ее руке опасно накренился, намереваясь запачкать ее светло-розовый кашемировый джемпер.

– И когда же ты успела его полюбить? – скептически произнесла Мартин, ставя бокал на столик и пристально уставившись мне в лицо, – когда лежала в больнице или когда училась читать по слогам на его книгах? Или ты его любила раньше, до потери памяти?

Глаза Мартин разгорались азартным огнем.

– Не помню, – сказала я свою ритуальную фразу на все случаи жизни и дружелюбно улыбнулась.

Час назад Альберто позвонил и сказал, что адрес Джорджа у него в кармане. Альберто легко проследил до дома писателя и узнал квартиру. Оставалось самое страшное и тяжелое – пробраться в квартиру и выкрасть раму.

– Почему же ты не вышла подписывать книги? Наши девчонки чуть не разорвали его пополам. Каждая предлагала телефончик и любовь до гроба, – Мартин веселилась от души. Бесплезно потраченные (по ее мнению) двадцать тысяч евро уравновесила моя сокровенная тайна.

– Он только недавно развелся, – ответила я, – дам ему время прийти в себя.

Мартин захохотала. Наконец я сумела сказать что-то «нормальное». Или это была шутка? В любом случае у женщины мой ответ не вызвал скептически приподнятых бровей (как бывало раньше).

Теперь Альберто постоянно следил за Джорджем. С утра до вечера. Я же брала такси. Джордж оказался заядлым домоседом, иногда не выходил из квартиры днями. Иногда гулял вдоль Сены, кормил голубей. Но недолго. Напряжение росло. Я уж боялась, что никогда не смогу реализовать свой план и придется еще раз идти к нему предлагать на этот раз миллион, как однажды во время съемок позвонил Альберто и сообщил, что Джордж едет в аэропорт. Я обрадованно по-

терла руки. Значит, он улетает, и у нас есть минимум сутки для осуществления задуманного.

Не откладывая в долгий ящик, мы решили пробраться в его квартиру этой ночью. Я клятвенно попросила Альберто, что если мы обнаружим сигнализацию, то сразу же уберемся прочь. Но ее, слава Богу, не оказалось. Только два обычных замка на двери, с которыми Альберто быстро справился. Он хотел оставить меня дома, но я настояла на том, чтобы пойти с ним. Во-первых, если вдруг нас настигнет полиция, я приму вину на себя. А во-вторых, я чувствую картину и легко смогу ее найти. Зачем Альберто искать ее по всему дому, если я за секунду обнаружу ее местоположение?

Мы тихо зашли в жилище Джорджа, плотно закрыв за собой дверь. Хорошо, что дом был не элитный. Ни консьержа, ни охраны в нем не оказалось. Фонарь решили не включать, свет с улицы давал достаточно освещения. Я сразу же уверенно направилась в дальнюю комнату. Альберто последовал за мной. Комната, куда мы вошли, была маленькая, темная, заставленная коробками и ящиками. Наверное, вторая спальня или кладовая.

Я чувствовала, что картина зовет меня. Дрожь прокатилась по телу, защипало кончики пальцев. Уже близко. Где-то здесь. Я увидела ряд не распакованных картонных коробок, стоящих вдоль окна. Вот. Я опустилась на колени и рывком потянула на себя одну из них. Альберто протянул складной нож. Я разрешила скотч и просунула внутрь руку. Меня уда-

рило, словно электрическим током. Здесь! Я вытащила свой холст. Он до сих пор был в раме. Чем же ее разломать? Я стукнула рамку о пол, та треснула. Скатила холст в трубочку и спрятала в сумку, следом складывая разломанные деревянные рамы. А вдруг я ошибаюсь? И не холст меня держит, а рама? Не хотелось бы повторно взламывать квартиру.

– Действительно пустой, – удивленно прошептал Альберто.

Я обернулась и хмуро уставилась ему в лицо. Он что, не верил мне?

– Дело сделано, – пробормотала я, – пора убираться.

Так же, на четвереньках, я поползла назад, вглубь комнаты. Альберто еще немного задержался, склеивая скотчем коробку и ставя ее на место. На мой недоуменный взгляд он ответил: «Олдридж может месяцами не заглядывать сюда. Он и не узнает, что полотно украдено, если все будет выглядеть, как раньше». Я согласно кивнула. Мы вышли из квартиры, заперли за собой замки и спустились вниз, не включая лифт. Никто нас не видел. В три часа ночи дом спал беспробудным сном. Мы сели в машину и поехали домой. Дома, вытащив полотно, разложив на столике рамку, я, наконец, пришла в себя. Правда, руки еще дрожали, и колотилось сердце. Альберто налил выпить.

– За первую в вашей жизни кражу! – весело произнес он, взяв в руки полотно и поднося ближе к свету.

– Надеюсь, последнюю, – хмыкнула я, пригубила напиток

и сразу же закашлялась. – Это виски?

– Конечно, – кивнул Альберто, – только крепкими напитками отмечают противозаконные дела.

Я до сих пор не умела различать тонкую грань между шутками и серьезными фразами, поэтому только скривилась в ответ, ревностно наблюдая за тем, как Альберто рассматривает мою картину.

– И что в ней такого ценного? – задал вопрос он.

– Все, – выдохнула я, забирая холст из его рук и прижимая к себе.

Ему не понять, но в картине вся моя жизнь. Теперь я относительно свободна, по крайней мере, могу перемещаться по миру, не боясь потерять сознание или умереть.

– Я отблагодарю тебя, – произнесла я, пристально глядя ему в глаза. – Сколько ты хочешь?

Альберто неуверенно пожал плечами.

– Мне все равно, – ответил он, – я бы сделал это и бесплатно.

– Я знаю. Но мне хотелось бы что-нибудь подарить. Ты не представляешь, что значит для меня этот холст. Я бесконечно благодарна тебе за то, что ты мне помог его вернуть.

– Вернуть? – переспросил Альберто. – Значит, он был твой раньше? Как же картина оказалась у Олдриджа?

Я мысленно дала себе пощечину. Слишком много информации. Я не сомневалась в честности Альберто, но чем меньше он будет знать, тем лучше.

– Неважно, – произнесла я, – утром выпишу чек. Скажешь жене, что это премия.

Я встала, крепко держа холст в руках. Альберто понятливо кивнул.

– Тогда до завтра, сеньорита Симпсон.

– До завтра, Альберто.

Два дня я носила холст с собой в сумочке, наслаждаясь чувством бесконечного покоя и умиротворения. Это он держал меня. Рамка не представляла собой ничего ценного. Я несколько раз проверяла, оставляя ее дома и уезжая за город. В конце концов, решила спрятать полотно туда, куда никто не сможет пробраться, кроме меня. В банк.

Зарезервировав ячейку в национальном банке Парижа, я поместила в нее мою драгоценность. После этого более менее успокоилась. Перестала ночами вскакивать с криками, оглядываться по сторонам на улице, вздрагивать от каждого звонка или стука.

Как только Джордж зашел в квартиру, он почувствовал, что в ней кто-то был. На подсознательном уровне. Он прилетел из Лондона поздно вечером, уставший и измотанный до полусмерти. День рождения Кевина отметили с размахом. Заодно и его помолвку с Айяно.

– Ты зря времени не теряешь, – похвалил Джордж младшего брата.

– Отец хочет внуков, – наигранно пожал плечами тот.

Кевину было всего двадцать три, рановато для женитьбы. И что бы он ни говорил, Джордж заметил, какими глазами младший брат смотрит на девушку. Причина не только в отце. Он действительно ее любит. «Пусть хоть кому-то из нас повезет», – мысленно добавил Джордж к обычным поздравлениям паре.

Джордж обошел квартиру, но не нашел ничего странного. Вещи находились на своих местах, ценности (их было немного, но все же кое-что имелось) не были украдены. Золотой кубок, который он получил, выиграв в конкурсе на лучшую пьесу, по-прежнему стоял на полке. Серебряный Паркер на столе, ноут, дорогие часы с гравировкой. Значит, его писательское воображение разыгралось. Была мысль пригласить детектива, но он быстро выбросил ее из головы. Во-первых, у него нет лишних денег, во-вторых, не хотел показаться параноиком с маниакальным бредом. Интуицию к делу не пришьешь.

В последнее время с ним происходили странные события. Взять хоть дурацкую встречу с почитателями его таланта, устроенную какой-то анонимной богачкой. Три человека из всех, кто пришел тогда на прием, смогли связно ответить на элементарные вопросы. Кто Ваш любимый герой? Или что больше всего понравилось в «Игре пешкой»? Другие вообще не читали его книг. Женщина, устроившая встречу, так и не пришла. Зато прислала толпу манекенщиц, которые только и умели, что строить глазки и глупо хихикать. А заправляла

ими какая-то пожилая хмурая женщина (она, кстати, тоже ничего из его книг не читала).

Потом, Джорджу стало казаться, что за ним следят. У него даже мелькнула мысль, что это Изабелла наняла частного детектива, чтобы разузнать о его жизни. Но зачем ей это? Бумаги подписаны, развод оформлен. Кроме этой квартиры у Джорджа больше ничего нет, что могло бы ее заинтересовать.

Он разделся и лег в кровать, но сон не приходил, хоть мужчина и чувствовал себя выжатым, как лимон. Одолевали мрачные мысли об отце (уж слишком тот показался ему веселым и оживленным на дне рождения Кевина, постоянно шутил, балагурил, что было странным), беспокойство о новом романе. В конце концов, Джордж встал и включил компьютер. Ввел в адресную строку «Лаура Симпсон» и открыл окно ее многочисленных фото. В последнее время он часто это делал. Его поэтическая душа получала почти плотское наслаждение, рассматривая идеальную красоту модели. Словно она была не настоящей земной девушкой, а придуманной сказочной принцессой. Немыслимо представить, что она родилась обычным способом, ходила в школу, колледж. Носила брекеты на зубах и напивалась на молодежных вечеринках.

Что у нее есть отец, мать, братья. Кстати... Джордж попытался покопаться в ее биографии, но ничего не нашел. Пустота, вакуум. Это правильно, иначе ее семья тоже попадет

под пристальное внимание папарацци, которые сейчас не дают бедной девушке проходу, снимая ее везде – в кафе, магазинах, в машине и на улице. Ну хоть что-то должно быть? Друзья? Близкие?

Через десятые ссылки Джордж нашел упоминание о Джоне и Анне Симпсон, пожилой чете, живущей (занятое совпадение) на южном берегу Барселоны, в пяти километрах от его бывшего особняка. Лауру несколько раз видели, посещающей их виллу на побережье. Так же была одна фотография (темная и размытая) девушки (похожей на Лауру) и парня с огромным букетом цветов. Они стояли на близком расстоянии друг от друга и о чем-то разговаривали.

Чем он сейчас занимается? Копается в грязном белье? Джордж в сердцах погасил экран, откинулся на кресло и прикрыл глаза. Но все равно ее лицо, словно нарисованное на обратной стороне век, предстало перед ним. Наваждение какое-то.

Зачем ей нужен был холст? Почему она так страстно пыталась его заполучить? И почему бросила свои попытки? Кстати, Джордж вспомнил небольшую заметку, которую вскользь прочитал. Сеньорита Симпсон сейчас живет в Париже. Опять совпадение? Уж слишком их много в том, что касается этой девицы. Джордж пока не мог собрать их воедино, но когда-нибудь соберет. «И тогда, берегитесь, мадам-муазель Симпсон, я выведу вас на чистую воду», прошептал он в пустоту.

Окончательно разуверившись в возможности заснуть, Джордж принялся за работу. В следующем номере «Пипл» должна выйти его статья о культуре межнационального общения. Нудная тема, и Джордж пытался ее приукрасить, как мог, чтобы читатели хоть немного заинтересовались и прочитали пару абзацев.

Рано утром, только-только рассвело, Джордж вышел на пробежку, чтобы взбодриться. Выпил кофе на углу улицы Грез в булочной, окунул голову в маленький фонтанчик возле сквера. А когда подбегал к дому, заметил два припаркованных у подъезда джипа с затемненными стеклами. Джордж поднялся на свой этаж и остановился в растерянности. Двери квартиры были приоткрыты.

– Проходите, мистер Олдридж, – его несильно толкнули в спину. Джордж обернулся. Сзади, словно из-под земли, выросли двое громил. – Нужно поговорить.

Джордж молча прошел вперед и вошел в квартиру. За час, пока он отсутствовал, она кардинально изменилась. В ней царил хаос. Одежда горой валялась на полу, ящики шкафов были вывернуты, диван распорот. В центре гостиной, в его кресле, сидел немолодой худощавый мужчина с холодными рыбьими глазами. Встретившись с ним взглядом, Джордж инстинктивно поежился, казалось, он встретился глазами с самой смертью. Взмах ресниц, и Джордж скорчился на полу от дикой боли в пояснице. Ему показалось, что почки превратились в желе. Страшно захотелось в туалет. Несколько

секунд Джордж ничего не видел и не слышал, оцепенев от боли, стараясь не опозориться и не обмочиться.

– Кто вы? Что вам нужно? – прохрипел он, наконец отдышавшись.

– Думаю для первого раза достаточно, – невыразительным тихим голосом произнес незнакомец.

Громилы отошли назад, прикрыв входную дверь. Джордж с трудом встал на ноги. Он впервые в жизни сталкивался с бессмысленной грубой жестокостью. Нет, конечно, бывали случаи, когда он получал в колледже битой или мячом в грудь, или по ноге. Но это было частью спортивных соревнований, и боль была следствием его же ошибок или промахов.

– Меня зовут Рок Моро, – сказал мужчина, – хотя вряд ли вам когда-нибудь понадобится мое имя. И мне не стоит ни малейшего труда сделать из вас инвалида или труп. Поэтому давайте сразу решим наши вопросы без уверток и вранья.

– Вы до сих пор не сказали ни слова о том, что вам нужно, – рассердился Джордж.

– Это моя тактика, – ласково улыбнулся мужчина, – сначала запугать. Потом человек охотнее идет на контакт.

– Понятно.

– Мне нужно полотно, которое осталось у вас от «Лауры», – Джордж ошеломленно вскинул голову и уставился мужчине в лицо. Не может быть!

– Мои люди обыскали вашу квартиру, – добавил холодно тот, – но полотна не обнаружили. Если бы мы его нашли, то

не побеспокоили бы вас. А так... – мужчина развел руками, – нужна ваша помощь.

– Оно должно быть в одной из не распакованных коробок, – угрюмо произнес Джордж.

Эти люди не сеньорита Симпсон, они не пришли покупать, поэтому его желание или нежелание отдавать холст значения не имеет. Но все-таки, что же такого ценного в этом полотне?

– Мы проверили все коробки, – ответил незнакомец, – полотна нет.

Джордж пожал плечами.

– Я сам его упаковал в Барселоне и приготовил к отправке. Багаж перевозили без меня. После приезда в Париж я не заглядывал в коробки, поэтому ничего сказать не могу. Возможно, его украли по дороге во Францию.

– А, возможно, вы нам врете, – насмешливо растягивая слова, произнес мужчина и коротко кивнул.

Один из громил заломил руку Джорджа за спину, резко дергая вверх. Джордж заорал от нестерпимой боли, казалось, в голове взорвался огненный шар. В рот грубо ткнули кляп из футболки.

– Зачем же так кричать, – хмыкнул мужчина, – разбудите соседей. Нам же не нужна компания? Правда?

Однажды, в детстве, Джордж сломал ключицу, свалившись с турникета. Та боль не шла ни в какое сравнение с теперешней. Ему казалось, что сустав вышел из плечевой сум-

ки и болтается на сухожилиях. Что ему оторвали руку или содрали заживо кожу. Он никогда не думал, что бывает подобная боль. Даже удивительно.

– Вы думаете, что это самая сильная боль? – словно прочитав его мысли, произнес мужчина. – Я вас заверяю, вы ошибаетесь. Существует боль гораздо мучительней. Но я не хочу подвергать вас ей. Писателю нужны же пальцы, глаза для того, чтобы творить. Да?

Джордж ругнулся сквозь зубы. Получилось жалко и невразумительно.

– У нас есть много времени, чтобы восстановить вашу память, – мужчина встал с кресла, – пока вы погостите у меня, подумаете. А вдруг вспомните что-то новое? А пока мы проверим ваш бывший дом в Барселоне, компанию, которая перевозила багаж, сеньору Долорес, что отправляла его в Париж...

Джордж потрясенно уставился на незнакомца. Он кричал сквозь кляп, что он не знает, где полотно, что Долорес не причем, что это какая-то ошибка, но его никто не слушал. А потом свет в глазах померк, и Джордж провалился в беспмятство.

Он пришел в себя лежащим на кушетке в какой-то комнате, без окон, с голыми бетонными стенами. В углу стоял унитаз, под потолком горела одинокая лампочка. Дико хотелось в туалет. Джордж, покачиваясь от слабости, поковылял к толчку. Моча была с кровью.

«Неудивительно», – подумал он, вскрывая бачок и плеская себе водой в лицо. Голова раскальвалась, правая рука пульсировала огнем, поясницу ломило от тупой боли. Джордж осторожно пощупал затылок. В волосах запеклась кровь. Его ударили? Сильно? Если он потерял сознание, то да.

Сколько прошло времени после разговора с незнакомцем? Что вообще происходит?! Джордж сел опять на кровать. Схватился за край и хмуро уставился на запертую железную дверь напротив. Давно он не попадал в подобный переплет. Да что говорить, в такой он ни разу не попадал. В молодости, когда Джордж работал независимым журналистом, бывали случаи угроз в его сторону, мелких хулиганских выходов, несколько раз разбивали фотоаппарат и стекла в машине. Но до рукоприкладства не доходило ни разу.

Безоблачное тихое детство, частная школа, университет. Потом захотелось самостоятельности, независимости. Почти сразу же пришли, если не слава и богатство, то известность и достаток. Оказывается, он никто, слабый изнеженный писака. Его хоть сейчас могли убить, а он ничего не в силах сделать. Не помогут ни родители, ни деньги, ни талант.

Что ж, единственное, что он может сделать, это вести себя достойно. Джордж, прихрамывая, прошелся по комнате взад вперед. Осмотрел дверь, лампочку, отверстие для вентиляции. И пусть тело болело от макушки до пяток, желудок настойчиво требовал пищи. Он попил воды из туалетно-

го бачка. Кишечная инфекция – незначительная проблема по сравнению с тем, что его ожидает. А так как кормить его не планируют, значит, ему недолго оставалось. Перспективы безрадостны. Джордж никогда не сталкивался с преступным миром, все его, если можно так сказать, знания были подчёрпнуты из боевиков. Но и дураку было понятно, что в живых его вряд ли оставят. Он опять лег на кровать, надеясь, что заснет. Больше в комнате делать было нечего.

Джордж проснулся от звука открывающейся двери. В проеме показался мощный громила в темном костюме. Под пиджаком отдувалась кобура с оружием.

– Хозяин желает тебя видеть, – произнес он, останавливаясь в проеме.

Джордж, кряхтя, встал и поправил окровавленную футболку.

Они вышли в коридор. Как он и предполагал, его комната находилась в подвале. Наверх Джордж с охранником поднимались по крутой узкой лестнице. Джордж впереди, охранник сзади. Вскоре они вышли на первый этаж.

«Шикарный домик», – хмыкнул под нос Олдридж, рассматривая паркет из красного дерева, антикварную мебель, картины на стенах. В огромных окнах можно было увидеть живописные клумбы, аллеи, вдалеке темнел настоящий густой лес. Его подтолкнули в спину по направлению к одной из дверей. Это был кабинет. За столом сидел знакомый жуткий старикан. Ничего хорошего от предстоящего разговора

Джордж не ожидал, поэтому, когда ему предложили сесть, немного удивился.

– Доброе утро, мистер Олдридж, – мужчина был нарочито вежлив, это раздражало и пугало одновременно.

– Доброе, – буркнул Джордж, осторожно усаживаясь на стул напротив стола.

– Ничего нового не вспомнили? – тонкие губы мужчины изогнулись в циничной гримасе.

– Нет, – ответил Джордж, напряженно смотря в лицо незнакомцу.

– Жаль, – вздохнул тот, – тогда вы нам не нужны.

«Так быстро?» – Джорджа охватила паника. Он не хотел умирать. Вот так, быстро, глупо, неизвестно от чего. Его закопают где-то в лесу, и никто, ни родители, ни друзья не будут знать, что с ним случилось. И пусть в подвале он решил, что его все равно не оставят в живых, Джордж цеплялся за слабую надежду, как утопающий за соломинку.

– Подождите, – он поднял руку, краем глаза заметив шагнувшего к нему сзади громилу, – вы до сих пор не объяснили, зачем вам нужно это полотно и откуда о нем узнали. Может быть, я смогу что-то прояснить, если буду знать больше?

Сидящий за столом старик на мгновение задумался. Джордж чувствовал, как вплотную к его стулу стоит бандит и ждет малейшего знака от хозяина, чтобы убить. В горле пересохло, на спине выступил холодный пот. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль – записать свои ощущения и

вставить в следующую книгу. Если она будет, конечно.

– Все, что рассказал сеньор Гарсия, можете не повторять. Это я знаю, – медленно произнес, решив, в конце концов, что убить Джорджа он всегда успеет. – Пустое полотно на месте бывшей «Лауры», никаких следов вынимания картины из рамы. Спектральный анализ нитей рубашки, показавший ткань шестнадцатого века. И так далее... Мы проверили компанию, перевозившую ваш багаж, дом в Барселоне. Поговорили с риелтором, который его сейчас продает. Даже побывали у вашей бывшей жены. Увы. Никто ничего не знает.

Джордж в панике пытался зацепиться хоть за что-то. Но ничего не приходило в голову. Только один вопрос крутился в голове – что ценного в этой картине, если ее так ищут?

– Да, кстати, – улыбнулся старик, – Долорес рассказала о том, что за два дня до вашей поездки в Париж к вам приходила в гости какая-то сеньорита.

Мужчина выжидательно замолчал.

– Приходила, – осторожно подтвердил Джордж, задвинув вглубь себя опасения по поводу здоровья своей бывшей служанки.

– И что она хотела?

– Тоже, что и вы. Купить полотно «Лауры», – Олдриджу некуда было деваться. Все равно бандит узнает, если не сейчас, то позже. Он только надеялся, что успешную богатую модель минует его участь. Вряд ли старикан будет ее пытаться.

Впервые в глазах мужчины мелькнул интерес.

– Как ее зовут?

– Лаура Симпсон, – произнес угрюмо Джордж.

Старик перевел взгляд на монитор ноутбука, стоящего на углу стола, и принялся что-то быстро увлеченно печатать. «Скорее всего, ищет Лауру в интернете», – только и успел подумать Джордж, как вздрогнул от громкого неестественного хохота. Бандит смеялся. Жутко, возбужденно, даже радостно. Словно он нашел потерянное бесценное сокровище. Джордж испуганно уставился на хохочущего мужчину. Что это с ним?

– Мистер Олдридж, – отсмеявшись, произнес старик, – какой же вы идиот. Хотите взглянуть?

Джордж осторожно встал и, прихрамывая, подошел к столу. Старик развернул монитор так, чтобы было видно обоим. На экране предстала одна из фотографий Лауры Симпсон крупным планом. Она смотрела прямо в объектив, серьезно, не улыбаясь. Ее серые бездонные глаза, казалось, заглядывали в душу. Джордж, несмотря на боль, терзавшую его, невольно замер от восхищения. Какая же она красивая.

– Ничего не замечаете странного? – спросил бандит.

Джордж отрицательно мотнул головой. Что тут странного? Прекрасная девушка рекламирует кольцо с сапфирами. Они на ней идеально смотрятся.

Мужчина щелкнул мышкой, и в новом окне экрана появилось изображение украденной картины. Его «Лауры». Фото было сделано в пражском музее, перед войной. Старик мак-

симально приблизил лицо девушки и расположил ее рядом с лицом модели.

– А теперь? – хмыкнул он.

Джордж ошеломленно переводил взгляд с одного изображения на другое. Девушки были похожи, как две капли воды.

– Ну и что... – начал было говорить Джордж, как вдруг горло перехватил спазм. Он судорожно сглотнул и отступил назад. Ноги не слушались.

– Этого не может быть, – прошептал он потрясенно, – не может быть.

– Алан, – старик обратился к телохранителю, – проводи мистера Олдриджа в его комнату и покорми. Вдруг он еще пригодится? А мне нужно поговорить с мадмуазель Симпсон.

Джордж обеспокоенно вскинул голову.

– Надеюсь, вы не станете ее допрашивать так же, как и меня, – прохрипел он.

– Конечно, нет, – хохотнул мужчина, – зачем портить такую красоту? Я найду для нее лучшее применение.

Джорджа сильно толкнули в спину, выпроваживая из кабинета, он не успел ничего ответить. В гудящей голове царил хаос. Джордж спускался в подвал, почти не ощущая болезненные тычки в спину от громилы. На что намекал старик? Он что, действительно думает, что Лаура Симпсон есть так самая Лаура? Это бред! Пусть Джордж был творческой личностью с богатой фантазией, но рациональная часть моз-

га изо всех сил сопротивлялась увиденному и услышанному.

Джордж ковылял по ступеням, спотыкаясь на каждом шагу и цепляясь за углы. И даже, когда его грубо впахнули в комнату, да так, что он растянулся на полу, он даже не ощутил боли. Голова шла кругом. Разум отказывался воспринимать то, что он услышал и увидел.

Джордж опустил на кровать и сжал виски ладонями изо всех сил. Даже его возможная близкая смерть отступала на задний план перед подобным событием.

– Но старик поверил сразу! – прошептал Джордж потрясенно. Неужели, существует что-то за гранью материального мира? Неужели?..

С другой стороны все указывало на правду. Девушки были похожи. Нарисованная Лаура неожиданно пропала с полотна, а красавица-модель появилась из ниоткуда. Вора не нашли. Рубашка шестнадцатого века...

– Этого не может быть, – шептал Джордж безостановочно хриплым сдавленным голосом, – не может быть...

Я была почти счастлива. Холст находился в безопасности, в непосредственной близости от дома, под защитой бетонных стен и стальных сейфов. Работа приносила удовольствие. Ни за что бы раньше не догадалась, что можно получать такие огромные деньги, ничего не делая. Даже сто лет назад к женщинам относились совсем по-другому. Как же

мне повезло, что я «родилась» именно в это время.

Немного напрягали навязчивые знаки внимания поклонников. Нескончаемые букеты, коробочки с ювелирными изделиями (многие из которых я же сама и рекламировала), приглашения на ужин. Мартин приходилось по часу в день тратить на то, чтобы отсылать подарки обратно. Но я была непреклонна – никаких свиданий и подношений. Как ни странно, неприступность и замкнутый образ жизни делали мой портрет еще более привлекательным.

Был еще Джордж. И моя безответная любовь к нему. Я еще чувствовала себя слишком нерешительной и закомплексованной, чтобы сделать первый шаг. Вот так, подойти на улице и поздороваться. Особенно после того, как украла у него картину. Возможно, мы где-то встретимся случайно? На каком-нибудь приеме или в торговом центре? Частенько я представляла, как мы сталкиваемся в книжном магазине, где я задаю ему вопросы о книгах (я перечитала их все). А он влюбляется в меня с первого взгляда. Мечты, мечты.

А сегодня утром я самостоятельно приготовила себе завтрак. Ничего особенного – поджарила два яйца и кусочек ветчины. В процессе готовки пришлось несколько раз сверяться с ноутом, и все равно яйца получились с черной хрустящей корочкой снизу. Наверное, я включила слишком сильный огонь. Все равно, я их съела, не забыв похвалить себя. Научусь рано или поздно. Я не собиралась становиться поваром, мне был интересен сам процесс превращения од-

ного вкуса в другой. Вода с горькими твердыми зёрнами – в ароматный напиток. Молоко и безвкусный белый порошок – в оладьи, склизкая полужидкая консистенция – в яичницу.

Я ехала со съёмок с Альберто и Мартин. У нас был запланирован торжественный ужин в ресторане по случаю публикации моих фото в спецвыпуске «Пипл». После выхода космической саги с моим эпизодическим участием в образе императрицы меня называли самой красивой женщиной в мире. «Думаю, не в последний раз», – самодовольно заявила Мартин и предложила отметить это событие. Альберто и я согласились. Я сидела на заднем сидении, слушала беззаботную болтовню друзей и улыбалась. Разве могла я подумать год назад, что буду вот так наслаждаться жизнью, пить шампанское, смотреть фильмы, читать книги? Что у меня появятся друзья, коллеги, поклонники? Что меня ждет впереди жизнь, наполненная приключениями?

– Нас теснят к обочине, – вдруг серьезно произнес Альберто. Я удивленно огляделась. Форд окружили три громадных джипа. Один притормаживал спереди, другой отрезал путь сзади. Еще один приближался слева, почти касаясь нашей маленькой машинки.

– Останавливайся, – произнесла Мартин испуганно, – здесь куча народу на тротуарах, не будут же нас грабить прямо в центре?

Мы остановились. Альберто попросил заблокировать двери и сидеть спокойно. Мы с Мартин замерли, наблюдая, как

из джипов выходят двое мужчин в черных строгих костюмах и идут к нам. Первый встал сзади автомобиля, второй остановился со стороны тротуара и постучал в окошко. Альберто открыл его на пару дюймов, чтобы только услышать, чего он хочет.

– В машине есть мадмуазель Лаура Симпсон? – довольно дружелюбно и вежливо произнес мужчина.

– Вам какое дело? – огрызнулся Альберто.

– Нужно поговорить об украденном полотне.

Сердце замерло от страха. Нас раскрыли! Сейчас надедут наручники и отведут в тюрьму. Я, не успев насладиться жизнью, окажусь за решеткой. Мартин крутила головой, недоумевающе переводя взгляд с мужчин на меня. Альберто хрипло и как-то сдавленно прокашлялся.

– Я Лаура Симпсон. Что вы хотите знать? – стараясь говорить спокойно, произнесла я. Громила тут же перевел взгляд на заднее сидение. Я опустила стекло и улыбнулась краешком губ. Как всегда, при первой встрече со мной, мужчины теряли дар речи на пару секунд. Я уже привыкла к подобному оцепенению и просто ждала, когда он придет в себя.

– Мадмуазель Симпсон, – в конце концов, выдавил мужчина, – с вами хочет поговорить очень уважаемый человек. Вам ничего не грозит. За свою жизнь и здоровье можете не беспокоиться. Мне приказано проводить Вас к нему.

Я молча смотрела на жесткое, гладко выбритое лицо, склоненное к моему окну, и размышляла, есть ли у меня вы-

бор. Будет полной глупостью с моей стороны сесть в джип к незнакомцам и отправиться к этому «хозяину». Со мной могут сделать все, что угодно – убить, изнасиловать...

– Что ты его слушаешь, – зашипела Мартин с переднего сидения, – закрывай окно и поехали.

– Как? – прошептал Альберто, указывая на стоящий впереди джип.

– Я все равно приведу вас к нему, хотите вы этого или нет, – громче произнес мужчина, демонстративно поправляя кобуру на поясе, – в другом случае могут пострадать невинные люди.

– Только поговорить? – обреченно переспросила я.

– Только поговорить о картине и все, – клятвенно заверил мужчина.

– Помогите! – крикнула Мартин в полуоткрытое окно.

Немногочисленные прохожие на тротуаре недоуменно оглядывались, не понимая, откуда донесся вопль. В щель окна тут же просунулось дуло пистолета.

– Зачем привлекать внимание, мадам? – голос громилы стал жестче. – Вам надоело жить?

– Я поеду! – решила я, открывая заднюю дверь.

– Стой, куда?! – заорала Мартин. – Я звоню в полицию.

– Не нужно полиции, – я вышла из машины и подошла к передней двери, – я позвоню тебе, как только смогу. Не переживай, все будет хорошо. Я догадываюсь, о чем пойдет разговор.

Повернулась и направилась к стоящему впереди джипу. По моей просьбе Альберто участвовал в краже. Откуда эти громилы узнали о ней, и что теперь будет – разбираться мне. Я виновата в преступлении и понесу наказание.

Мужчина выбежал вперед и открыл передо мной заднюю дверь джипа. Я залезла внутрь, и мы тронулись.

Единственное, на что я надеялась, что их «хозяин» живет недалеко от Парижа. Иначе мне придется туго. Мы выехали за город, джип прибавил ходу. Только-только я начала серьезно волноваться, как машина повернула на узкую проселочную дорогу. Вскоре мы оказались у огромных железных ворот, утыканных камерами. Наш джип проехал внутрь, остальные где-то потерялись. Еще пару минут по извилистой асфальтированной дороге мимо живописных зарослей, и перед нами возник огромный трехэтажный особняк в викторианском стиле.

Двери автомобиля открылись, мне подали руку. Я осторожно вышла. Прошло более полугодя, как я хожу, но до сих пор неуверенно чувствую себя на каблуках. А, может быть, ноги подгибались от страха?

– Хозяин ждет в кабинете, – приложив палец к уху, произнес мужчина.

Я пожалала плечами. Пока все шло, как он и говорил. Может быть, мифический «хозяин» действительно не имеет в виду ничего дурного. Поговорит и отпустит?

Дверь открыл еще один громила в костюме. Швейцар? Я

смело шагнула внутрь и огляделась. Гостиная была огромной. Вычурная мраморная лестница вела на второй этаж. Монументальная хрустальная люстра, античные скульптуры, картины. Я заметила «Водяные лилии» Моне и «Танцовщицу» Дега. Подлинники? А что тогда висит в музеях? Я ошеломленно крутила головой, переводя взгляд с одного полотна на другое, узнавая своих соседей по музейным залам, пока мне не открыли двери кабинета и не пригласили внутрь.

– Добрый вечер, – сухо произнесла я. Посреди огромной комнаты, за столом, как паук в центре своей паутины, восседал хозяин.

Щуплый немолодой, даже можно сказать старый, человек, седой, гладко выбритый, с неприятной лисьей физиономией. Блеклые светлые глаза жадно впились мне в лицо.

– Бог мой! – воскликнул он пораженно.

Потом встал и решительно направился ко мне. Я немного струхнула от такого напора, но осталась стоять на месте. Дедок был невысокого роста, почти вровень со мной, а я считалась низенькой для манекенщицы.

– Оставьте нас, – резко произнес он.

– Но шеф... – донеслось сзади.

Оказывается громилы шли за мной? Я даже не услышала их шагов, так грохотало мое сердце.

– Вы не поняли с первого раза? – голос хозяина заледенел. Даже я поежилась, что говорить о мужчинах. Те судорожно попятились назад. – Вон! Не думаю, что мадмуазель Симп-

сон сможет мне чем-то навредить.

Телохранители испарились. Скрипнула, закрываясь, дверь. Я осталась с хозяином один на один. Нет за спиной Мартин, которая подскажет и поможет. Нет Альберто. Рассчитывать придется только на себя.

– Поразительно! – мужчина обошел вокруг меня несколько раз, осматривая, словно музейную скульптуру.

Я пока не знала, как реагировать, поэтому молча настороженно ждала, пока он налюбуется. Все было крайне странным и пугающим.

– Ну и как Вам живется на этом свете, Лаура? – через время произнес старикан.

Я недоуменно сдвинула плечами.

– О чем это вы?

– Не будем ходить вокруг да около, – хозяин взял меня за подбородок жесткими пальцами и несколько раз покрутил голову вправо и влево. Я стоически выносила его прикосновения, на подсознательном уровне понимая, что лучше не спорить, уж слишком жутковатое он производил впечатление. – Я знаю, что Вы родились не обычным способом, а вышли из картины. Поэтому оставим неуместные дискуссии.

Я хлопнула глазами и уставилась на старика. Откуда он знает?! Это невозможно!

– Присаживайтесь. Нам предстоит долгий разговор.

Мужчина оставил мой подбородок в покое, подошел к письменному столу и уселся в кресло. Я обессиленно опу-

стилась на ближайшую кушетку. В голове царил сумбур. Я попыталась успокоиться и взять себя в руки. Обвела глазами кабинет. У старика явная гигантомания. Зачем такому маленькому человеку такие огромные комнаты? Потолок высотой никак не меньше трех метров. Вдоль стен громоздкие шкафы, заставленные книгами. В центре комнаты на огромном голубом ковре, как кувшинки на глади пруда, разбросаны белоснежные мягкие кресла и диваны, которые даже не дают ощущения наполненности комнаты, такая она была громадная. Здоровенный камин, внушительные напольные часы, картины на стенах.

Все в кабинете, да и в доме, дышало даже не богатством, а кричащей непомерной роскошью.

– Меня зовут Рок Моро, – через некоторое время произнес мужчина, – меня еще называют Смертельный Рок. Но для Вас я буду просто месье Моро или Рок.

Я осторожно кивнула.

– Я все о Вас знаю, – продолжал старик, – а то, чего не знаю, могу достоверно предположить.

– Вы тоже?.. – у меня мелькнула мысль, что он так много знает, потому что такой, как я.

– Нет. Не думайте. Я родился обычным способом, – усмехнулся он, – даже помню свою мать, притом, что она меня бросила в десять лет.

Почему-то я не ощутила никакого сочувствия, после его слов. Мужчина производил неприятное впечатление. Блед-

ный, худой, морщинистый. Только глаза были живые, цепкие. Сейчас они вцепились в меня намертво.

– Откуда Вы узнали о картине?

Месье Моро не ответил. Он склонился над тумбочкой, достал откуда-то бутылку с коричневой жидкостью и два бокала. Поставил на стол и плеснул понемногу в каждый.

– Берите, нам предстоит долгий разговор, – кивнул он мне.

– Я не пью, – отозвалась я. – По крайней мере, крепкие напитки.

– Это не предложение, – мужчина взял свой бокал и отхлебнул, – и впредь давайте договоримся. Вы делаете все, что я скажу. Тогда мы избежим многих недоразумений.

Категоричность тона пугала. Хозяин особняка явно не терпел любого, даже крошечного неповиновения. В итоге решив, что не умру от ста грамм коньяка, я встала, подошла к столу и взяла свой стакан.

– Садитесь рядом, – Рок кивнул на ближайшее к столу кресло. Я послушно села, обхватив ладонями напиток. Потом немного пригубила, стараясь не закашляться. Рок смотрел на меня пристально, замороженно, мечтательно улыбаясь, каким-то своим неизвестным мыслям. Я чувствовала себя неуютно под его взглядом.

– Признаться, я до последнего сомневался, что это возможно... – произнес тихо он, – это как абстрактная теория. Ты ее холишь, лелеешь, много лет планируешь осуществить.

И потом – бац! Кто-то ее уже осуществил без тебя. А ты уже видишь результат. Да еще какой!

Я ничего не понимала из его странных рассуждений. Молча слушала и крутила стакан. Пока непонятно, чего старик от меня хочет. Он не спешил. Ни пить, ни объяснять. Ну что ж. Я училась терпению пятьсот лет. Несколько лишних часов – не проблема.

– Я искал подобные полотна всю жизнь, – наконец произнес он через пару минут.

– Их несколько?! – удивленно переспросила я.

– По крайней мере, о двух я знаю точно, – по-деловому кивнул Рок, – одно мне попало в руки, когда я был подростком. А второе через шестьдесят лет. И оно Ваше.

– Расскажите, – я подалась вперед.

Я даже не обратила внимание на его последнюю фразу. Меня безумно интересовало все, что касалось картины. Как я родилась, из-за чего это произошло. Оказывается, есть еще холст? Значит, их много? Мне не терпелось узнать больше. Открыть тайну своего рождения.

Старик допил коньяк, налил еще. Откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился в пустоту, вспоминая. Я обратилась в слух.

– Это случилось сразу после войны... – начал он невыразительно, делая огромные паузы между фразами. – Мне было около десяти. Брату пять. Помню, нам постоянно хотелось есть. В наш дом попал снаряд, и всех жителей выселили на

улицу. Мы поселились в каком-то подвале. Кругом свирепствовали разруха, голод, нищета. Отец погиб на фронте почти в самом начале войны. Мать кормила нас чем придется, а потом и вовсе сбежала, сказав, что за едой. До сих пор не знаю, убили ее или она ушла сама. Если бы она собиралась вернуться, тогда зачем взяла с собой чемодан?.. Мне было страшно и одиноко. Маленький Жорж плакал, прося хлеба. Я воровал, что придется, еду, вещи, украшения. Продавал, менял. Иногда меня ловили, иногда избивали конкуренты. А однажды я попался. Залез в дом одного богача, барона Симона. Говорили, он помогал немцам и у него водились драгоценности... Дом, действительно, производил впечатление. Я был молод и глуп, поэтому поддался жадности. Греб все без разбору и, конечно же, меня схватили. Бросили в подвал, где я провел почти неделю.

Голос старика дрогнул, он замолчал. Я тихонько сидела и смотрела на хозяина сквозь ресницы. Первое отрицательное впечатление прошло, сейчас он казался мне обычным несчастным дедушкой со сложной трагической судьбой. Я сама много всего повидала во времена войн и революций. Когда висела в домах купцов и вельмож. Когда меня перепродавали, дарили, воровали, забирали за долги. Разрушенные судьбы, самоубийства, разорения, погромы. Все было в моей долгой жизни. Я старалась не носить эту боль в себе. Иначе сошла бы с ума. Сейчас я думаю, что лучше бы меня спрятали в футляр, как сделали перед второй мировой вой-

ной. И я бы не видела тех ужасов.

Через некоторое время месье Моро быстро взял себя в руки. Вытер тыльной стороной ладони влагу со щек, прокашлялся и хлебнул коньяку.

– Ты хорошая собеседница, – вдруг сказал он хрипло, – молчишь и терпеливо слушаешь.

– Привычка, – пожалала плечами я, – я молчала почти пятьсот лет.

– Да... – Рок криво улыбнулся.

В голубоватом свете люстры он выглядел, словно выходец с того света – бледный, с запавшими глазами. Пергаментная кожа обтягивала кости скул, делая лицо похожим на высохший череп.

– Ничего, что мы на ты? – немного поздновато поинтересовался он. Я согласно кивнула головой. Условности для меня ничего не значили.

– Так вот, – продолжал хозяин, – я просидел в подвале неделю. Меня кормили, поили, но не выпускали. То ли ждали барона (он в это время был в отъезде), то ли еще что. Я каждый день умолял выпустить меня. Плакал, что пятилетний брат ждет дома. Я приказал ему никуда не выходить, так как на улицах опасно, а есть у него было нечего. Я беспокоился, что он умрет от голода. Наконец, приехал Симон, и сразу же вызвал меня к себе. Не знаю, чем я его расположил, но он предложил мне вступить в его банду. Конечно, я согласился. Я согласился бы на все, что угодно, даже убить Чер-

чилля, если будет нужно, только бы меня отпустили к брату.

Рок опять замолчал. Я уже поняла, чем закончится рассказ, но пока не понимала, причем здесь картина.

– Я вернулся домой, в наш убогий холодный подвал, – через длительное время произнес Рок сиплым голосом, – но конечно не застал Жоржа. Он пропал. Я искал его. Долго искал. Так как я состоял теперь в банде, одной из самых влиятельных и могущественных в Париже, у меня были связи. Куда он пошел? Когда? Ему было пять лет, он был простужен и слаб. Ладно. Не буду утомлять тебя подробностями, – старик тяжело вздохнул и распрямился в кресле. – Через пару недель я нашел в одном из моргов Парижа упоминание об утонувшем ребенке четырех-шести лет. Его похоронили в общей могиле вместе с другими бедняками. Я до сих пор не знаю, был ли это Жорж или другой мальчик.

На этот раз Рок замолчал надолго. Я бросила взгляд на часы – половина двенадцатого. Значит, здесь я уже три часа. Интересно, Мартин позвонила в полицию, или Альберто ее отговорил? Я обещала позвонить ей, но до сих пор не понимала, чем все кончится. Понятно, что месье Моро – бандит. Причем, бандит влиятельный, очень богатый и жестокий. Кто его таким сделал – смерть брата или тяжелая жизнь? Неизвестно. Мне от этого не легче. Но почему-то я не опасалась за свою жизнь. Возможно, эту уверенность мне дал он сам. Его жадный, восхищенный взгляд. Так смотрят на что-то ценное, дорогое, на то, что боятся потерять.

– Я быстро поднялся наверх, – произнес Рок хрипло. – Я был жесток и умен. А благодаря щуплому телосложению, даже в четырнадцать лет мне давали не больше десяти. Я мог прикидываться ребенком, если нужно, мог убивать, пытаться, хладнокровно и безжалостно.

Я поежилась от его слов и неосознанно глотнула из стакана. Поперхнулась и закашлялась, но приятное тепло разлилось внутри. Защищало кончики пальцев. А коньяк, оказывается, недурен. Не такой вкусный, как шампанское, немного горчит, но эффект гораздо интереснее. Я до сих пор не могла привыкнуть к ощущениям тела к тому или иному раздражителю. Радовалась и удивлялась, когда испытывала что-то новое. А сколько еще всего неопробованного? Нет, я не хочу умирать. Я только-только начала жить.

В голове зашумело с непривычки. Старичок становился все приветливее и дружелюбнее.

– Я не мог простить барону смерть своего брата. Поэтому, вскоре, как только набрался сил и опыта, ночью пробрался в дом и перерезал ему горло, когда он спал.

Я удивленно подняла брови. При чем здесь барон? Разве он убил его брата? Моро же сам влез в его дом.

– Да-да, – криво ухмыльнулся старикан, его глаза хищно блестели, – зарезал, как свинью. И никаких угрызений совести не испытал, что исподтишка. Я не благородный рыцарь, – добавил он самодовольно. – Когда нужно убить, я убиваю без колебаний и с наименьшим количеством проблем.

Нелогичность рассуждения старика говорила о том, что лучше с ним не спорить. Себе дороже. И пусть я не разбираюсь в психологии, но интуитивно понимала, что с головой у бандита не в порядке. Он сумасшедший?

– Глупостью было прикончить барона и ничего не взять из его ценностей. Я знал, где находится сейф. В спальне, за картиной. Пока он хрипел и истекал кровью, я вскрыл тайник. Забрал золото, облигации, кое-какие бумаги. Еще в сейфе был кусок полотна. Картина без рамы. Небольшая, размером десять на пять дюймов. Мне некогда было вглядываться, что на ней нарисовано. Я сгрел и ее в рюкзак, и по-тихому свалил из дома. Если картина была в сейфе, значит, представляла большую ценность, иначе, как и все, висела бы на стене.

«Вот где истинная причина убийства барона, – подумала я, – не смерть брата, а сейф, полный золота. Гораздо ближе к истине». Рассказ захватил меня. Спать не хотелось. Я всегда старалась ложиться в одно и то же время, в одиннадцать часов. Правила модельного бизнеса были строги – всегда высыпаться и на съемках быть бодрой и полной сил. Но почему-то во мне крепла уверенность – после сегодняшнего вечера моя жизнь пойдет по другим правилам. По правилам этого жуткого старикана.

– Я решил на некоторое время уехать из Парижа, пока не уляжется шумиха, и банда барона не перестанет искать убийцу, – продолжал Рок, – с сумкой, набитой золотом и драгоценностями, я чувствовал себя королем. Но быстро понял,

что не смогу продать ничего из богатства, чтобы не привлечь внимание. Я шел пешком, через полуразрушенные города и деревни, на юг. Передвигался ночью, воровал еду, иногда и голодал. Однажды я все же решил заглянуть в рюкзак и поискать что-нибудь простенькое, чтобы продать. Впереди был Орлеан. Рука наткнулась на холст. Я вытащил его и принялся рассматривать в свете костра. Тогда я слабо разбирался в живописи. Не смог бы отличить полотно четырнадцатого века от девятнадцатого. Я смотрел на него и думал, что в нем такого ценного? Маленькое, темное. Единственным светлым пятном на картине был край стола с нарисованной едой. Жареная куропатка, гроздь винограда, яблоко. Мне так сильно хотелось есть, что я чуть не захлебнулся слюной. Я смотрел на яблоко, почти ощущая его свежий сочный вкус во рту, и вдруг оно упало мне на колени.

Рок прикрыл глаза и замолчал. Я в немом изумлении уставилась на умиротворенное худое лицо. У него получилось оживить фрукт?

– До сих пор я помню его вкус, – прошептал Моро, словно во сне, – самый чудесный вкус на свете. Сначала я не поверил. Я подумал, что оно упало на меня сверху. Я поднял голову, но оказалось, что я сижу не под яблоней, а под сосной. Я встал и обошел вокруг, выискивая, откуда оно могло свалиться. Ничего. Я решил отложить разгадку тайны на потом. Съев яблоко, опять перевел взгляд на картину. На том месте, где оно было нарисовано, появилось серое пустое пятно. Я

решил поэкспериментировать. Через полчаса пристального внимания к винограду и голодных спазмов в животе гроздь так же упала мне в ладони. После этого, я понял, что мне попала в руки не простая картина.

Моро замолчал, умиряя волнение. Я пристально смотрела на мужчину. Сердце колотилось, мурашки побежали по спине.

– Но как? – прошептала я. – Вы выяснили, почему это происходит? Вы раскрыли секрет?

Старик пожевал губами.

– Я много думал над этим. Тогда, в детстве, я просто решил, что Бог благоволит ко мне. Мама пару раз водила меня в церковь, я знал кое-какие молитвы. Я помолился, спрятал картину у себя на груди, поближе к сердцу. Золото и драгоценности закопал под той же сосной, взяв с собой лишь пару простых колец и ассигнации. Так началась моя жизнь в Орлеане. Вора, шантажиста, контрабандиста, убийцы.

Моро говорил спокойно, словно читал по бумажке. Я не знала, как реагировать. Закатывать глаза и причитать не имело смысла. Я повидала и не такое в своей жизни. Ничего особенного в этом не было. Когда какая-нибудь из моделей Эскрибы рассказывала об ужасах голодающих детей в Африке или о том, что видела на улице несчастного бомжа, я пожимала плечами. Когда девушки случайно падали на подиуме, подворачивали ногу, ломали ноготь – все вокруг охали, пили успокоительные, я же не обращала внимания на их истери-

ки и продолжала работать. Смерть, страдания и боль сопровождали меня пятьсот лет. Я насмотрелась столько ужасов, что нынешнему поколению не представить и в страшном сне. При этом, смерть была не самым жутким исходом...

– Мне везло, – продолжил Рок через некоторое время, – была это моя заслуга или заслуга волшебной картины – не знаю. Но меня ни разу не арестовывали, покушения от конкурентов не увенчались успехом. Я выходил сухим из таких переделок, что страшно представить. В конце концов все решили, что проще мне подчиняться, чем воевать со мной. Я строил империю. Долго, планомерно, тщательно. Сначала стал самым богатым человеком в Орлеане, а потом и во Франции.

Я удивленно приподняла брови. Хозяин заметил мое недоверие.

– Не официально, конечно, – добавил он со смешком.

Моро нажал какую-то кнопку на столе. Скрипнула сзади дверь.

– Принесите два кофе и что-нибудь поесть, – сухо зато произнес он.

Дверь тихонько закрылась.

– Конечно, я ни на секунду не забывал о чуде, произошедшем со мной, – продолжил он, когда перед каждым из нас поставили поднос с абсолютно одинаковым набором – изящной фарфоровой чашечкой, серебряным кофейником, розеткой с сахаром, маленькими щипчиками и миниатюр-

ной вазочкой с конфетами ручной работы. Я некоторое время любовалась красиво расставленными приборами и розой на коротком стебле, лежащей в углу подноса. Слуги молча удалились.

– После того, как я утвердил свою власть, у меня появились преданные соратники, единомышленники, я мог позволить себе поэкспериментировать с холстом. Мой личный художник периодически рисовал на полотне разные вещи, и я пробовал их оживить. После долгих тренировок я понял. Оживает лишь то, что мне очень необходимо. И то не всегда. Ни еда, ни золото уже не падали мне под ноги. Этого добра у меня было достаточно. Удалось получить лишь несколько действительно необычных вещей. Одна из них – сабля Наполеона.

Моро криво улыбнулся, вспоминая. Его рассказ от предыстории перешел в фазу, интересующую меня безмерно, поэтому я зачаровано его слушала, боясь даже пригубить кофе, чтобы не пропустить ни слова.

– Я очень хотел выиграть спор у Крота, произнес он. – Мы поспорили, что я принесу ему саблю, а он отдает мне контроль над Ренном, если не принесу – убираюсь с Орлеана. Достать саблю было нереально. Никто не знал, где она и как к ней пробраться. Если бы она была выставлена в музее или спрятана где-то в доме, я бы, не задумываясь, украл, и дело с концом. Но увы. О ее местонахождении не было неизвестно ничего. Ходили слухи, что она утеряна, или находится в

частной коллекции, и что хозяин никогда ее не показывает. Что ж, я решил, что это мне на руку... У меня было несколько фотографий сабли, я разузнал о ней все, что мог. И мой художник сел за картину. Он рисовал долго, прорисовывая каждый завиток, камень, орнамент, гравировку. Но главное даже не это. Я раскрыл формулу оживления... – Моро устался мне в глаза. – Главное – оживлять не то, что нарисовано на картине, а то, о чем ты мечтаешь. Не обычную красивую железку, а саблю Наполеона. Великую ценность, желанное сокровище. Главное – мечтать именно о ней, стремиться к ней всем сердцем, всей душой.

Моро замолчал. Я поражено уставилась в пустоту, размышляя над только что услышанными словами. Значит, ожившая я и я нарисованная – две разные женщины? Мой характер – это совокупность пятисотлетней истории, впечатлений и опыта? Или я – то, что хотел увидеть и чем желал обладать Джордж Олдридж? Но я же все помню... И моя внешность точно совпадает с внешностью Лаурой де Монтиньонес, нарисованной моим Создателем... Возможно, с живыми объектами по-другому? В то же время я догадывалась, что характер Джорджа близок мне, я смотрю на многие вещи так же, как и он... Значит, мой истинный Создатель не художник, а Джордж?! Я мотнула головой, прогоняя абсурдные мысли. Подумаю об этом потом, в более спокойной обстановке.

Моро громко прокашлялся. Я, очнувшись, подняла голо-

ву.

– Я смотрел на картину целыми днями, неделями, но она не оживала. И тогда я разозлился.

Моро резко поставил чашку на стол. Фарфор горестно задребезжал. Я внутренне сжалась от страха. Мирный добродушный дедушка вдруг превратился в злобного монстра. Глаза сузились, из-под верхних губ показались острые клыки. Он словно пес ошетинился и вот-вот зарычит.

– Я убил его, – рявкнул он. Я догадалась – речь шла о художнике. – Прямо перед картиной. Мне крайне была необходима сабля. Иначе все мои планы летели в тартарары. Я помню, как кровь из перерезанного горла брызнула на полотно. Помню удовлетворение и алчность, охватившие меня при взгляде на окровавленный холст. И тогда сабля вдруг вывалилась прямо под ноги. И она была измазана кровью.

Я изумленно ахнула. Значит, смерть? Это катализатор? Но я ожила из-за любви, а не из-за смерти. Передо мной никто не умирал. Только любимый бросил и женился на другой...

Моро вновь переменился. Сейчас он улыбался почти по-доброму и ничем не напоминал садиста и убийцу. «У него явно не в порядке с головой», – испуганно подумала я.

– Да. После того случая я всегда добавлял к желаемому на картине одну или две жизни, – самодовольно произнес он, – а ты? – Я вздрогнула. – Ты помнишь смерть? Кто умер возле тебя?

Я медленно и старательно допила кофе. И так же осторожно поставила чашку на стеклянный столик.

– Мой Создатель, – произнесла тихо, – он умер передо мной. Были еще смерти, много смертей. Но гибель Создателя была самой трагичной.

Моро хлопнул ладонью по столу, словно услышал что-то замечательно важное. Его теория подтвердилась. Психованный сумасшедший старик. И ему в руки попало бесценное старинное полотно. Страшно подумать, что он может натворить.

– Чего Вы от меня хотите? – спросила я хмуро. Пора было заканчивать разговор. Или, по крайней мере, двигаться к логическому завершению.

– От тебя? – хохотнул он. – Твой холст. Ты отдашь его мне завтра утром.

– Нет! – вырвалось само собой. – Не отдам.

Потом вдруг поняла, что что-то не то сказала и добавила неуверенно:

– Он остался у прошлого хозяина. Я не знаю, где он.

Моро лучезарно улыбнулся и посмотрел на меня, как на дурачку. Именно ею я себя сейчас и ощущала. «Не умеешь врать – не берись», – мысленно дала себе подзатыльник. Рок что-то щелкнул в ноуте и развернул ко мне экран. В нем показалась комната с серыми пустыми стенами и железной кушеткой. На кушетке спал Джордж. Небритый, взъерошенный, босиком, в рваной футболке с бурыми пятнами на гру-

ди.

Я окаменела. Моро приблизил картинку. На правой скуле чернело здоровенное пятно, веки опухли и украсились фиолетовой окантовкой. Нижняя губа была разбита, в уголках рта запеклась кровь.

– Что вы с ним сделали? Где он? – деревянными губами спросила я.

Голос доносился словно издалека. Судорожно затрепыхалось сердце, подскакивая к горлу.

Моро пододвинул ноут к себе.

– Месье Олдридж здесь, гостит у меня в подвале, – ответил он. – Только от тебя зависит, выйдет он отсюда или нет.

Странно. В последнее время я как будто забыла о Джордже. Не видя его воочию, занятая работой, учебой, карьерой, я перестала постоянно думать о нем. Чувства словно отошли на второй план. А сейчас, стоило мне увидеть его в таком плачевном состоянии: избитого, окровавленного, они снова захлестнули меня. Будто не было этих месяцев, будто я до сих пор вишу в его кабинете, смотрю на него, и боль разрывает грудь на части от невозможности быть с ним рядом.

– Обещаете, что отпустите его, если я отдам полотно? – голос предательски сорвался. Актриса из меня неважная.

– Конечно, – произнес Моро добродушно. И видя, что я не поверила, участливо добавил: – Что твой писатель может сделать? Кто ему поверит, если он пойдет в полицию и расскажет об ожившем полотне? Запрут в сумасшедшем доме?

Если он не дурак, то будет молчать. А я не убиваю бессмысленно, только за дело.

Я обреченно кивнула. Выхода нет.

– Тогда завтра съезжу в банк и отдам холст. Он лежит в ячейке отделения номер пять национального банка на улице Мазарен.

– Умно, – произнес насмешливо хозяин, – ты не только хитрая, изворотливая и смелая, а еще и умная. Мне нравится твой характер. Не гнушаешься воровством для достижения цели. Это по мне. За пятьсот лет жизни еще и не такого придумаешь, да, Лаура?

Я позволила себе пропустить его слова мимо ушей. Может быть, я и не образец добродетели, но по крайней мере не убийца. Моро встал с кресла и разлил остатки коньяка по бокалам. Я не стала возмущаться, послушно взяла бокал и пригубила. Может, станет легче?

– За сделку! – Моро легонько дотронулся своим стаканом до моего. В тишине кабинета раздался красивый тоненький звон. Старикан опять уселся в кресло и уставился мне в лицо. Я беспокойно заерзала. Что он опять придумал? – Ты будешь жить со мной. Здесь. В особняке.

Мои глаза округлились. Я поперхнулась коньяком и судорожно закашлялась.

– Разве Вы меня не убьете? – прохрипела сдавленно.

– Зачем? – его удивление было абсолютно безыскусным. – В мире не так много чудес, чтобы уничтожать их. Ты настоя-

щее живое чудо. Сравни превращению воды в вино или воскрешению мертвых. Я, конечно, мерзавец, но не настолько, чтобы убивать единственное волшебство в нашем мире.

Я задумалась, уставившись в тлеющий камин. Что мне оставалось делать? Врать я не умела. Как и увилывать, торговаться, спорить. Плакать, умолять? Смысла не было. Да и не думала, что как-то смогу повлиять на этого человека. Я в безвыходном положении. Мне оставалось только довериться сумасшедшему старику. И верить в то, что он не соврал. Если холст будет у него, я не смогу никуда деться – ни уехать, ни сбежать. Я привязана к нему и в полной его власти.

А еще... Он так восхищенно на меня посмотрел. Надеюсь, не навредит.

– Вы хотите, чтобы я спала с вами? – фраза вылетела быстрее, чем я успела сообразить и затолкать ее обратно.

Моро изогнул правую бровь, а я прикусила губу. Мартин часто корила меня, за необдуманные слова. За то, что язык спешит вперед мыслей. Искусство хитрить и увилывать я еще не освоила. И вряд ли освою. Поэтому лучше было бы молчать.

– Увы, дорогуша, я бы с огромной радостью, – гнусаво растягивая слова, ответил Рок. – Но меня давно уже не интересуют женщины. В прошлом году мне стукнуло восемьдесят. Но спасибо, за комплимент.

Я незаметно выдохнула. Не рассердился. Теоретически я знала, что происходит между мужчиной и женщиной в кро-

вати. Иногда пары это делали с удовольствием, иногда удовольствие получал лишь мужчина. Иногда в спальне было двое мужчин, иногда две женщины. Каждый раз, со стороны наблюдая за процессом, я испытывала то интерес, то отвращение. Ожив и получив доступ к знаниям, я разобралась что к чему. Впоследствии этих действий получают дети. И то не всегда.

– Не переживай, – усмехнулся Моро, – я не собираюсь уничтожать полотно, ни сжигать, ни резать на части.

Я и не думала, что он его уничтожит. Наоборот – будет использовать в своих грязных бандитских целях. Правда, не понимала, в каких. Пока я раздумывала, рассказать Моро об особенностях картины и невозможности удалиться от нее или нет, старик продолжал говорить. – Мне нужен холст совершенно для другого.

– Для чего?

Моро по-стариковски пожевал губами. Я обреченно бросила взгляд на часы. Половина третьего. Сегодня поспать не удастся. Мартин, наверное, вся извелась, ожидая моего звонка.

– Я хочу оживить брата, – наконец произнес он. Я потрясенно выдохнула. Вот оно что! – У меня есть фотография маленького Жоржа. Мать сфотографировала нас в день, когда Германия объявила капитуляцию. Это была первая и последняя наша фотография, я сохранил ее. Всю жизнь чувствовал вину перед братом, за то, что предал, бросив голо-

дать в подвале.

А он не совсем безнадежен.

– Это не ваша вина, – тихонько сказала я.

Моро беззлобно отмахнулся.

– Моя. Если бы я не пожадничал. Взял немного и убежал, я бы не попался в лапы барона и не просидел неделю в подвале. Жорж был бы жив.

– Мне для оживления понадобилось почти пятьсот лет, – осторожно произнесла я, стараясь не обидеть старика.

– У меня нет пятисот лет, – ответил Рок угрюмо. – У меня нет даже десяти. Я много экспериментировал. Мой художник рисовал Жоржа и так, и этак. Я убивал перед картиной, пытал предателей, казнил доносчиков. Я часами простаивал перед полотном, умоляя Жоржа ожить. Но все напрасно. Когда мои опыты провалились, я предположил, что нужна картина больше размерами. Возможно, моя слишком мала и не может накапливать достаточно энергии для оживления человека. Я принялся искать. К тому времени, у меня было богатство, власть, связи. Я возглавлял одну из самых крупных банд Парижа. И со временем стал королем преступного мира. Ко мне стекались все события так или иначе связанные с пропавшими изображениями на картинах. Долгие годы ничего не происходило и, наконец, месяц назад, мне улыбнулась удача. Частный детектив в Барселоне, нанятый неким Джорджем Олдриджем, за бокалом виски рассказал своему другу инспектору полиции о необычайном случае, который

ему пришлось расследовать.

Вот оно что! Джордж нанял детектива! Бедный Джордж. Пострадал ни за что. Я украла картину, а его избили и заперли в подвале, пытаясь то, чего он не знал.

– Слух дошел до меня. Дальше ты знаешь, – закончил повествование Моро.

– И у вас есть план? Вы знаете формулу воскрешения? – я подалась вперед, стараясь не пропустить ни единого слова.

Усталость, сон, страх были забыты. Я задрожала от возбуждения. Отбросив прочь дурные тягостные мысли о моем незавидном положении, я загорелась азартом. Этот жуткий старикан, который говорит об убийствах, как о погоде тем не менее является источником ценнейшей информации, которую я, увы, никогда бы сама не смогла узнать. А он потратил всю жизнь на ее добычу. И пусть он бандит и убийца, я чувствовала странное единение с ним.

– Во-первых, дело в холсте, – усмехнулся Моро снисходительно. – Несколько лет назад я отправил нитки на спектральный анализ. Оказалось, что ткани около двух тысяч лет, то есть, она была соткана еще во время Иисуса Христа.

– Да, – мой голос внезапно охрип, – я помню, что кусок полотна, который отдали Создателю, привезли с первого крестового похода предки дона Монтиньонес.

– Вот-вот, – поддакнул Рок и сразу же продолжил, – во-вторых, чтобы оживить что-нибудь на картине, нужно безумно желать того, что нарисовано.

«Значит ли это, что Джордж желал меня? – подумала я со страхом и надеждой. – Он меня оживил или я сама вышла? Мне всегда казалось, что мой гнев и боль сыграли главную роль в воскрешении. Или все вместе?»

– В-третьих, – произнес Моро, – не все люди могут оживать. Я как-то провел опыт. Попросил художника нарисовать разнообразные яства, запер в подвале человека и не давал ему есть. Я приказал ему смотреть на картину (она, кстати, была за пуленепробиваемым стеклом). В конце концов, он умер от голода, но так и не смог оживить ничего из того, что было нарисовано.

Я невольно скривилась, представив подобные эксперименты.

– А в-четвертых, для любого оживления нужна энергия. Чем меньше вещь, тем меньше энергии нужно для оживления. Чем больше, тем, соответственно, больше. Не знаю, как действует картина. Может, она накапливает энергию. Как... – Моро на секунду задумался и щелкнул пальцами, словно нашел нужную ассоциацию.

– Ты знаешь об животворящих иконах? О святынях, чудотворных мощах?

Я удивленно округлила глаза и помотала головой. Это еще что такое?

– Икона – это та же картина, – пояснил Рок. – Нарисованное изображение на холсте. И чем она древнее, тем больше и дольше энергии в нее вливалось при молитвах. Люди на

протяжении веков простаивали перед ней, просили, благодарили, каялись. И со временем икона начинает отдавать энергию, так же, как до этого поглощала ее.

Я по-прежнему ничего не понимала. Моро увидел это по моим глазам.

– Если честно, я сам не очень верю в эту чушь, – рассмеялся он, – но говорят, что некоторые иконы или святые могут исцелять болезни.

– И они оживают? – немного испуганно пролепетала я.

– Нет, – отмахнулся Моро, – они нарисованы на обычном холсте. Надеюсь, – добавил через секунду. – Было бы странно, если бы при молитвах из рамок вываливались святые. Ладно, – Моро перевел взгляд на часы и зевнул, словно только сейчас заметил, что глубокая ночь. – Мой человек отведет тебя в одну из спален наверху. Располагайся. Завтра утром поедем за холстом. Я отпущу Джорджа, когда картина будет у меня. Не то чтобы я тебе не доверял...

Я встала вслед за стариком. Ноги немного затекли. Еще бы – просидеть в кресле почти шесть часов! Двери перед хозяином распахнулись, словно в них был встроен датчик движения. Это такая интересная штука, которая зажигает свет в подъезде или раздвигает стеклянные створки в магазине перед покупателями. Поначалу я как ребенок восхищалась всей этой непонятной техникой, потом привыкла. Но здесь, в бандитском особняке, датчиков не было – за дверями дежурили телохранители.

Моро сказал одному из громил проводить меня. Поклонился, чинно и торжественно поцеловал мне руку. Я даже опешила от такой помпезности. Потом развернулся и направился в боковой коридор, медленно по-стариковски шаркая. Наверное, разговор его тоже вымотал. Я кашлянула и произнесла ему в спину:

– Месье Моро. Я работаю в модельном агентстве. У меня контракт. Вы отпустите завтра меня на съемки? – и замерла, ожидая закономерной вспышки гнева.

Моро обернулся и уставился мне в лицо тяжелым взглядом. Он смотрел и многозначительно молчал. Что он хотел этим сказать? Напугать? Смутить? Вогнать в дрожь? Я тоже могу неподвижно долго стоять, так что вряд ли он переиграет меня в гляделки. Война взглядов длилась пару минут. В конце концов старик утвердительно кивнул, то ли разочаровавшись в силе своего взгляда, то ли зауважав меня.

– Хорошо. Только будешь ездить на работу на моем транспорте и с моими телохранителями.

– У меня есть водитель, – стараясь не выдать своего ликования, произнесла я. – Можно он будет за рулем?

– Знаю. Альберто Санчас, пятидесяти четырех лет, – откликнулся Моро, секунду поразмышлял и добавил, – можно. Только под охраной моих ребят.

– Спасибо, – улыбнулась я. Да он добряк!

Моро, ничего не ответив, ушел. Один из громил направился вслед за стариком, второй остался со мной.

– Я покажу вашу спальню, мадмуазель Симпсон, – нейтрально произнес он, галантно протягивая руку. Я молча пошла к лестнице, переваривая то, что услышала за вечер от Моро, но на первой же ступеньке обернулась к идущему за мной мужчине.

– Вы не могли бы меня отвести к Джеймсу Олдриджу? Он мой друг, – наивно поинтересовалась я, – гостит где-то у вас.

– Нет, – коротко отрезал он, – хозяин велел проводить вас в спальню, других распоряжений не поступало.

Я и не сомневалась, что «не поступало», но попробовать стоило. Пожав плечами, я легко взлетела по лестнице и направилась к первой двери справа. Толкнула и очутилась в громадной комнате, из которой вело несколько других дверей. Остановилась в проеме и вопросительно приподняла бровь.

– Располагайтесь, мадмуазель Симпсон, – нейтрально произнес громила, – я буду дежурить у двери. Если что-нибудь понадобится, зовите.

Надежда на то, что меня оставят одну, не оправдалась. Закрыв дверь, стянув, наконец, неудобные туфли, я принялась рассматривать новообретенное жилье. Обошла элегантную гостиную, сунула нос в спальню, побывала в ванной комнате, выглянула в окно. По двору ходили охранники, везде были натяканы камеры. Окно было без ручек, створки не открывались. Я опустила портьеру и задумчиво отошла вглубь комнаты. Мартин! Нужно позвонить!

– Где ты?! – заорала она в трубку, и я поняла, что подруга не ложилась, так же, как и я. – Что происходит?! Альберто слезно умолял не звонить в полицию, и я послушалась. Теперь уже жалею.

– У меня все хорошо, – я умудрилась вставить слово в бесконечный поток воплей, – я у друзей, завтра приеду на работу и расскажу.

– Приедешь? – словно не веря, переспросила Мартин. – Тогда ладно, потерплю до утра.

Я положила трубку и села на диван. Спать не хотелось. Столько я всего узнала за этот вечер нового. Голова пухла от информации. Моя картина волшебная! Она может оживать! Я на миг представила, чтобы я хотела получить и растерялась. Ничего не приходило в голову. Никаких материальных ценностей. Любовь Джорджа? Но как нарисовать любовь? Страсть, нежность? Никак. Была бы моя воля, пусть бы и дальше холст лежал в сейфе от греха подальше. Но, увы. Завтра он будет в руках этого маньяка. Хотя мне даже будет интересно увидеть со стороны, как картина работает.

Я старалась не думать, что меня ждет впереди, сколько народу Моро погубит для того, чтобы напитать ее энергией. Моей главной целью было спасти Джорджа. Нужно ставить перед собой достижимые цели. А в моей власти только это.

Джордж не знал, сколько он просидел в подвале. Здесь не было ни окна, чтобы наблюдать за солнцем, ни часов. А яр-

кая надоедливая лампочка в углу потолка не выключалась никогда. Два раза (в день?) ему приносили еду, питье. Ничего особенного. Ветчина, каша, бифштексы. В комнате из мебели была только кровать, а из развлечений – голые бетонные стены – полотна для его мысленных картин. Джорджу не было скучно. Воображение работало на всю катушку. Он часами лежал на кушетке, уставившись в пустоту, и мечтал.

Значит, она ожила. Вышла из рамки и тут же сбежала. А он в это время пил с гостями, принимал поздравления, планировал жизнь с Изабеллой Касс. Дурак. Он же чувствовал, что картина живая. Что она излучает свет, тепло, очарование. Он чувствовал, Лаура отвечает ему, но посчитал это пустой фантазией, которую нарисовало писательское воображение.

Джордж закрыл глаза и представил ее. Сейчас, после того, как он узнал правду, ассоциации изменились. Теперь в голове возникала не картина с нарисованной босоногой девушкой в ночной рубашке, а прекрасная мадмуазель Симпсон, топ-модель в дизайнерском платье, увешанная драгоценностями. Такую, какую он видел на многочисленных рекламных проспектах и в интернете.

Какая же она красивая. Ему даже стало немного больно. Сейчас, когда она завоевала мир, когда она на вершине славы, посмотрит ли она на него? Обратит внимание на простого ничем не примечательного журналиста и не слишком удачливого писателя? Джордж вдруг подумал, что ради нее

он бы мог свернуть горы. Писать дни и ночи напролет и даже сделать то, что отказался делать по просьбе бывшей жены – взять на себя обязанности по управлению отелями, войти в совет директоров. Стать наследником империи Олдриджей. Если бы она попросила – мог бы. Но ей не за чем наследник гостиничной империи, и она не попросит.

Да и вряд ли ему представится эта возможность. Он почему-то был твердо уверен, что не выйдет из подвала, а если и выйдет, то сразу на тот свет. И когда в комнату вошел громила без подноса, с мешком под мышкой, Джордж только и успел обреченно подумать: «Вот и конец».

– Повернись, тебя отпускают, – буркнул мужчина.

Еще двое стояли в коридоре за дверью. «Врут или действительно отпускают?» – удивленно подумал Джордж, поворачиваясь спиной. Вряд ли бы бандиты давали бы ему необоснованную надежду, но кто их знает. Может быть, у них такие извращенные развлечения?

Его связали, на голову натянули плотный мешок. Сразу стало темно и жутко. Крепкая рука ухватила за локоть, направляя на выход. Тычок в спину, и вот Джордж чуть не падает, пытаясь нащупать ногой ступени. Пахнуло утренней прохладой. Его вывели на улицу. Хлопнула дверца автомобиля, снова удар в поясницу. Его грубо закидывают на заднее сидение. Машина тронулась.

Ни слова. Ни запугиваний, ни приказов молчать. Только гул мотора и колотящееся сердце. Они ехали и ехали. В об-

щем и целом Джорджу показалось, что они ехали около трех часов. Автомобиль долго петлял, запутывая следы. Сюда он добирался в бессознательном состоянии, а обратно его везут, петляя и безостановочно кружа. Они думают, что он сможет найти дом босса? Зачем это ему?

Впервые в сердце Джорджа прокралась надежда – если бандиты беспокоятся, чтобы он не нашел особняк, значит, действительно отпустят. В конце концов, через целую вечность, с него сдернули мешок, развязали руки и выкинули из машины на углу улицы Грез. До дома оставалось сотня метров. Завизжали шины и джип умчался на бешеной скорости. Почти как в фильмах о мафии. Джордж, крихтя, поднялся с асфальта, неуверенно огляделся и поковылял к дому.

Когда до подъезда оставалось пару метров, из него вышла соседка, мадам Буше.

– Бог мой! Что с вами случилось? – воскликнула она взволнованно, перегораживая вход.

Джордж досадливо скривился. Видок у него был еще тот. Футболка и спортивные брюки превратились в рваное грязное тряпье, измазанное кровью. Больше недели он не мылся и не брился, и представлял, что за запах он источает. Нужно же было самой скандальной тетке в доме отправиться утром по делам и встретить его?

– Заблудился в лесу, – буркнул он, отодвинул мадам в сторону и решительно вошел в подъезд.

Джордж поднялся на свой этаж, воспользовавшись лиф-

том, чего никогда не делал раньше. Но сейчас, с отбитыми почками и поврежденной рукой, ему не хотелось не то что подниматься на четвертый этаж, не хотелось двигаться вообще. Дверь была заботливо прикрыта. То ли бандиты постарались закрыть за собой, то ли сердобольная соседка.

Он вошел в квартиру и уныло огляделся. Его прекрасная уютная квартира превратилась в незнакомку. словно он посмотрел в зеркало и вместо своего родного лица увидел чужое. Дом осквернили, запачкали грязью. На полу валялась одежда, вытряхнутая из шкафов. Распотрошенные коробки, вываленные книги, сорванные портьеры. А они кому мешали?

Джордж тяжело вздохнул, содрал с себя штаны вместе с трусами, снял футболку и пошел в душ. Сначала он должен помыться, потом все остальное.

Рано утром позвонил отец. Еще не было семи. Джордж накануне лег поздно. Он до трех ночи приводил в порядок квартиру. Стиральная машина работала весь вечер, не переставая, перестирывая постельное белье, футболки, джинсы. Он не мог позволить себе лечь в постель, не зная, топтались ли бандиты по простыням или нет? Костюмы, пальто и куртки, он аккуратно сложил в пакеты. Завтра отправит в химчистку.

– Где тебя черти носят?! – орал отец в трубку. За гневным тоном Джордж различил беспокойство. – Ты неделю не отвечал на звонки, мы уже хотели ехать в Париж разыскивать.

Где ты был все это время?

– Все нормально, – сонно ответил Джордж, – уезжал из города. Нужно было поискать вдохновение на природе.

– А почему телефон не взял? Или для вдохновения он противопоказан? – скептически фыркнул отец.

– В том месте не было покрытия. Это горы. Я ездил в Шамони.

– Ладно, – смирившись с непутевостью сына, произнес старший Олдриж, – не хочешь говорить, не надо. Через два дня открытие отеля в Токио. Прилетишь? Соберутся все.

– Извини, но вряд ли.

Во-первых, родные увидят его общую побитость и потрепанность. А во-вторых, Джордж знал, что после происшествия, которое с ним случилось, он не сможет думать ни о чем другом, кроме как о Лауре. Ему необходимо увидеть ее, поговорить. Уместить в голове картину и живую девушку.

Приехав домой, вернувшись в свой привычный обыденный мир, Джорджу стало казаться, что все произошедшее было сном. Мучительным, тяжелым, но одновременно сказочным и прекрасным. И если бы в зеркале не отражались кровоподтеки и царапины, он бы подумал, что ему пригрезились и похищение, и неделя в подвале, и ожившая картина шестнадцатого века.

После разговора с отцом, спать уже не хотелось. Джордж умылся, включил кофеварку и сел за компьютер. Он должен отыскать хоть что-нибудь. Должен избавиться от изматыва-

ющих мыслей, иначе сойдет с ума, прокручивая в голове одну и ту же фразу тысячу раз – Лаура ожила. Как это произошло? Когда – понятно, в день его свадьбы. Почему именно в этот день, а не раньше? Если бы раньше, все могло бы быть по-другому.

Сейчас он отдал бы правую руку за то, чтобы увидеть момент ее рождения, воочию увидеть свершение чуда.

Джордж копался и копался в интернете, выискивая косвенные окольные ссылки, заходя на сайты полиции, читая сводки новостей. И нашел! В день его свадьбы, на пляже, в районе его бывшей виллы, была найдена девушка. Блондинка, худощавого телосложения, одетая в ночную рубашку белого цвета. Больше вещей при ней не обнаружили. Нашли девушку двое пенсионеров из Америки, Анна и Джон Симпсоны. Они и вызвали полицию. Газета была местная, муниципальная, выпущенная небольшим тиражом. Приписка под фотографией гласила: «Девушка потеряла память. Если кто-нибудь узнал ее, просим сообщить по телефону...»

Джордж всматривался в маленькую темную фотографию. Исцарапанное лицо, всколоченные волосы (на фото они выглядели темными), огромные испуганные глаза. Если знать, что это она, то да, похожа. Он пытался найти другие сообщения, проследить ее дальнейшую судьбу, но больше ничего не нашел. Зато через месяц в агентстве Эскриба появилась идеальная модель, прекрасная и загадочная Лаура Симпсон.

Джордж схватился за голову. Боже! Неужели это правда?

Мозг плавился, не в силах осознать истину, здравый смысл сцепился не на жизнь, а на смерть, с верой в чудеса.

– Хватит! – заорал он, вскочил на ноги и засадил изо всех сил кулаком по стене. – Прими это как свершившийся факт! И живи дальше!

– Если сможешь спокойно жить, – добавил через время, немного успокоившись.

И все равно, не смотря ни на что, Джордж был счастлив. Был безумно рад, что стал свидетелем волшебства. Пусть косвенно, пусть он не видела самого момента рождения, но ему хватило и знания. Ему страстно хотелось увидеть Лауру, поговорить с ней. И в то же время он боялся этого. Она жила рядом с ним несколько месяцев. Видела его настоящим, его терзания, страхи, сомнения. Видела отношения с Изабеллой. Их скандалы, поцелуи, любовь...

Джордж ошеломленно застыл. А вдруг, при рождении, она потеряла память и ничего о нем не помнит? Ведь в газете была приписка об амнезии... Олдридж медленно выдохнул. Нет, она же хотела выкупить свою картину, значит, память осталась с ней.

Нужно вспомнить, что он делал и говорил. Нет, вроде ничего гадкого или постыдного. Он даже не слишком страстно целовал Изабеллу, словно чувствовал, что за ними наблюдают. А ведь, и правда! Он все время ощущал ее взгляд, только не знал, каким он был. Как она на него смотрела? Изучающе, равнодушно, презрительно? Или все же заинтересован-

но, дружелюбно, ласково?

Она же приходила к нему! Приходила просить помощи, а он так грубо с ней обошелся. Если бы он знал! Он бы отдал картину бесплатно, это же был ее дом. А сейчас холст украли. Но с той настойчивостью и упорством, который Джордж увидел в глазах старикана, тот найдет его быстро, если уже не нашел.

Неделю Джордж отлеживался дома, выходя только в ближайший супермаркет за продуктами. Синяки посветлели, поясница стала болеть меньше. Он сменил замки, в глубине души понимая, что вряд ли они остановят бандитов, если те опять захотят прийти. Но ему было так спокойнее. За это время он нашел адрес филиала Эскрибы в Париже, вступил в клуб Картье, купив карту, и написал первую главу нового романа.

В итоге Джордж не выдержал. Пусть на его лице еще цвели желтые пятна, показываться на глаза Лауре он не собирался. Вечером он сел в машину и поехал к Эскрибе. Припарковался напротив выхода и принялся ждать. В последнее время его не устраивал просмотр многочисленных фотографий девушки в интернете. Джорджу хотелось увидеть ее живую. Знать, что она ходит, дышит, разговаривает.

Солнце уже садилось, когда Джордж, наконец, увидел, как стеклянные двери закружились, и из полукруглого подъезда начали выпархивать девушки. Джордж растерянно переводил взгляд с одной на другую. Все они были одинаковые:

длинноногие, стройные красавицы, как на подбор, одеты в легкие цветные сарафанчики, на высоких шпильках. Лауры среди них не было. Девушки смеялись, чмокали друг друга в щечки и расходились в разные стороны. Кто садился в такси, кто уверенно двигался к остановке, кто легкой походкой спешил в сторону магазинов.

Еще раз сверкнула створка вращающейся двери, и на ступени вышла она. Её Лаура. Джордж узнал ее мгновенно, он не мог ее не узнать. Сердце бешено заколотилось, тисками сдавило грудь. Он прильнул к стеклу почти вплотную.

Все замерло. Исчез гул машин, шум ветра. Она медленно спускалась по небольшой лестнице, но Джорджу казалось, она сходит с небес, как Мадонна. Окутанная сиянием, таинственная, хрупкая, загадочная. Остановилась на тротуаре и огляделась. Джордж перестал дышать, зачарованно уставившись на девушку. Вдруг Лаура смешно сморщилась и звонко по-девчоночьи чихнула.

Джордж ошалело округлил глаза. Из недостижимого идеала она вдруг превратилась в обыкновенную земную женщину. Да. Прекрасную, восхитительную, но живую и реальную. Она больше не нарисованное изображение, она осязаема. Губы сами собой сложились в улыбку, по телу разлилось тепло. Теперь он не боялся подойти к ней и заговорить, и никто не смог бы его остановить сейчас.

Словно во сне, Джордж потянулся к замку двери и дернул ручку. Дверь автомобиля послушно распахнулась. Но едва

нога оказалась на тротуаре, он застыл в оцепенении, не в силах поверить глазам. Сзади к Лауре подошли двое громил в черных костюмах. Девушка, как ни в чем небывало, с улыбкой кивнула им, как старым знакомым. Те заулыбались в ответ. Перед машиной Джорджа, словно из-ниоткуда, возник черный Гранд Чероки. Прошло буквально несколько секунд. Только что Лаура стояла на тротуаре, а сейчас лишь затихающий визг шин джипа напоминал о том, что произошло. Девушка исчезла, словно ее никогда и не было.

– Старые знакомые, – пробормотал Джордж зло, уставившись вслед автомобилю.

Темноволосый мускулистый качок стоял за спиной старикана, когда тот допрашивал Джорджа в его квартире. Значит, Лауру захватил и держит в заложниках!

Джордж захлопнул дверь и задумался. Вид у девушки был далеко не запуганный. Она даже улыбалась этим громилам. Что происходит? Они в сговоре? Сначала Лаура приходит к нему, хочет купить картину. Потом ему кажется, что в квартире кто-то побывал, затем похищение, пытки... Все это очень подозрительно. Джордж спохватился и завел мотор. Может быть, он еще успеет проследить за джипом и выяснить, где же этот загадочный особняк находится, и куда едет Лаура.

У него не было опыта слежки, но он понимал, что, когда они выедут за город, будет трудно маскироваться. Поэтому включил карту и принялся притормаживать, когда ви-

дел впереди ровный участок без поворотов. Увеличивал скорость и садился на хвост, когда предстояли развилки. В итоге, в ста милях от Парижа, джип остановился перед будкой охранника и шлагбаумом. Джордж проехал мимо, опустив голову, делая вид, что рассматривает карту на планшете. А сам записал координаты из навигатора.

Дома он посмотрит, что находится в этой местности и кто здесь проживает. А на сегодня хватит приключений. И так образовалось слишком много вопросов и ни одного ответа. Джордж сделал круг по проселочной дороге, по периметру объехав огромную территорию с двухметровым ограждением, но ничего не смог разглядеть. Колючая проволока, камеры через каждые сто метров. «Серьезные люди здесь живут», – подумал Джордж, боясь представить, сколько может стоить такой большой участок земли с лесом, вблизи Парижа. Развернул машину и направился домой.

Мы с Моро жили словно соседи по дому. Всю прошлую неделю я почти не виделась с ним, уезжая на работу рано утром и приезжая вечером. С удовольствием бы вообще оставалась в Париже ночевать, но, увы, его телохранители контролировали каждый мой шаг. Девчонки сразу же заметили две тени, следующие за мной попятам и, естественно, принялись ехидничать: «Завела ревнивого любовника», «Бойтся, что украдут», «Никуда одну не пускает?» и прочее. Я пропускала их шуточки мимо ушей, загадочно улыбаясь.

Только Мартин я сказала правду. Ну, почти... Она услышала отредактированную версию событий о том, как мы с Альберто нарушили закон, причем я его заставила. Теперь нас шантажирует босс мафии.

– Может быть, лучше обратиться в полицию? – неуверенно произнесла подруга. – Неизвестно, чего от тебя захочет этот бандит.

– Не переживай, – ответила я, – о постели я спросила его в первую очередь. Его не интересуют женщины. Уже.

Мартин вытаращила глаза.

– Ну ты даешь! – охнула она и рассмеялась. – Вот так сразу и спросила?

Я кивнула.

– Тогда что ему от тебя надо? – растерялась Мартин.

– Не знаю.

И это была правда. Моро почти не выходил из дома. А если и уезжал куда на время, то охраны брал столько, сколько хватило бы на двух премьер-министров и одного президента. В основном он просиживал днями в кабинете и плел свои интриги. Иногда к нему приезжали гости. Такие же важные грозные господа с кучей телохранителей. Пару раз меня приглашали составить им компанию. Но ненадолго. Только по-красоваться. Моро разработал для этого целый ритуал и попросил меня следовать ему неукоснительно. Я надевала вечернее платье (одно из многих, висевших в шкафах), цепляла драгоценности и спускалась в кабинет.

Моро важно брал меня за руку, целовал в щеку, усаживал рядом с собой и представлял «друзьям». Ему нравилось то, как смотрели на меня мужчины. Чуть глазами не ели. Мне было не сложно изображать красивую безвольную куклу. Молчать и с улыбкой принимать комплименты. Только потом, после «знакомств», я долго мылась в душе, смывая липкие плотоядные взгляды.

Когда начинались серьезные разговоры, меня спокойно и вежливо выпроваживали за дверь. Я не обижалась, потому что не только не понимала, о чем они говорят, но и не хотела понимать. Однажды спросила Моро, зачем я ему нужна, и что ему дает мое кратковременное присутствие в кабинете или за столом. Он загадочно улыбнулся и произнес странное непонятное слово – статус.

Еще одно слово в огромном мире непонятных слов. Я заглянула в словарь, что делала всегда, когда встречалась с неизвестными определениями. Словарь поведал, что статус – это особый ранг в иерархии, положение, занимаемое индивидуумом в обществе. Значит, чем красивее у бандита спутница, тем выше его статус? И что он дает? Я сделала вывод, что многое. Так как Моро был до неприличия богат. Подлинники картин на стенах, позолоченные (или золотые) перила, ручки, сантехника. Голубой мрамор, красное дерево. Я восхищалась его великолепным красивым домом, и мне было очень жаль, что он был наполнен страхом и болью.

На следующий день после памятного разговора я вместе

с Моро отправилась в банк и забрала холст. За это мне дали посмотреть запись того, как Джорджа отпустили. Прихрамывая и оглядываясь, он зашел в подъезд дома на улице Грез. Запись была сделана на телефон Лукаса, одного из телохранителей Моро.

Моро ждал меня в машине. Как только я села на заднее сидение, он выхватил тубус и не выпускал его из рук до того момента, пока мы не вошли в кабинет. Телохранители всю дорогу косились на сверток, но ничего не спрашивали. Дисциплина у Моро была строжайшая. Если они что-то и предполагали, то держали мысли при себе.

В кабинете старик развернул полотно и восхищенно уставился на него, как на невиданную драгоценность. Ткань была грубой, серовато-коричневой и ничем не примечательной. Я скептически смотрела на его счастливое лицо.

– Отлично! Великолепно! – восклицал Моро, поворачивая его и так, и этак. – Оно намного больше, чем мой клочок холста. Ты даже не представляешь, чего я смог бы достигнуть, если бы оно попало мне в руки раньше.

Я пожала плечами и буркнула:

– И так еще успеете наворотить дел.

Моро бросил на меня косой взгляд, но не стал заострять внимание на моих словах – слишком хорошее у него было настроение. Подошел к столу и осторожно разложил полотно на гладкой поверхности. Медленно провел рукой по плотной ткани холста, словно лаская. Я заворуженно уставилась на

его пальцы.

– Представь. Ей две тысячи лет, – прошептал он. – Она видела Римскую империю, крестовые походы, а может, даже самого Иисуса...

– Как вы можете верить в Бога, и в то же время убивать, красть? – пробормотала я.

Сейчас, отдав картину, я чувствовала себя обделенной и связанной по рукам и ногам. Моя жизнь во власти этого человека. Что он захочет от меня завтра? Какую пакость придумает?

– Очень просто, – хохотнул Моро, – Бог сам прекрасно умеет убивать еще похлеще меня. И наказывать, и мстить. По сравнению с ним я ангел небесный.

Убийственная логика... Я обреченно смотрела на потерянный для меня холст. Единственное, что радовало, так это то, что у Моро была благородная (относительно) цель – он хотел воскресить своего брата. Хотя у меня были большие сомнения в успехе его предприятия. Мне для этого потребовалось почти пятьсот лет. Сколько же потребуется ребенку?

Я тихонько вышла за дверь, оставив старика ласкать полотно. Он даже не заметил моего ухода. Зато в коридоре меня ждали двое мужчин. Одного я знала. Это был Лукас, отвозивший меня в банк. Второго видела впервые.

– Хозяин приказал сопровождать вас, – шагнул ко мне Лукас. Его лицо выражало смесь восхищения и робости. Я часто видела такой взгляд у мужчин, особенно молодых. На вид

Лукасу было не больше двадцати пяти. «Еще совсем юный парень, а уже бандит», – подумала я тоскливо. Второй телохранитель был постарше. Он молча отлепился от стены и тщательно оглядел меня с головы до пят. На лице ничего нельзя было прочесть.

– Что ж, сопровождайте, – я прошла мимо них и направилась к выходу, – сейчас мне нужно попасть на работу.

Альберто согласился возить на условиях Моро. Он приехал рано утром на нашем Форде, оставлял автомобиль во дворе, пересаживался в джип, и дальше мы ехали уже вчетвером. А вечером, после работы, он привозил меня в особняк, забирал машину и уезжал к себе в Париж. Мне было спокойнее с ним. И пусть наши доверительные вечерние разговоры канули в лету, я знала, что со мной в автомобиле едет друг.

Я не говорила Моро о том, что не могу далеко удаляться от холста. Иначе в его руках будет еще один козырь. Пусть это останется тайной. Его особняк защищен лучше Национального банка, и скорее всего, картину он спрятал в самое надежное и труднодоступное место. Расстояние от дома до Парижа составляло около ста миль. Тот предел, который я могу выдержать почти без усилий. Небольшая головная боль не в счет.

За две недели жизни в особняке я полностью освоилась. Прислуга, охранники, телохранители были доброжелательны ко мне. Я ничего не требовала, не капризничала ни в еде,

ни в одежде, со всеми старалась поддерживать хорошие отношения. А моя красота сияла, как ослепительное солнце для них. Мужчины, видя меня, на пару секунд замирали, и у всех на лице появлялось одинаково странное выражение.

Зато Моро все боялись до дрожи в коленках. По сравнению с тем, как он обращался со слугами, со мной он был чрезвычайно мягок. Мне даже становилось жаль его «мальчиков». Они бледнели от страха, стоя перед маленьким щуплым стариком на голову их ниже, но мог одним взглядом поставить на колени.

Женщин в доме не было. Только одна кухарка, и та жена какого-то громилы из свиты Моро.

Если я задерживалась на работе, Моро ужинал один. Если приезжала раньше, меня приглашали составить ему компанию в столовой. Отвертеться не получалось. Он не знал слова «нет», «устала», «не хочу». Их не было в его словаре.

Моро постоянно требовал внимания. Он жадно выпрашивал о моей жизни. Особенно его интересовали шестнадцатый-семнадцатый века. Я была тогда молода и мало что помнила, лишь разрозненные отрывочные события, но послушно рассказала и о доне Монтиньонес, и о Лауре, и о ее горькой судьбе.

– Так как, говоришь, звали твоего художника? – Моро с любопытством уставился на меня через стол.

– Бертольдо, – ответила я.

– Не знаю такого.

Мне очень хотелось расспросить о картине, что он с ней сделал, но я боялась спугнуть его и так шаткое настроение. Перед ужином он наорал на прислугу, потом швырнул бутылку вина в камин. То ли оно ему не понравилось, то ли сбрасывал пар. «Пусть бы сбрасывал один на один в своем кабинете, а то кухарка чуть инфаркт не получила», – мысленно взмолилась я.

С Моро было явно что-то не так. Постоянные перепады настроения, крики, ругань, дурацкие приказы. Бледная восковая кожа и дрожащие руки. Он мало ел и без особого аппетита. Только пил и выпытывал о моей жизни.

– Создатель умер очень молодым. От чахотки, – осторожно произнесла я и добавила тихо, – но мне кажется, он умер от горя.

Моро выразительно хмыкнул и закатил глаза.

– Лаура вышла замуж за Родригеса. – Я рассказала Моро, что была в замке Пуэрто и видела еще одну нарисованную Лауру в портретной галерее.

– Хочешь, я подарю тебе его? – вдруг произнес старик. Я недоуменно моргнула.

– Что подарите?

– Замок, – ответил Моро. Я пригляделась – вроде не шутит.

– Зачем? Что я с ним буду делать?

– Ты единственная наследница Лауры, ее прямой потомок, – похоже, Моро увлекся этой идеей. Он возбужденно

потер руки. – Почему бы и нет? Мне это ничего не стоит. А тебе будет приятно.

Я ошеломленно помотала головой, пытаюсь привести мысли в порядок. Вот так просто? Захотел и купил? Он же огромный! В нем, наверное, сто комнат, а то и больше. Я не знаю, что делать с двухкомнатной квартирой, а тут замок.

– Нет, – произнесла хрипло, – не нужно мне ничего покупать.

Конечно, Моро не стал меня слушать и поступил, как всегда, по-своему. Что он сказал, как уговаривал владельцев, припугнул их или они рады были избавиться от этой старины? Я не знаю. Замок владели не прямые наследники Пуэрто. Его потомки продали родовое поместье еще в девятнадцатом веке. Новые хозяева кое-как его отреставрировали и открыли для посетителей.

Через пару дней мне принесли договор купли-продажи. Нужно было только подписать, и замок становился моим. Сказать, что я была в шоке, ничего не сказать. Десять миллионов евро за огромную средневековую громадину. Конечно, я подписала. Если Моро пришла в голову идея, только самоубийца будет с ним спорить.

Казалось, Моро нравилось выпячивать мое происхождение. Он все делал для того, чтобы я обрела корни, историю, родословную. Нравилось само осознание моей «древности». Он даже однажды подарил мне настоящее средневековое платье, купленное (или украденное) в каком-то музее.

И попросил надеть на ужин. Помогали мне Лукас и кухарка, единственная женщина в доме. Без их помощи это чудовищное облачение я бы никогда не смогла натянуть. Моро десять минут полюбовался мной и отправил переодеваться. Чудак.

– У меня к тебе небольшая просьба, – я замерла перед дверью, не успев ее открыть.

Корсет тисками сжимал грудную клетку. Все, что я съела ранее, просилось наружу. Жемчуга, которыми был расшит наряд, превратились в чугунные гири, тянувшие к полу. Я едва дышала, но послушно обернулась и приготовилась слушать.

– Я не хотел бы, чтобы ты виделась с Олдриджем, – Моро смотрел пристально, читая мои мысли, как открытую книгу, – я знаю, что ты испытываешь чувства к нему... Иначе, ты бы не ожила.

Он скривился, словно съев что-то кислое. Я замерла, уставившись в холодные узкие глаза. На самом деле, я пока не думала об этом. Я знала, что писатель жив, здоров. Пока достаточно. Может быть, когда-нибудь... В будущем... Сходить на презентацию новой книги или... Но Моро опередил меня.

– Пока ты со мной, – продолжал он, – ты – моя собственность. И если я узнаю, что ты ищешь с ним встреч или он с тобой... Ты же не хочешь, чтобы месье Олдридж опять погостил в этом доме?

Я отрицательно мотнула головой.

– Вот и славно, – усмехнулся старик, – ты умная девочка.

Я верю тебе. А теперь ступай, переоденься. Надень то, белое, с глубоким декольте.

Очень хотелось склониться в язвительном поклоне и ответить: «Да, мой господин». Как это делали слуги в средние века. Но я сдержалась. Пусть приказывает и бранится, пусть пялится на мою грудь и гладит по рукам... Я это выдержу. Главное то, что я не ложусь с ним в постель. И Джордж в безопасности. А не видеться с ним? Я уже привыкла.

Олдридж еще раз посмотрел в зеркало. Повернулся правой стороной, левой. Поднял подбородок. Все отлично, ничего не пропустил. Брызнул на ладони лосьон после бритья и хлопнул по щекам. Сегодня ему нужно выглядеть на все сто. Вечером он идет на закрытый показ. И там будет Лаура. Ему непременно нужно поговорить с ней, иначе он сойдет с ума. Он разговаривал с ней утром, когда просыпался; вечером, за ужином, смотря в зеркало, в ванне, чистя зубы. Разговаривал даже во сне. Придумывал сто тем для разговора, отметал их. Чертыхался и строил фразы по-новому.

Впервые в жизни он чувствовал себя неуверенно. Словно ему предстоит сдать сложнейший выпускной экзамен, а он не знает ни одного билета.

Конечно, Джордж догадывался, что привлекателен для женщин и беззастенчиво этим пользовался в молодости. Но вряд ли сегодня ему поможет его шарм и красота. Тут нужно другое.

Он надел строгий серый костюм, бледно-голубую рубашку, темный галстук. Нацепил Ролекс, чтобы хоть как-то соответствовать стилю Картье. Взял такси и назвал адрес ювелирного дома на проспект Галлини. Ему нужно будет купить что-нибудь сегодня вечером. Булавку или запонки. Чтобы не выглядеть идиотом.

Народу собралось много. Модели еще не вышли, и посетители слонялись по залам, попивая напитки и заглядывая в витрины. Джордж впервые был на подобном показе. Раньше его не интересовали ни выставки, ни презентации. Если ему что-то было нужно, он приходил в магазин и сразу покупал. Он взял с подноса стакан с соком и встал у колонны, наблюдая за снующими туда-сюда официантами. В соседнем зале шла видеопрезентация новой коллекции, до Джорджа доносился нарочито бодрый и громкий голос менеджера.

Вдруг все, кто был в зале, повернули головы вправо. В комнату начали входить модели. Их было пятеро. Высокие стройные красавицы в черных длинных платьях, с обнаженными руками и убранными вверх волосами. Девушки веером расходились по залу, ступая медленно и плавно, демонстрируя украшения.

Последней шла Лаура. Джордж замер с бокалом в руках. Каждый раз, когда он ее видел, для него словно всходило солнце. Лаура была заметно ниже остальных моделей, лицо ее было отсутствующим и бледным. Она смотрела прямо перед собой, словно единственное, что ее занимало – не спо-

ткнуться на высоких шпильках.

Джордж ни на мгновение не отрывал от нее взгляда и, конечно, поймал тот момент, когда она его заметила. Лаура на секунду остановилась, словно натолкнулась на стену. Глаза ее расширились. «Она узнала меня! – сердце радостно забилося. – Она помнит обо мне!»

Конечно, помнит, Лаура полгода провисела в его кабинете, как же ей не помнить. Только вот хорошее или плохое? Какие чувства он вызывает в ней? Что она думает о нем? Несостоявшийся наследник, неудачливый писатель, плохой муж? Или она вообще о нем не думает?

Девушка давно уже перестала на него смотреть, растворившись в толпе, а Джордж стоял не в состоянии двинуться с места. Потом очнулся и направился за ней. Сейчас никакая сила в мире не смогла бы его остановить.

– Привет.

Он застыл за ее правым плечом, слепо уставившись на тонкую беззащитную шею, обвитую ниткой розового жемчуга. Огромная копна золотых волос была убрана наверх и закреплена такими же жемчужными заколками. Девушка остановилась, плечи немного напряглись. Потом медленно обернулась и посмотрела ему в лицо.

– Добрый вечер, мистер Олдридж, – спокойно произнесла она.

Значит, Лаура решила не лукавить. Не делать вид, что не знает его. Уже легче. Но почему так официально? Мистер

Олдридж?..

Джордж несколько дней сочинял их первый разговор. Представлял, что он ей скажет, о чем спросит. А сейчас его словно перемкнуло, он не мог из себя выдавить ни слова. Просто стоял и смотрел ей в глаза.

Вблизи Лаура была еще прекраснее, чем на фотографиях. Хотя прекраснее уже быть не могло. Никакой косметики. Чистая белая кожа, глубокий теплый взгляд серых глаз, идеальные губы. «Вот так бы стоять и смотреть на нее вечно», – подумал он.

Взгляд девушки изменился. Стал немного насмешливым и... тоскливым, что ли.

– Вы что-то хотели? – совершенные губы дрогнули и словно издалека до Джорджа донесся ее вопрос. Как она может говорить так спокойно?! Как вообще она может говорить? Тогда как он превратился в истукана, не в силах связно мыслить. Он сглотнул комок в горле и постарался взять себя в руки. Вдруг он заметил, что девушка дрожит, на лбу, у кромки волос, блестят маленькие капельки пота.

– Тебе плохо? Ты заболела? – выдавил он хрипло.

– Я не могу удалаться от картины больше, чем на сто миль. А сейчас до нее ровно сто десять, – флегматично ответила Лаура и губы изогнулись в кривой усмешке.

Значит, вот как... Джордж прозрел. Ясно, зачем ей была нужна картина, почему она хотела ее купить. Идиот. Если бы он знал, он бы сам принес холст, еще и доплатил бы. Одна

ее фразы, и он понял все. Сердце заныло от боли. Старик, в конце концов, получил картину и, если Лаура не может от нее удалиться, значит, она пленница в его доме. Телохрани-тели, джип, кража. Все обрело смысл.

– Прости, – пробормотал он, подавив порыв стереть с ее лба испарину и прижать к себе, укрыв от невзгод.

Девушка не ответила, только слегка пожалала плечами.

– Есть что-то еще, о чем вы хотели поговорить? – спокойно поинтересовалась она.

Джордж смутился. Поговорить? На самом деле он не смог связать воедино ни одной нормальной фразы. Он потрянул головой и прокашлялся. Что Лаура о нем подумает? Стоит, как дурак, и только пялится на нее.

– Я... Нет...

– Тогда я пойду работать, – девушка развернулась и медленно пошла дальше по периметру огромного зала.

Джордж сначала было направился за ней, потом заставил себя остановиться и наблюдать за моделью издалека.

Он был разочарован. В себе, в ней. Это все? Это весь их разговор, к которому он готовился несколько дней? Три ску-тые фразы и холодный взгляд? После всего, что между ними было? Джордж с силой сжал кулаки. А что было-то? Одна единственная встреча? Когда Лаура пришла купить картину, а он грубо отказал ей? Он до сих пор не знает, что она помнит из своей жизни, что чувствует к нему...

Он взял бокал с шампанским, оперся на колонну и огля-

делся, ревниво замечая, что все взгляды мужчин в зале следуют за «его» Лаурой. Он не один в своем восхищении? Сердце кольнула болезненная мысль. А что, если Лаура к нему ничего не чувствует? А что, если он для нее лишь очередной хозяин в бесконечной череде владельцев картины? Тем более, что она у него провисела всего полгода.

И все-таки у него есть преимущество перед многочисленной толпой ее теперешних поклонников – она знает его. Она (если так можно выразиться) жила в его доме, была частью его семьи.

Боже, о чем он думает? Действительно, поглупел за эти полчаса, с тех пока как впервые ее увидел, входящую в зал.

Нет, он должен выяснить все. Он должен переписать сценарий их разговора заново. Сейчас же!

Джордж решительно двинулся в сторону, куда ушла Лаура. Вдруг он увидел, как к девушке подошел мужчина. Высокий, холеный, с волевым породистым лицом, в сшитом за заказ костюме. Уж в этом Джордж разобрался. Сам ранее такие носил... Где-то он уже его видел... Случайно не на обложке «Форбс» в прошлом месяце? Точно! Франциск Лоран, единственный наследник знаменитого парфюмерного дома и нескольких домов моды. С одной стороны, этакий обаятельный легкомысленный плейбой, с другой... Джордж задумался. В бизнес кругах за ним закрепилась слава жесткого и решительного бизнесмена. Один из самых влиятельных людей во Франции, да и в Европе, пожалуй. Не женат.

И она улыбается ему! Улыбается! А когда разговаривали они, только сжимала губы и хмурилась. Джордж почувствовал, как внутри поднимается волна гнева. О чем они шепчутся? Он должен слышать. Олдридж пробрался ближе, стараясь не привлекать внимание. Встал за колонной и замер, превратившись в слух.

– И что? Вам уже исполнилось шестнадцать? – донесся до него насмешливый голос Лорана. Она сказала, что ей нет шестнадцати? Умница. – Вы не выглядите на шестнадцатилетнюю. Глаза выдают.

– Что делать... в паспорте стоит именно такая дата рождения, – ответила Лаура легкомысленно.

– Я чувствую, что вы меня обманываете, но ничего не могу сделать. Но не суть. Шестнадцать, так шестнадцать. Меня это не пугает.

А он настойчивый, гад. Джордж стиснул зубы. Картина, разворачивающаяся перед его глазами, не радовала. Успешный плейбой-богач завладел вниманием его Лауры. И уже не в первый раз. По разговору было ясно, что они встречались ранее.

– Я даже не знаю, как реагировать на ваши слова, месье Лоран, – произнесла тихо девушка. В ее голове чувствовалось замешательство. – Если я прямо скажу, что вы не интересуете меня, вы оставите меня в покое?

– Конечно нет, – отрезал собеседник, – это же вызов. А вызовы я люблю.

– А если я скажу, что у меня очень богатый и серьезный покровитель...

Джордж напрягся. Это еще что? Какой еще покровитель? Старик-мафиози, что ли?

– Никого богаче и серьезнее меня в этой части Европы нет. А если и есть, мне все равно. Со всеми можно договориться. Я хочу тебя – я тебя получу, – фыркнул Лоран.

Джордж опустил голову и уставился на носки туфель. Да он одержим, этот мужчина из «Форбс». Или никогда не получал отказ? Да, Лаура божественно красива. Но добиваться женщины против ее воли? Этого Джордж понять не мог. Обычный флирт и заигрывания на его глазах превращались в нешуточную угрозу.

– Я не сильна в красноречии, – голос Лауры немного дрожал, – поэтому, говорю прямо: ничего между нами быть не может. Извините, мне нужно работать.

Девушка развернулась и попыталась уйти. Но не вышло.

– Куда?!

Джордж услышал звонкий шлепок ладони. Мужчина схватил девушку чуть выше локтя. Жесткие пальцы впились в нежную кожу. Но Лаура даже не поморщилась. Он молча смотрела прямо на Лорана внимательным немигающим взглядом. На странную парочку начали оборачиваться гости.

Джордж, не раздумывая, направился к ним. Пора заканчивать это представление.

– Отпустите девушку.

Ресницы Лауры чуть дрогнули, больше она никак не отреагировала на его присутствие рядом. Зато лицо плейбоя перекосило от ярости. Руку Лауры он все-же отпустил. Перед ним появился новый объект для злости.

– А это еще кто?

– Старый знакомый, – Джордж спокойно смотрел в сверкающие бешенством глаза Лорана.

– Насколько старый?

– Я знаю мадмуазель Симпсон дольше всех, находящихся в зале. Дольше всех, живущих в этом мире, – Джордж сразу же понял, что не стоило этого говорить, но ему до смерти хотелось сказать подобное, хотелось заявить о своих правах на эту девушку.

– Неужели вы ее отец? – насмешливо произнес Лоран. – Нет, слишком молоды. Значит, старший брат?

– Думайте, как хотите.

Джордж бросил короткий взгляд на Лауру. Та молча стояла и смотрела прямо перед собой, никого не выделяя и никак не реагируя на их с Лораном стычку. Словно отрешилась от этого мира. В голову Джорджа пришла пугающая мысль: «А ведь он ничего не знает о ней. Как она жила все это время, что видела, что пережила, что помнит из более чем пятисот лет существования. Она совершенно другая, непохожа ни на кого из всех, кого он знает. Даже немного жутко».

– Я не люблю, когда меня обманывают, – жестко произнес Лоран, отвернулся от Джорджа и пристально уставился на

девушку. – Несколько месяцев назад я отступил, но сейчас никто не заставит меня так просто сдаться. Если я не смогу получить тебя обычным способом...

Мужчина издевательски ухмыльнулся и вдруг победоносно заявил, словно поставил большую жирную точку в разговоре:

– Выходи за меня замуж.

– Что? – округлила глаза Лаура.

Джордж слепо уставился на Лорана. О чем он? Не так давно Лоран сам в интервью заявил, что никогда не женится, слишком дорога ему свобода, а женщин и внебрачных детей у него и так хватает.

– Я предлагаю руку и сердце. Все, чем я владею в этом мире, я отдам тебе. Только будь моей, – Лоран, наконец, перешел на серьезный тон, и Джордж впервые понял, что мужчина не шутит.

– Почему вы мне это говорите? – девушка была ошарашена не меньше Джорджа.

– Я люблю тебя.

Повисло тягостное молчание. Лоран напряженно смотрел на Лауру, та на него, а Олдридж глупо переводил взгляд с одного лица на другое, боясь пропустить что-то важное.

Как такое могло случиться? Почему он оказался на обочине? Почему он не первый, кто предложил ей замуж. Почему он не первый, кто признался ей в любви? Почему он не тот, кто живет с ней, общается, обедает и ужинает? Не тот,

кто увидел ее рождение. Это не справедливо! Неужели, он не тот? Джордж испугался. А вдруг она дрогнет и согласится? Как же больно...

– Это не любовь, – наконец произнесла девушка. – Это уязвленное самолюбие. Гордость... называйте как хотите.

– Что ты знаешь о любви! – фыркнул миллионер. – Ты, наверное, никого не любила еще в своей жизни. Слишком молода. Может быть, моя любовь не такая, какую ты видела в мелодрамах. Может быть, она эгоистичная и корыстна. Но она такая, какая есть. Другой я не знаю...

«Странное признание, – подумал Джордж, – единственное, что радует, это то, что Лаура не выглядит счастливой, а скорее растерянной и подавленной». Он огляделся. Возле них уже начали скопляться люди, прислушиваясь к разговору.

– Скажи, наконец, что-нибудь, – Лоран напирал.

– Я уже вам говорила...

– Меня не устраивает такой ответ, – прервал ее мужчина. –

Подумай еще раз.

Ситуация зашла в тупик. Лаура безучастно молчала, Джордж немного приблизился к ней, стараясь оградить ее возможных грубых прикосновений Лорана. Вдруг откуда ни возьмись перед ними возникла женщина. Темноволосая, ухоженная, с клатчем под мышкой. Где-то Джордж ее уже видел. Но где?

– Что здесь происходит? – заявила она громче, чем нуж-

но. – Лаура, тебе пора работать. Менеджер Гарс уже несколько раз спрашивал, почему ты не появляешься во втором зале.

– Извините, – Лаура словно очнулась ото сна, – я пойду.

Девушка исчезла. Мужчина из «Форбс», не сказав ни слова, демонстративно отвернулся и направился к витрине с украшениями. Джордж с женщиной остались наедине.

– Вы та самая сеньорита Мартин, что организовала мне встречу с поклонниками несколько месяцев назад? – он никогда не жаловался на память и в этот раз она его не подвела.

Женщина сощурила глаза и притворно грустно вздохнула.

– Вы вспомнили, мистер Олдридж?

– Конечно. Как я мог забыть такое событие? Я тогда очень удивился, да и девушки модельной внешности, не знающие ни одной моей книги, позабавили.

Оба одновременно фыркнули, вспомнив нелепую встречу с почитателями. Тягостная атмосфера разрядилась.

– Что вас привело на показ? – выдавила из себя женщина.

По бегающим глазам и постукивающим каблучкам было заметно, что больше всего на свете она хочет сбежать. Но если ему не удалось поговорить с Лаурой, может быть, удастся что-нибудь разузнать о ней от Мартин?

– Да так... – замялся Джордж, – проезжал мимо... а вы здесь работаете?

– Я агент мадмуазель Симпсон.

Брови Джорджа взлетели вверх. Вот оно как!

– И зачем модельному агенту устраивать литературные

встречи? Да еще и для малоизвестного писателя?

Джордж чувствовал, что женщина что-то скрывает, но не мог даже придумать что именно.

– Я ваша поклонница, – улыбнулась женщина, – а прием устроила для моих подопечных.

Джордж удивленно хмыкнул.

– Мы иногда устраиваем нашим девочкам познавательные экскурсии... Так сказать, для общего развития. Водим в музеи, проводим лекции, встречи с интересными людьми, – если Мартин и врала, то врала мастерски.

– А почему тогда мадмуазель Симпсон не пришла?

– Лаура в тот день приболела, – не моргнув глазом ответила агент, – она очень сожалела, что пропустила ее.

– Значит, вы моя поклонница... – задумчиво повторил Джордж, – а вы знаете, я собираюсь писать продолжение «Последнего дня»?

Женщина дружелюбно улыбнулась краешками губ. В глазах застыла наигранная заинтересованность.

– Главный герой так и не нашел свою мать. Вы же знаете, чем все кончилось? Что вы думаете об этом? – закинул удочку Джордж.

Нужно было кое-что проверить.

– Я верю, что новая книга будет великолепна, как всегда, – в глазах Мартин мелькнуло замешательство, – он отыщет мать и все будут счастливы. – Женщина быстро глянула на часы и пролепетала, – извините, но мне пора. Хорошего

вечера.

И бодренько направилась в соседний зал. Подозрения Джорджа подтвердились. Как он и предполагал, она не читала «Последний день в раю». А книга считалась лучшей из его работ. И, конечно же, не знала, что герой нашел свою мать еще в середине романа. Но зачем ей врать? Это как-то связано с Лаурой?

Олдридж обернулся и окинул взглядом застывшую фигуру назойливого поклонника «его» Лауры. Мужчина из «Форбс» неподвижно стоял у окна и смотрел на мелькающие огоньки машин, мчащиеся по улице. На лице, отраженном в стекле, застыла хмурая отстраненная гримаса. Что он задумал? Что вертится в его голове? Джорджу уже приходилось видеть подобное выражение глаз. Оно бывает у психов, маньяков или... И тут он вспомнил. Так смотрел тот жуткий старикан на монитор ноута, когда показывал Джорджу фотографию Лауры. Нужно дома заглянуть в зеркало. Джордж всегда считал себя нормальным, но вдруг и у него такое же выражение в глазах?

Это был сущий ад. Как я выдержала тот вечер – уму непостижимо. Как только увидела его – все остальное отошло назад, в тень. словно во сне ходила по залам, улыбалась, разговаривала... И тут еще Лоран привязался. Черт бы его побрал! Вот. Я уже начала ругаться, хотя раньше никогда этого себе не позволяла.

Весь вечер я ощущала его присутствие, его внимательный все понимающий взгляд. Он знает о картине? Моро рассказал? Не важно. Мы теперь неразрывно связаны. Одной общей тайной. Он должен был испугаться, но нет. Пришел на показ, чтобы увидеться со мной. Полюбоваться, как на диковинную зверушку? Как любитесь каждый вечер Моро, разглядывая за столом, выпрашивая о моей жизни? Или все же ему интересна я сама?

Иногда мне в голову приходили странные мысли – а что, если кроме лица, у меня ничего нет? Ни бессмертной души, ни добродетели, ни мудрости? Пустая красивая оболочка и все?

Сейчас, когда мне не дают проходу, когда мой рабочий день расписан по минутам, когда у Эксрибы куча заявок от продюсеров и агентов – снимать меня в фильме или рекламировать новый бренд...

Я думаю, не опрометчиво ли я поступила, отправив портфолио в агентство? А были ли у меня другие варианты? Как я могла заработать денег, встать на ноги? Я пошла по единственному пути, который был мне доступен – зарабатывать деньги этим самым лицом. Может быть, зная языки, древние диалекты, я смогла бы работать переводчиком, историком или еще кем-то. Но мои знания не систематизированы. У меня нет даже диплома об окончании начальной школы... А об университете даже речь не идет.

Я тщеславная? Вряд ли. Меня не хвалили в детстве, не

превозносили в школе и колледже. Я не получила внешность от смешения генов родителей. Моей красоте всего полгода. Я не успела привыкнуть к ней.

Мне крупно повезло. Создатель дал привлекательную внешность, вложив любовь и страсть в изображение возлюбленной. Гордилась ли я? Чем? Я воспринимала ее как случайный подарок от Создателя. Он рисовал Лауру. Мне повезло, что она была красавицей. А если бы нет? Смогла бы я найти работу? Смогла бы вообще ожить, если бы никто не влюблялся в меня?

После неизменного совместного ужина Моро пригласил меня в кабинет. Я боялась, что речь пойдет о Джордже. Моро, скорее всего, уже донесли, что он был на презентации и виделся со мной. Но то ли Моро посчитал это событие ничего не значащим, то ли не представляющим угрозы для него.

– Хочешь на нее посмотреть? – глаза Моро загадочно блестели, голос был таинственным и вкрадчивым.

– На что... – начала было я говорить, но тут же поняла. Речь шла о картине, более ничего не смогло бы привести его в такое возбуждение.

– Вы нарисовали портрет Жоржа? – догадалась я.

– Да, – он чуть не подпрыгивал от счастья, – пойдём со мной.

Мы спустились в подвал. Два телохранителя стояли по обе стороны от бронированной двери, запертой на электронный замок. Моро подошел к нему и приложил палец. Дверь отъ-

ехала в сторону. Я вошла в большую, хорошо освещенную комнату и, едва переступив порог, сразу ощутила запах крови. Картина висела в центре стены. Ух ты! Он даже вставил ее в позолоченную раму. Я подошла ближе. На картине был нарисован мальчик лет четырех-пяти, в полный рост. Худенький, темноволосый, с ангельским треугольным личиком. Да, сходство с Моро было очевидным.

– Куда делся художник, что нарисовал Жоржа? – с нехорошим предчувствием спросила я.

– А как сама думаешь?

Значит, он уже начал убивать.

– Я, когда жила в картине, все видела и чувствовала, – смогу ли я достучаться до него? Или разум Моро полностью поглотило безумие? – и боль, и страх, и холод. Маленький Жорж, я уверена, тоже это чувствует.

Моро насмешливо фыркнул.

– Нет, я не прошу вас отказаться от своей мечты, – торопливо заговорила я, – но, может быть, вы придумаете другой способ его оживить?

– Я уже говорил тебе, – старик начал злиться. Это было заметно по дрожащим побелевшим губам, – у меня нет пятисот лет. Моя болезнь прогрессирует. Я хочу увидеть своего брата до своей смерти.

Что-то подобное я и предполагала. У Моро был вид явно нездорового человека. Я пока не разбиралась в человеческих недугах, но думаю, если бы дело было в деньгах, то Моро бы

не готовился к похоронам. Значит, болезнь неизлечима.

Я молча рассматривала картину. Мир лишился еще одного талантливого человека. Жорж выглядел, как живой. Неизвестный художник мастерски изобразил одинокого испуганного ребенка, сжимающего в руке, вероятно, его единственную игрушку – грязно-белого, безногого медвежонка. Он даже оставил ему его потрепанную рваную одежду, стараясь сделать образ полным.

– Ты видишь нас? – ласково произнесла я, подходя ближе к картине, касаясь рамы. – Не бойся. Тебя зовут Жорж и тебе пять лет. Ты красивый смысленый мальчик. Мы любим тебя. Мы всегда будем заботиться о тебе, приходить в гости, чтобы ты не чувствовал себя одиноким.

Я говорила и говорила. Именно те слова, которые я хотела бы услышать, будучи сама запертой внутри. Смогу ли я достучаться до маленькой новорожденной души, запертой в рамке? Позади тяжело сопел Моро, но не прерывал меня.

– Можно вам дать несколько советов? – я обернулась к старику.

– Ну-ну. Послушаю, – на мгновенье мне стало его жаль. Он сам никогда не знал любви и не умел выражать свои чувства.

– Когда я была картиной, я лучше себя чувствовала в красивых помещениях. Мне нравилось, когда было можно смотреть в окошко, видеть мир, людей. Если вы будете кормить его только одними отрицательными эмоциями – болью,

смертью, страданиями – он не оживет. А если и оживет... – Я запнулась. – Страшно подумать, кем он станет... – тихо, почти шепотом добавила я.

– Ожить мне помогли именно положительные эмоции. Я становилась сильнее, когда в меня влюблялись, восхищались мной, желали меня.

– Давай ты не будешь меня учить, – рявкнул раздраженно старик. – Ты точно не знаешь, что оживило тебя. Смерть или любовь. И того, и другого было немало. Я буду действовать по-своему. Но если хочешь...

Моро резко замолчал и уставился на картину. О чем он думал, что происходило в его голове? Иногда мне казалось, что я понимаю его, а иногда... Он так далеко ушел по своей дороге безумия, что вряд ли станет когда-нибудь нормальным.

– Если хочешь, – опять повторил он, – можешь приходить сюда и использовать свои методы.

Казалось, он был смущен. Что стоило этому жестокому и грозному старику попросить моей помощи? Наверное, он действительно в отчаянии. Действительно хочет оживить брата больше всего на свете.

– Вы скажете охранникам, что я могу посещать эту комнату? – я не верила, что так легко получила разрешение.

– Да, скажу. А сейчас закодирую замок, чтобы ты смогла открыть его отпечатком пальца.

Я развернулась к выходу.

– И еще одно...

Сердце пропустило удар. Рука так и осталась протянутой к ручке двери.

– Ты вчера общалась с Олдриджем...

Я, наверное, сильно глупа, если подумала, что он может забыть такое незначительное событие. Моро ничего не забывает. Какая бы болезнь не донимала мужчину, его память она не поразила.

– Я не виновата. Он заговорил первым, – что еще я могла сказать?

– Знаю... – ответил Моро, подходя ближе, – а еще знаю, что каждый день он караулит тебя на выходе из Эскрибы и ищет встреч.

Я наигранно фыркнула и пожала плечами.

– Ну и что?

– Я тебя предупреждал, что пока ты живешь со мной, ты моя женщина. Пусть мы не спим вместе, мой статус не должен пострадать. Ты не знаешь, но в наших кругах, – он особенно выделил слово «наших», и я перевела его, как бандитских, – это очень важно. Если кто-нибудь заподозрит...

Я сглотнула. В горле вдруг пересохло.

– Тобой многие интересовались. Я получил достаточно неплохие предложения на твой счет. Мне отдавали несколько провинций. Был бы я моложе, согласился бы, не раздумывая. Что такое женщина, пусть даже безумно красивая, против огромных денег?

Он замолчал, словно давая понять, от чего отказался ради меня. Я почему-то не прониклась.

– Так же они спрашивали, почему я позволяю тебе работать. Я ответил, чтобы все видели твою красоту и завидовали...

Моро немного помолчал. Я что, предмет для торга? Может быть, стоит рассказать ему о том, что картина держит меня? Надавить на жалость? Поможет ли?

– Так вот... – старик провел пальцем по моей руке, обхватил ладонью плечо. Мне показалось, что его рука весит никак не меньше тонны. – Мне плевать, будешь ты работать или нет. Плевать, станешь жить как пленница в моем доме или красоваться перед телекамерами и обедать с друзьями. Но не плевать, если пойдут слухи и том, что ты встречаешься с другим мужчиной.

– Я не встречаюсь... – начала я, но тут в голову пришла дельная мысль, – а то, что Лоран донимает меня, вас не тревожит? Он тоже был на показе, и я с ним так же разговаривала.

– С ним я разберусь, – отмахнулся Моро. – Он не страшен. Ведь у тебя нет к нему никаких чувств. А вот к писаке...

Я понуро опустила голову. Глупо было бы доказывать обратное. Он меня видит насквозь.

– Я обещаю, что больше никогда не стану общаться с Олдриджем. Только разрешите мне работать.

Если он лишит меня этого, я опять превращусь в пленницу, запертую в рамке. Я не вынесу этого.

– Договорились, – Моро выглядел довольным, – а теперь давай свой указательный пальчик.

Вечером я составила план. Конечно, переместить картину наверх, в комнату с окном, Моро вряд ли разрешит. Значит, для получения положительных радостных впечатлений нужно будет использовать телевизор. Я прошлась по гостиной и остановилась напротив своего. Легкий, вполне смогу дотащить сама. Мне нравились мелодрамы и детективы, но ребенку, скорее всего они будут непонятны. Значит, начнем с мультиков и сказок. Да. Музыка, игрушки, цветы. Я превращу холодный и мрачный подвал в прелестную светлую игровую комнату.

Мы с Моро распределили время. Весь день его, мой – вечер и утро перед уходом на работу. Однажды я пришла раньше и увидела, как он стоит на коленях перед картиной и плачет, умоляя Жоржа ожить. Мне стало не по себе, и я тихонько вышла. Я словно приоткрыла наглухо запертую дверь в жуткую темную обитель, в которой живет страшное чудовище с разбитым сердцем. Стало и больно, и грустно за одинокого больного старика.

Количество народу, охраняющих особняк, заметно возросло. Раньше я проезжала один пост охраны на въезде на территорию и автоматические ворота в непосредственной близости от дома. Сейчас нам приходилось пробираться через несколько дополнительных постов и заграждений.

Людей привозили ночами в фургонах или просто в багаж-

никах джипов. Выгружали, как какой-то скот, и вели на убой. Кто они были? Конкуренты, преступники или бомжи, которых он приказывал подбирать на улицах Парижа? Это было жутко. Для Моро жизнь не представляла никакой ценности. Особенно жизнь незнакомцев. Я старалась не думать об этом. Что могла изменить, чем помочь бедолагам? Только еще более стараться влить в картину больше энергии, чтобы быстрее оживить Жоржа.

Я читала ему сказки на ночь, показывала мультики. Мы играли в угадайки и рисовали цветными карандашами. Я словно впала в детство, которого у меня не было, и изо всех сил наслаждалась этим. Мне казалось, он реагирует. Или мне так хотелось? Или игра света и тени на его лице вводила меня в заблуждение? С одной стороны, я точно знала, что картина живая. Сама же смотрела когда-то с холста на этот мир. С другой... В голову иногда приходили недостойные мыслишки. А вдруг он не оживет? Вдруг он другой? И все, что я делаю, бесполезно?

Я оставила в детском мире целое состояние. Мягкие игрушки, заводные роботы, железная дорога, пазлы, конструкторы. У Жоржа было все. Свет никогда не выключался в его комнате. И не умолкал телевизор, показывая бесконечные истории. Но этого было мало. Я понимала, что впечатления это одно, а настоящие чувства – другое. Я изо всех старалась полюбить этого малыша. И сама не заметила, как он стал для меня моим собственным ребенком.

– Привет! – я впархивала в его комнату, стараясь не думать, что здесь происходило до меня. – Сегодня на улице идет дождь. Это вода, льющаяся с неба. Мы с тобой обязательно погуляем в резиновых сапогах и с зонтиками. Смотри, какой клевый я тебе купила!

Я показывала зонтик с ушками, приносила торт с зажженными пятью свечками, обещая, как он вскоре задует их, когда родится. Садилась рядом с картиной огромного белоснежного медведя, приказывая ему охранять и защищать Жоржа от кошмаров. Я рассказывала о своей работе, о прекрасных украшениях, которые рекламировала, об огромном мире, который ждал его за пределами этого подвала. Обидно, что никто не рассказывал этого мне. Тогда я бы не была столь беспомощна после рождения...

Теперь я начала обращать внимание на припаркованные авто у Эскрибы. И вскоре заметила, что один и тот же серый мерседес каждый вечер караулит напротив выхода. И пусть я не искала встреч с Джорджем, опасаясь Моро, знание, что он рядом и смотрит на меня, грело душу. Каждый раз, когда я видела этот автомобиль с затемненными стеклами, мне становилось тепло и спокойно.

Вчера ему опять не удалось поговорить с Лаурой. Он встал рядом с толпой журналистов, ожидающих моделей у входа. Даже взял с собой фотоаппарат, с которым ранее работал. И бейдж нацепил. Идиот. Она и не взглянула в его сторону.

Джордж не понимал, что он чувствует к Лауре. Какая-то невообразимая смесь восхищения, преклонения, нежности. Есть ли у них будущее? И какое? Но одно он знал точно – ему нужно постоянно видеть ее. Его тянуло к ней со страшной силой. Даже то, что она живет с этим бандитом, ничего не меняло.

У него был миллион вопросов. Как она ожила, что видела, сколько веков живет на свете. А главное – как относится к нему. Что чувствует. В его доме десятки ее фотографий и постеров, его телефон заполнен видео ее рекламных роликов. Наваждение какое-то.

А сегодня он первым ринулся к ней, расталкивая бывших коллег по цеху. Желание увидеть ее вблизи, поговорить с ней, заглянуть в глаза было сильнее гордости или скромности.

– Привет! – выкрикнул он и улыбнулся, протягивая вперед диктофон. – Можно задать вам несколько вопросов?

Джордж надеялся, что они вместе посмеются над ситуацией, что она поймет и ответит ему. Пусть пару слов, ему достаточно. Но Лаура лишь холодно посмотрела и отвернулась... Отвернулась?! словно они незнакомцы!

Джордж опешил от неожиданности. Его толкали и теснили в сторону, а он стоял и не мог прийти в себя. Для него словно погасло солнце. Лаура села в машину вместе с телохранителями и укатила, журналисты вскоре разошлись, а он стоял на опустевшем тротуаре уставившись вслед давно ис-

чезнувшему с горизонта автомобилю.

Нет! Так не пойдет! Он стремительно сел в мерседес и отправился следом. Джордж действовал не думая, импульсивно, бессознательно. Он давно выучил маршрут, по которому ехал джип Лауры, и ему не составило труда нагнать их автомобиль. То ли потому, что он ехал далеко за ними, то ли по другой причине, но Олдридж сразу заметил несколько неприметных машин, кружащих на расстоянии.

Кто они? Еще одна охрана? Но почему тогда они прячутся, меняются, перестраиваются? Или у него уже развилась паранойя? Он забыл о том, что Лаура его отшила, ум поглотила другая проблема. Уж очень подозрительно выглядели бюджетные машинки с затемненными стеклами и грязными номерами на которых нельзя было разобрать ни одной цифры. Вскоре они выехали за город. Джордж держался на большом расстоянии, поэтому вскоре потерял джип из виду. Тот повернул за рошу и скрылся. Исчезли и преследователи, растворившись на проселочных дорогах. Олдридж прибавил газу, стараясь не отстать, но быстро потерялся в лесных развилках.

Когда он увидел джип, все уже было кончено. Вдалеке оседала пыль от удаляющейся вереницы машин. Распотрошенный автомобиль с раскрытыми, почти оторванными дверями, криво стоял на обочине. Джордж выскочил из машины и подбежал к нему. Лауры внутри не было. Телохранители и водитель валялись на сидениях в бессознательном состо-

янии. Он потрогал шеи мужчин. Вроде живы, только в отключке. Что это было? Электрошокер или газ? Ладно, сейчас не время раздумывать и гадать.

Джордж огляделся. Темнело. Солнце почти скрылось за деревьями. Еще десять минут, и будет поздно. Вызвать полицию? Пока она прибудет, пока разберутся со всем... И поверят ли ему? Время уходило. Джордж полез в карман одного из телохранителей и достал телефон. «Шеф» был забит под единицей. Он единственный, кто сможет оперативно помочь, и кто поверит сразу.

– Что случилось, Лукас? – из трубки донесся усталый голос.

– Это Олдридж, – произнес быстро Джордж, – Лауру похитили. Ваши телохранители и водитель без сознания. Я ехал сзади и все видел. Прошло не более нескольких минут. Мы сейчас в районе поселка Монблан, в пятидесяти километрах от Парижа.

– Ясно, – ответил шеф. – Можете быть свободны. Дальше моя забота.

– Вы ее найдете? – не умолкал Джордж. – Я поеду следом, возможно, мне удастся их нагнать.

Он слышал, как в трубке старик отдает приказания своим людям. Странно, что он еще не разъединился. Сам же сел в мерседес и рванул в сторону, где скрылись похитители.

– Ничего не нужно, мистер Олдридж, – сейчас в голосе Моро не было ни капли усталости или апатии, – вы думаете,

я отпускаю свою девочку просто так? Устройства слежения в ее одежде, сумке, туфлях. Я уже знаю, где она.

Телефон разъединился. Даже «пока» не сказал. Джордж поднял голову, услышав смутно знакомый пугающий шум. Низко, почти касаясь верхушек деревьев, пролетели два военных тупоносых вертолета и направились на север. Ничего себе! Кто же такой этот старик, если у него есть подобная техника?

Есть ли смысл ехать за ними? Что там сейчас происходит? Он остановился и вышел из машины. Страшно хотелось закурить. Он начал курить в колледже. Еще один акт неповиновения отцу. Бросил лишь после знакомства с Изабеллой. Она сказала, что это уже не модно. Да и смысла что-то доказывать папаше уже не было.

Кто это сделал? Еще один бандит или... Олдридж вспомнил взгляд Лорана. Неужели, он? Нет, не может быть. Сейчас не каменный век, когда понравившуюся самку силой тащат в пещеру. А Лоран всегда производил впечатление интеллигентного и умного человека. «До последнего времени», – добавил мысленно Олдридж, решительно сел в машину и рванул в сторону, куда полетели вертолеты.

Первое, что он сделал, подъехав к странному импровизированному лагерю, это вышел из мерседеса с высоко поднятыми руками. Пахло порохом, гарью и кровью. Кругом стояли машины, некоторые были страшно покорежены. Вертолеты уже улетели. Джорджа сразу же окружили жуткие субь-

екты с оружием в камуфляже. Он безостановочно повторял:

– Приведите меня к Моро. Я безоружен.

Сам Моро стоял с пистолетом в руке над лежащим мужчиной. Тот не двигался. В темноте было не разглядеть, но Джордж был стопроцентно уверен, что мужчина мертв.

– Где Лаура? Что с ней? – произнес он, не зная получит ли он ответ на свой вопрос или выстрел в грудь.

– Она в безопасности, – хрипло ответил старик, – уже улетела. А вы что здесь делаете?

Джордж стоял с растерянным видом, не имея представления, что говорить. Глупо вышло. В спину легонько уткнулось дуло автомата. Его сейчас убьют?

– А вы смелый, мистер Олдридж, – тяжело прокаркал Моро, бросил пистолет стоящему рядом бандиту и вытер руки о пиджак.

– Езжайте домой, – старик развернулся и, прихрамывая, направился к огромному джипу, – не переживайте, я не буду вас убивать. Возможно, вы мне еще понадобятся...

Если до этого момента я жила более-менее сносно, то после похищения стало совсем плохо. Моро категорически запретил мне работать. Сказал, что оплатит штрафы по контракту, убытки и неустойки. Деньги меня не волновали, у меня их и так было более, чем достаточно. Единственное, за что я переживала, так это за то, что я снова превратилась в плен-

ницу. Пусть тюрьма была роскошной, со всеми удобствами, я рвалась на волю. Как же быстро я привыкла к свободе. Со всем забыла, как пятьсот лет смотрела на мир из рамки картины.

Каждое утро, весь вечер и часть ночи я просиживала в подвале у маленького Жоржа. Не знаю, чем там занимался Моро (да и не хотела знать), но мы прекрасно проводили время. Рисовали, лепили из глины, раскрашивали вазы и надували шарики. А однажды мне показалось, что Жорж улыбнулся. Сердце замерло от восхищения. Улыбка была мимолетной, нормальному человеку показалось бы, что он обманулся, что глаза подвели. Но я-то знаю, что улыбка была настоящей. Значит, он оживает.

Я похвалилась улыбкой Жоржа за ужином. Моро лишь слабо усмехнулся. В последнее время он совсем ничего не ел. За те месяцы, что я его знаю, из худощавого жилистого старика он превратился в скелет. На бледном осунувшемся лице лишь глаза мерцали странным нездоровым блеском. Болезнь прогрессирует?

– С вами все хорошо? – поинтересовалась я обеспокоенно. – Вы неважно выглядите.

Моро передернул плечами и криво ухмыльнулся.

– Единственное, чего я боюсь, так это того, что не успею увидеть Жоржа. Остальное неважно.

– А вы узнали, кто меня собирался похитить? – я перевела тему разговора.

– Да. – слова упали словно камни, – это был Лоран. Я поговорил с ним и объяснил, как он был неправ.

Страшно представить, о чем они говорили. Даже не хочу знать. Надеюсь, миллионер остался жив.

Тогда, в фургоне, увозящем меня прочь, Лорана с нами не было. Меня окружали мужчины в камуфляже, в масках, с непонятным пугающим оружием. Такие вещи я видела лишь в фильмах. Мужчины почти не разговаривали, общаясь между собой какими-то странными знаками, но потрудились все-же сказать, что мое благополучие и здоровье – их главный приоритет. Было жутковато, особенно я переживала за Альберто и парней, оставшихся в джипе. Мы проехали совсем немного, может минут десять, как сверху послышался ужасный гул и прямо на фургон (или перед ним) сел вертолет. Дальше я слабо помню. Грохот, крики, выстрелы. Мне казалось, началась война. Меня запихнули под сиденье и накрыли бронезиловым.

А когда все затихло, первым, кто протянул мне руку, был Моро. Я обрадовалась ему, как родному человеку. В его глазах виднелся страх и растерянность. Он действительно может быть таким заботливым? Он переживал за меня? За меня лично или за дорогую красивую игрушку?

Хотелось думать, что он изменился. Стал добрее, человечнее. Ведь люди меняются на пороге смерти.

Сейчас у меня появилось много свободного времени. И все это время я тратила на Жоржа. После первой улыбки,

я приободрилась, и моя уверенность в успехе нашего дела возросла стократ. Может быть, мне потребовалось так много времени, потому что меня частенько запирали на чердаке или в запасниках, и я теряла драгоценную энергию, накопленную ранее. Может быть, если бы я все время висела в зале или в каком-то доме, я бы ожила раньше?

Сегодня я принесла Жоржу гору пирожных, мороженое в рожке и два огромных леденца на палочке. Утром, в своей комнате, мне пришла в голову интересная мысль. Пока не встретила Джорджа, я в действительности не хотела выходить из картины. Зачем мне было это делать? Причина появилась вместе с приходом любви. Не знаю, чем можно соблазнить пятилетнего ребенка, чтобы он захотел ожить, так как захотела я.

Мороженое растаяло, парочку пирожных я съела, больше не влезло. Леденцы остались красиво лежать на столике перед картиной вместе с раскрасками. Лакомства я заказывала кухарке. Прислуга в доме была нелюбопытная, и меня не спрашивали, для кого эти сладости.

– Нам нужно поговорить, – в подвал заглянул Моро, – пойдем в кабинет.

Мы, как и в первый наш вечер, разместились друг напротив друга. Он – за столом, я – в кресле. Два бокала с коньяком, конфеты ручной работы, горящий камин. Дежавю.

– Не буду ходить вокруг да около, – начал Моро, – мне осталось немного. Врачи давали меньше месяца еще перед

тем, как мы встретились. Но благодаря тебе я прожил дольше, чем планировал.

Я подумала: «Не благодаря мне, а благодаря картине. Целью была именно она».

– За что я тебя люблю, так это за твою бесстрастность и не любопытство, – усмехнулся Моро, – ты единственный человек, по лицу которого я ничего не могу прочесть. Единственный, чьи эмоции для меня закрыты.

Я криво улыбнулась. Compliment или порицание? Внутри был разлад. С одной стороны, мне было жаль Моро. Всю свою жизнь он потратил на поиски картины. А когда нашел... Так скоро умереть... Верх невезучести. С другой... Я снова стану свободной. Во всех смыслах.

– Странно, – произнес Моро горько, – в конце жизни, подводя итоги, я ничем не могу похвастаться. Ни детей, ни друзей, ни жены... Никого, кто бы горевал по мне.

– Вы можете называть меня своим другом, – совершенно серьезно сказала я, внимательно смотря ему в лицо. – Ко мне вы были всегда добры и внимательны. Я действительно привязалась к вам.

– Мне повезло, что ты плохо знаешь людей, потому что мало живешь на свете. Я не добрый человек, – Моро устало потер лоб, – но я приму твою дружбу, потому что в безвыходном положении, и мне нужна помощь. Как только я умру, – продолжал старик, – сюда слетится весь воровской сброд. Мои конкуренты только и ждут, когда я откину кон-

цы. Недавно мне пришлось пожертвовать некоторыми ценными активами... Отдать несколько районов Парижа и Лувр, чтобы отцепились. Но боюсь, этого мало. Я стал слишком мягок. Наверное, старость...

Моро пригубил коньяк и судорожно закашлялся. Брызги разлетелись вокруг, попали на лежащие на столе бумаги, ноут, но старик не обратил на это внимания. Утер губы и налил еще.

– Они налетят, как стая стервятников. У нас у каждого есть шпионы в домах конкурентов, и у меня здесь, думаю, тоже сидит какая-то мразь. Тебе нельзя оставаться. Ты тоже можешь превратиться в добычу, за которой будут охотиться. У меня есть несколько верных людей, они прикроют вас, если понадобится...

«Вас?» – удивленно подумала я.

– Да, – подтвердил мою догадку Моро, – обещай мне, что заберешь картину с собой и продолжишь оживлять Жоржа.

Моро тяжело выдохнул и прикрыл глаза. С лица исчезли все краски, сейчас передо мной сидел живой труп.

– Уже ясно, что я не доживу до момента, чтобы увидеть это событие.

– Обещаю, – произнесла я без колебаний. Это единственное, что я могла для него сделать.

– Я звонил Олдриджу. Он кажется надежным человеком, хоть и не слишком серьезным. Он очень помог тогда, когда тебя похитили. Если бы он не сообщил так быстро, мы могли

бы потерять твой след. Лоран переделал бы тебя и от жучков не было бы толку. Я благодарен ему. Увы, других вариантов нет. Возьми картину и уезжай с ним из Франции. Новые документы лежат в сейфе, в моей спальне. Он открывается отпечатком твоего пальца и сканом сетчатки. Там же лежит и мой кусок полотна. Если хочешь, можешь его сжечь. Я тайно, через подставных лиц положил на твой счет приличную сумму. Вы не будете бедствовать. Извини, все отдать не могу. Если мои узнают, что деньги у тебя, они не оставят вас в покое никогда.

Моро замолчал. Я никак не могла проглотить комок, вставший в горле. Неожиданно защемило глаза. Его маниакальная преданность своему брату и пугала, и восхищала одновременно.

– Иди, – слабо прохрипел Моро, – я хочу отдохнуть.

– Спасибо вам за все, – произнесла я и встала.

Моро удивленно поднял глаза, но ничего не ответил. Мои слова явно застали его врасплох. Он считал себя монстром? Не заслуживающим снисхождения и благодарности? Откуда ему было знать, что на свете существовали люди гораздо хуже его. И я встречалась с ними. Жила в их доме. Смотрела на зверства, которые происходили на моих глазах. По сравнению с ними, Моро добродушный дедушка.

Я поднялась в свои апартаменты. С недавнего времени стала замечать, что со мной творилось что-то странное. Я перестала ощущать картину так остро как раньше, меня уже

не тянуло в подвал со страшной силой. Я могла бы попробовать уехать дальше, чем на сто километров, но меня не выпускали из особняка. Как странно. Неужели я теряю связь с картиной?

Утром, как обычно, я поспешила к Жоржу. Мы частенько завтракали вместе, я – с чашкой кофе в одной руке и красивым пирожным в другой, а у него пока с едой были проблемы – он довольствовался сугубо духовной пищей – моими рассказами. Надеюсь, пока...

У двери в подвал дежурил верный Лукас. Он дружески кивнул и помог открыть дверь. В комнате, перед картиной, я увидела сторбленную фигуру Моро. Он был странно пугающе неподвижен. Я аккуратно поставила поднос с завтраком на стол и подошла к старику, чуть тронула за плечо, боясь обнаружить окоченевший труп, но Моро вздрогнул и открыл глаза.

– Ты пришла, – прохрипел он сдавленно, – а я не мог уснуть.

– Вы просидели здесь всю ночь? – я перевела взгляд на картину.

Казалось Жорж смотрел прямо на нас. В его глазах отражались блики от роскошной хрустальной люстры, сияющей под потолком и от этого глаза выглядели, как живые.

– Ты что-то увидела? – встрепенулся Моро.

– Да нет, всё в порядке, – пробормотала я, – показалось.

Моро судорожно закашлялся, по подбородку потекла

струйка крови. Я схватила салфетку и приложила к окровавленным губам.

– Что с вами? Вызвать «скорую»?

– Скорая здесь не поможет, – отмахнулся он, – лучше помоги мне встать. Хочу взглянуть на брата поближе.

Моро, кряхтя, поднялся с кресла, сцепив зубы и опираясь на мою руку, он поковылял к картине. Я не могла не восхищаться его упорством. Откуда в таком маленьком больном человеке столько жизненной силы? На пороге смерти он по-прежнему идет к своей цели, к брату.

Мы подошли к картине. Моро вытер ладонью кровь на подбородке и положил обе руки на золоченую раму. Золото окрасилось красным.

– Мой милый мальчик, – прошептал старик, – я не смогу тебя увидеть. Прости, что бросил тебя в том подвале, когда ты умирал от страха и голода. Прости, что не помог тебе. Прости, что вместо того, чтобы быть с тобой, я воровал, думал лишь о деньгах, о том, чтобы больше унести. Прости, что обманул, когда обещал защищать.

Я стояла сзади и поддерживала его за плечи. Старик опять закашлялся. Это было страшно. Брызги крови летели на полотно, пачкая ноги Жоржа, его одежду. Вдруг мне показалось, что мальчик немного сместился, или это слезы набежали и мешают разглядеть фигуру? Я присмотрелась. Нет, фигура Жоржа словно подернулась рябью, изображение задрожало, стало нечетким и даже немного выпуклым. Его очер-

тания постоянно менялись, то уплывая назад, то выпячиваясь вперед.

«Неужели? – подумала я с ужасом и восхищением, – неужели это произойдет сейчас?»

В этот момент у Моро подогнулись ноги, и он упал на пол. Я дернулась за ним.

– Что с вами? – я приложила руку к шее.

По-моему, так в фильмах проверяли пульс.

Моро ничего не ответил, да и пульса я не почувствовала. Умер? Сейчас? Когда его брат оживает?

Я с ужасом переводила взгляд со скрюченного старика на постоянно меняющуюся картину. Позвать Лукаса? А он что может сделать?

Я все же вскочила на ноги, собираясь бежать к телохранителю. Как вдруг из картины ко мне протянулась маленькая худая ручка. Я остолбенела... Все мысли вылетели из головы.

Вот оно – чудо рождения. У меня перехватило дыхание. Изумительно. Из нарисованной картины ко мне тянулась жизнь. Я обхватила руку двумя ладонями и потянула на себя. И через секунду в мои объятия упал ребенок. Он был легче игрушечного медведя, которого я купила недавно. Дергался и хрипел, узкое смуглое личико скривилось от боли.

– Давай! – закричала. – Давай, дыши.

Я помнила, что сама чуть не умерла сразу после рождения, пока поняла, как дышать. Опустилась с ним на пол, прижа-

лась губам к его рту и силой втокнула в него воздух. Еще раз, еще.

– Дыши, – твердила я, – дыши. Потом посадила его прямее и легонько хлопнула по спине. Жорж закашлялся и задышал. Я обессиленно прислонилась к стене, укачивая малыша. Главное позади. Мой мозг еще не осознал грандиозного события, которое сейчас произошло, потом я все обдумую, главное, что Жорж дышит, что он жив, здесь, со мной. Я повернула голову. Моро смотрел на нас тусклым мертвыми глазами. На лице застыло умиротворение. Хотелось бы верить, что он перед смертью хоть на мгновение увидел своего брата...

Мальчик зашевелился и промычал что-то невразумительное.

– Все хорошо, – я ласково провела рукой по короткому ежику волос, – со временем ты научишься говорить. Я сама научу тебя. А сейчас нам нужно убираться отсюда.

«И чем скорее, тем лучше», – добавила про себя.

Быстро вскочив на ноги, сняла картину со стены, вытащила из рамы холст и скатала в трубочку. Это основное. Жорж пытался встать, но у него не получалось. Я вспомнила, что пока не окрепли ноги, я тоже не могла ходить. Значит, нужен кто-то, кто его понесет. Придется звать Лукаса, я доверяю только ему (если вообще кому-нибудь доверяю в этом доме).

Войдя в подвал и окинув взглядом комнату, Лукас на несколько секунд задержал взгляд на мальчике, потом подо-

шел к Моро. Так же, как и я, дотронулся пальцами шеи, проверяя пульс.

– Этого стоило ожидать, – пробормотал уныло.

Перекрестился и накрыл тело пиджаком.

– Я начну искать Моро ближе к вечеру, пока найдем, пока взломаем бронированную дверь, – сам с собой разговаривал Лукас, – вы к тому времени должны убраться как можно дальше. На этот счет у меня четкие указания от босса.

Я молча кивнула. Что угодно, только быстрее уйти с этого унылого места.

– Давайте выбираться, – Лукас подхватил Жоржа и понес из подвала наверх.

Я захлопнула за собой дверь. Щелкнул замок. Теперь никто, кроме меня, не смог бы открыть эту комнату. Аккуратно, быстро, боясь кого-нибудь встретить по дороге, мы поднялись на второй этаж. Можно было и не прятаться – дом словно вымер. Как будто чувствовал, что хозяина больше нет.

Быстро заскочив к себе, я собрала рюкзак – документы, телефон, записную книжку, куда записывала все, чему обучалась. Если ее найдут, то появится много вопросов после прочтения. Одежду, которую покупал мне Моро, брать не стала, некуда, да и незачем. Ровно через пять минут мы уже входили в спальню босса.

– Не говори никому о мальчике, – прошептала я Лукасу, после того, как мы вошли в апартаменты хозяина, – и о кар-

тине тоже.

Лукас криво улыбнулся.

– Не вопрос, – произнес он, – в моем случае, чем меньше знаешь, тем лучше. Думаю, после того, как узнают о смерти Моро, всем будет наплевать на его сумасбродные хобби. Будут искать только его деньги.

– Отлично, – ответила я, – пусть забирают, мне они не нужны.

Мы подошли к сейфу. Основной сейф располагался в кабинете Моро на первом этаже, что там хранилось, я не знала, наверное, как и у всех – деньги, золото, драгоценности. В спальне находился маленький тайник, банально спрятанный за картиной Пикассо. Я приложила палец к окошку, потом приблизила лицо для сканирования сетчатки. Замок щелкнул, открылась дверца. Лукас усадил малыша в кресло, а сам подошел и с любопытством выглядывал из-за моей спины. Я вытащила стопку документов.

«Ну, конечно! Кто бы сомневался!» – хмыкнула про себя, открывая паспорт на первой странице.

Лаура Монтиньонес, страна рождения – Испания, родилась восьмого октября двадцать пять лет назад. Я раскрыла второй документ. Им оказалась свидетельство о рождении Жоржа Монтиньонес. Я удивленно уставилась на дату рождения Жоржа. Пять лет назад. В графе мать – Лаура Монтиньонес, в графе отец прочерк. Значит, мой сын? Одной проблемой меньше. Теперь я не одинокая женщина, а женщина

с ребенком.

Пока я рассматривала документы, Лукас позвонил Альберто. Состоялся очень содержательный разговор, из которого я слышала только два «да» и одно «не нужно».

– Через час Альберто будет здесь, – ответил Лукас на мой вопросительный взгляд, – он заберет вас и отвезет в надежное место. Так приказал босс.

Я кивнула в сторону сейфа и произнесла:

– Ты будешь что-нибудь брать из этого? Все-равно пропадет.

Сама я забрала кусок полотна и документы, на полке остались лежать пачки каких-то бумаг, то ли акции, то ли расписки. Лукас молча сгреб все и засунул за пазуху.

– Ладно, давай убираться отсюда, – меня не покидало тягостное чувство, что мы забрались в чужой дом и обчищаем его, пока хозяин отсутствует.

Я захлопнула сейф и подошла к Жоржу.

– Мы сейчас умоемся и переоденемся, – я подхватила его на руки, – а потом ты перекусишь. Лукас принеси что-нибудь поесть из кухни. И стакан сока налей.

Лукас кивнул и испарился. Я занялась ребенком. Жорж все время молчал, наверное, был еще напуган и дезориентирован. Мне было жаль, что все так не вовремя: рождение Жоржа, смерть Моро. Наше вынужденное бегство. А может быть, Моро сильно сгустил краски? И мне не нужно уезжать? Здесь мой дом, друзья, работа. Здесь Джордж. Я позволила

себе на минутку помечтать. Теперь, когда я стала свободной, я могу попытаться сблизиться с ним... Мне кажется, я ему нравлюсь.

Жорж жалобно замычал. Ой! Я испуганно одернула руку. Замечталась.

– Извини, слишком сильно терла? – мальчик неуверенно кивнул и попытался показать пальцами, что ему не понравилось.

– Мыло щиплет? – опять кивок.

Это хорошо, что он знает основные слова. Значит, учить будет легче. Не зря я переносила в подвал разнообразные вещи. От блокнота до кофеварки.

Альберто приехал даже раньше, чем ожидалось. Наверное, гнал изо всех сил. Переодетый, накормленный и умытый Жорж был усажен Лукасом на заднее сидение форда. Альберто с удивлением покосился на мальчика, но ничего не спросил.

Мы с Лукасом пожали друг другу руки, как заправские партнеры. Еще бы! Вместе «обчищали» хозяйский сейф.

– Удачи. Я буду оттягивать обнаружение Моро так долго, как смогу, – произнес он.

– Спасибо, – ответила я, еще толком не решив, остаюсь в Париже или уезжаю.

То, что я должна на некоторое время залечь на дно, было ясно. Моро скорее всего, преувеличил опасность. Вряд ли за мной все будут охотиться, как за ценной добычей. Деньги

все же важнее даже самой красивой женщины (так говорил Моро, и я с ним согласна). Так что вначале все бросятся искать именно их.

В агентство мне нельзя. Даже на руку тот факт, что я несколько недель назад уволилась (точнее Моро уволил меня) и оплатила все неустойки. Картина у меня, и хоть в последнее время я не чувствую ее притяжения (об этом еще нужно поразмыслить), да и страшно оставлять ее в банке. Пусть лучше лежит в рюкзаке. Я смотрела на проплывающие мимо знакомые пейзажи. Проехали второй заслон. Охранник высунулся в окошко будки и буднично помахал нам рукой. Он еще не знает, что его хозяин мертв. Прошел всего час после того, как это произошло, а для меня словно целый век. Столько событий!

Жорж пораженно пялился в окно автомобиля и восхищенно вздыхал, тыкая пальцем на что-то интересное. Птицу, пролетающую мимо, самолет в небе, облака... Так же, как и я когда-то.

– Кто этот мальчик? – не удержался от вопроса Альберто.
Я хитро улыбнулась.

– Мой сын.

Мой давний друг надолго замолчал, переваривая услышанное.

– Его зовут Жорж, ему пять лет, – произнесла я, хихикнув, и добавила, – хорошо, когда у тебя появляется уже взрослый ребенок, правда? Ни тебе беременности, ни родов. Никаких

проблем.

По округлившимся глазам Альберто я поняла, что вопросов у него только прибавилось. Но времени расспрашивать не было, мы подъезжали... Только вот куда?

– А что это за дом? – я удивленно рассматривала ничем не примечательное обшарпанное четырехэтажное здание.

– Шеф дал четкие указания привезти вас сюда, – ответил Альберто, – не переживайте, здесь все ваши вещи из бывшей квартиры. Это рабочий квартал, здесь живут бедняки. Вас здесь икать будут в последнюю очередь.

– Опять какие-то тайны, – в сердцах буркнула я, – да он параноик, этот Моро. – И добавила грустно: – Мертвый параноик.

Альберто открыл дверь и помог мне выйти. Потом полез в карман и вытащил связку ключей.

– Квартира на втором этаже, номер тридцать восемь.

Я кивнула, сунула ключи в карман и взяла Жоржа на руки.

– Здесь мы расстанемся, и не спорь, – видя, что Альберто собирается мне что-то возразить, я упрямо вздёрнула подбородок, – ты был хорошим другом. Спасибо тебе за всё. Уезжай домой. Я выплачу тебе годовую зарплату. Сегодня я покину Францию, и мы больше никогда не увидимся. Так будет лучше. Если тебя спросят, где я, ты скажешь чистую правду о том, что ничего не знаешь.

Мужчина подошел ко мне и крепко обнял вместе с ребенком на руках. В глазах блестели слезы.

– Удачи, девочка, – прошептал он, – будь счастлива.

У меня самой стоял комок в горле, поэтому я только кивнула и чмокнула его в щеку. Развернулась и потопала в квартиру, которую я не знала. В последнее время вся моя жизнь летит кувырком, новая квартира – самая малая из всех остальных проблем.

Вчера, после звонка Моро, Джордж много думал. Наконец, у него появился кое-какой шанс. После того, как бандит запретил Лауре работать в агентстве, для Джорджа начался настоящий ад – надежды хоть мельком увидеть девушку не осталось вовсе. Он испробовал все доступные ему способы, но ни один не принес результата. Пытался пробраться через забор, подкупить охранников, даже пошел в полицию и сказал, что его знакомую похитил бандит и держит ее против воли у себя в доме. Когда полицейские узнали, кто этот бандит, то посоветовали Джорджу навсегда забыть красотку и больше к ним не обращаться.

Он не видел Лауру почти месяц, и это был самый ужасный месяц в его жизни. И тут звонит сам Моро и предлагает ему позаботиться о Лауре. Дело нескольких дней, сказал он. Прислал ключ от квартиры и посоветовал ждать девушку там. Джордж не стал медлить и переехал уже вечером.

Богатое писательское воображение не давало скучать. Ему постоянно представлялись всякие ужасы. Лауру держат в тёмном подвале или в комнате с решетчатыми окнами,

не дают выходить на улицу, общаться с людьми. Он боялся предположить, что она сексуальная рабыня или еще что похуже. Но потом вспоминал, что Моро очень заботился о Лауре, сразу же отреагировал, когда ее украли, снарядил настоящую поисковую экспедицию. Вспомнил, как она улыбалась телохранителям, была приветлива с ними. Вряд ли бандит сделал бы что-то плохое с самой красивой женщиной в мире. Но всё равно иногда Джорджа накрывало паникой, он садился в машину и ехал к особняку Моро.

Он даже написал небольшой рассказ о маньяке, который украл девушку из ее же собственного дома. Рассказ получился жутковатый. Джордж не стал отправлять его агенту, засунул в ящик поглубже и постарался о нем забыть. Стало даже легче на душе – словно он выплеснул на бумагу свой ужас и страх.

И пусть Олдридж не был уверен в чувствах Лауры, именно разлука с ней показала истинные чувства его самого. Он безумно, самозабвенно, страстно ее любит. И это не обсуждается.

За это время он часто созванивался с Мартин. Они стали почти что друзьями по несчастью. Ему просто было необходимо хоть с кем-то поговорить о Лауре. Фотографий давно уже было недостаточно.

Рано утром позвонила Мартин, словно что-то почувствовала. Джордж рассказал ей о разговоре с Моро. Она не на шутку всполошилась. «Неизвестно чего ждать от этого бан-

дита», – произнесла Мартин и закончила тяжеловесным: «Я приеду так скоро, как только смогу». Если честно, Джордж никого не хотел видеть. Он хотел спокойно рассмотреть квартиру Лауры, чтобы хоть что-то узнать о ней. Но исследовать было совершенно нечего – квартира производила впечатление стерильной лаборатории, словно девушка и не жила в ней. Кастрюли, сковородки, плита – всё было новым, абсолютно чистым, ни разу не использованным. Пусть квартира была с хорошим ремонтом, с дорогой мебелью и техникой, она находилась в гетто, что было немного странно. Неужели, Лаура не могла себе позволить снять жилье в нормальном месте?

Все объяснила Мартин, когда приехала.

– Это не ее квартира, – фыркнула она, – наверное, Моро купил ее втайне от Лауры. Только вот зачем?

Прошел час, другой. Джордж с Мартин сидели друг напротив друга и ждали... Сколько продлится это ожидание – одному Богу известно. Может быть, день, может, неделю. Не в характере Джорджа было смиренно сидеть на одном месте, он было потянулся к блокноту, сделать кое-какие записи, как вдруг щелкнул замок входной двери. Мартин и Джордж синхронно вскочили, вопрошающе уставившись на открывающуюся дверь. В проеме показалась запыхавшаяся Лаура с ребенком на руках.

На вид мальчику было четыре-пять лет. Смуглый, худенький, с острым узким личиком. Джордж невольно подумал,

что кого-то он ему напоминает. Но кого?

– А что вы здесь делаете? – удивленно произнесла Лаура, опуская мальчика в кресло и ставя рядом небольшой кожаный рюкзачок. Потом, устало опустилась на подлокотник и вытерла тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

– Моро позвонил вчера вечером и сказал ждать тебя здесь, – ответил Джордж.

Сейчас ему было немного неловко. Вломился в дом почти что незнакомой девушки, даже спал на ее кровати. Хотя, спал – это сильно сказано. Всю ночь беспрестанно метался и вертелся. Воспаленный мозг лихо перепрыгивал с эротических фантазий на выворачивающие душу тревожные мысли.

– Сказал, что я должен позаботиться о тебе, – добавил он, – сказал, что как только он умрет, ты покинешь Францию.

– Так Моро умер? – встала Мартин.

– Да, – выдохнула Лаура и бессознательно обняла сидящего рядом мальчика за плечи, – сегодня утром. Это было ужасно...

Джордж увидел, что на лицо девушки набежала тень. Неужели она жалеет о бандите? У него самого о Моро были самые тягостные воспоминания.

– Ладно, – Мартин хлопнула в ладоши, – хватит релаксировать. Пора собираться. Что ты возьмешь с собой?

– За что я тебя люблю, так это за твое здравомыслие и практичность, – улыбнулась Лаура и добавила растерянно, – не знаю. Кое-какую одежду, наверное.

– Понятно, – Мартин направилась в спальню, – я все сделаю сама, а ты отдохни.

Джордж, с момента как Лаура вошла в квартиру и до сих пор, не мог оторвать глаз от девушки. Он не думал о том, что, скорее всего, смущает ее своим вниманием, он думал лишь о том, какая она красивая. «Как же можно привыкнуть к такой внешности? – спрашивал он себя. – Видеть ее каждый день и нормально жить, есть, пить, разговаривать? Так, чтобы у тебя не перехватывало дыхание и не дрожали руки от волнения?»

– Мартин, давай я тебе помогу! – крикнул Джордж и сбежал из комнаты, подальше от соблазна.

Сам он уже давно был готов уехать с Лаурой хоть на край света. Чемодан с вещами лежал в багажнике мерседеса. А сама машина стояла на стоянке рядом с домом.

У него был план. Выехать на машине, пересечь тоннель через Ла-Манш, и остановиться в родовом поместье его родителей, в графстве Оксфордшир. Сейчас там никого нет, мать и отец уехали в гости к новоиспеченным родственникам, а брат с женой живут в Японии.

– Там абсолютно безопасно, – увещевал Джордж, Лаура осторожно поила мальчика из бутылки, после того, как тот съел бутерброд. Мартинс собранным чемоданом стояла рядом и молчала, – особняк старинный, но отлично укреплен. Слуги работают в доме несколько поколений, на них можно положиться.

– А может, лучше в Америку? – пробормотала девушка, вытирая ребенку подбородок. – Она дальше.

Джордж усмехнулся.

– Дальше, не значит безопаснее, – ответил он, – но если хочешь, полетим в Америку. Из Англии. И позже. По воздуху нас будет легче отследить сейчас.

– Я вообще не уверена, что нужно убегать, – Лаура посмотрела на Мартин, словно прося поддержки, – не думаю, что мне грозит опасность. Моро просто стал паникером в последнее время.

Не известно, что ответила бы Мартин, если бы у нее не зазвонил телефон. Это был Альберто. Сказал, что выехать из Парижа проблематично. На трассах стоят блокпосты, ищут каких-то террористов. Огромные пробки образовались в сторону Испании, Бельгии и в другие концы. Он как раз собирался выезжать домой, как ему позвонил знакомый таксист.

– Вот тебе и ответ на вопрос, – произнесла Мартин, закончив пересказывать разговор.

– Тогда остаемся здесь? – Лауры несмело улыбнулась. – Эту квартиру никто кроме нас не знает, здесь спокойно. А может быть, это вовсе не меня ищут.

– Слишком явное совпадение, – фыркнула подруга, – да и квартиру рано или поздно найдут. Это не иголка в стоге сена.

– Лукас пообещал, что будет оттягивать объявление о смерти Моро до вечера, – Лаура была растеряна, – что же

случилось? Кто-то узнал раньше? Или обнаружили мое исчезновение из особняка? И кто бы смог организовать такие масштабные поиски? Кому это нужно?

– Кому-то очень богатому и влиятельному... – задумчиво сказала Мартин и добавила энергично, – и что будем делать дальше?

– План не меняем, – произнес Джордж, – просто нужно изменить ее внешность.

– Нет ничего проще, – женщина широко улыбнулась, – я неподалеку видела салон красоты. Не шикарный, конечно, но думаю, за деньги продадут все, что угодно. Ждите меня через десять минут.

Лаура приглянулась с Джорджем. Он весело пожал плечами:

– Не знаю, как меняют внешность.

– Да и я тоже, – ответила она.

Но через полчаса, смотря на себя в зеркало, Лаура все знала.

– Удивительно... – задумчиво произнес Джордж, рассматривая преобразившуюся девушку.

Сейчас она была похожа на знойную испанку. Черный парик, смуглый оттенок кожи, темные контактные линзы. Брови, ресницы... Даже родинку наклепили на щеку.

– Она как раз будет всех отвлекать от ее облика, – ответила Мартин на невысказанный вопрос мужчины, потирая руки, – и нужно что-нибудь яркое. Да, красный шарф прекрас-

но подойдет.

Лаура только беспомощно наблюдала за манипуляциями подруги.

– Красотка, но совсем другая, – озвучила вердикт Мартин, рассматривая творенье своих рук, – но-но, а плакать не нужно. Тушь потечет.

Лаура протяжно всхлипнула и раскрыла объятия. Она только сейчас поняла, что они расстаются. Может быть, даже навсегда. Мартин крепко обняла девушку.

– Мы обязательно еще увидимся. Я буду продолжать работать в Эскрибе, – стараясь сдержать слезы произнесла женщина, – оказывается, я нашла свое призвание – учить жизни наивных красивых девочек.

– До свидания, – всхлипнула Лаура, – береги себя.

Джордж не спрашивал Лауру, кто этот странно молчаливый ребенок. У них будет еще время поговорить. Но мальчик привлекал внимание. Тихий, ненормально спокойный, почти истощенный. Странно похожий на Моро. Джордж после некоторого времени вспомнил, кого тот ему напоминал. Неужели внук? Лаура постоянно трогала его, словно боялась, что он исчезнет. Что-то шептала на ухо, гладила по волосам. Не отходила от него ни на секунду.

Олдридж решительно подхватил ребенка, в другую руку взяв чемодан, направился к двери. Малыш тоненько захныкал. Лаура было испуганно дёрнулась, но потом взяла мальчика за руку, успокаивая, закинула за спину рюкзак и по-

семенила следом. Мартин с тоской смотрела им вслед. Что ждет этих троих? Откуда взялся ребенок? У них даже не было времени спокойно поговорить.

Как и предупреждал Альберто, на выезде их ожидала пробка. Впереди полицейские останавливали машины, открывали багажники, требовали предоставить документы. Все роптали, но никто ничего не мог сделать. Искали террористов.

Лаура с мальчиком сидели сзади. Джордж жутко беспокоился. Сейчас, после фантастического преобразования, девушка и мальчик стали выглядеть даже похожими. Оба черноволосы, смуглы, с острыми скулами. Может быть, представить их как мать и сына? А как же документы?

– У меня есть свидетельство о рождении Жоржа, он мой сын, – произнесла Лаура, видя как Джордж хмурит брови.

– Одной проблемой меньше, – ответил он.

В конце концов все разрешилось как нельзя лучше – им здорово помог Жорж. Когда в окошко заглянули страшные люди в масках, одетые в черное, у него началась форменная истерика. Он захныкал, прижимаясь к Лауре, пряча лицо на ее груди.

– Давайте побыстрее, – холодно произнес Олдридж, – не видите, ребенку плохо. Мы возем его в больницу, в Амстердам.

Лаура низко склонилась над малышом, успокаивая его.

– Мадам, посмотрите на нас, пожалуйста, – произнес по-

лицейский. Девушка быстро подняла лицо, но мальчик вдруг закричал, и она опять нагнулась. Полицейские неуверенно переминались с ноги на ногу.

– Малыш, это твоя мама? – один из мужчин протянул руку и дотронулся до плеча Жоржа. Тот испуганно дернулся, еще глубже зарылся мне под бок и тоненько выкрикнул что-то вроде ма.

– Конечно, я его мать, – отрезала Лаура, – отойдите, вы пугаете его.

– А что случилось? – Джордж попытался отвлечь внимание мужчин от Лауры, – может, я смогу вам помочь?

– Нет, мы проверяем только женщин, – ответил полицейский, – у нас наводка, что террорист – женщина.

– Ясно, – скривился Джордж, – мы можем быть свободны? Знаете, мы очень спешим.

– Езжайте, – махнул рукой полицейский. Джордж тронулся. И только после того, как они проехали несколько миль, он смог спокойно выдохнуть. Пронесло.

Мы уже несколько часов ехали по территории Великобритании. Стемнело. Для Жоржа это была первая ночь, и он упорно рассматривал небо, усыпанное звездами, сжимая в руке леденец. Несколько раз мы останавливались в придорожных кафе, я все время переживала, что Жорж голодный, поэтому настаивала на том, чтобы он поел. У мальчика даже появились любимые блюда. Например, картошку фри он полюбил

безумно и даже неумело произносил, когда ее видел – фи, фи...

И конечно же, не обошлось без происшествий. Я не догадалась о том, что он хочет, когда малыш забеспокоился, начал ерзать и мычать. Просто пересаживала к себе на колени и дала конфету. Почувствовала что-то неладное, когда было поздно – мне на колени потекла теплая жидкость. Только и успела крикнуть: «Джордж, останови машину!» На сиденье почти ничего не попало, все впитали пальто и юбка. Пришлось останавливаться у супермаркета, покупать новую одежду: себе и Жоржу. А потом и у мотеля – принять душ.

– Может, переночуем в мотеле? – поинтересовался Джордж с улыбкой. – Ты совсем вымоталась. Отдохнешь.

– А сколько нам еще ехать?

– Максимум час.

– Тогда поехали, – ответила я, усаживая ребенка рядом, – заодно и объясню Жоржу, какие симптомы появляются у человека, когда он хочет в туалет, и что нужно делать при этом.

– Так кто этот мальчик? – не удержался от вопроса Олдридж, смотря на меня в зеркало заднего вида.

– А как ты думаешь? – ответила вопросом на вопрос я. – У тебя же богатое воображение. Используй его на полную.

Мне показалось или я сейчас флиртовала? Выглядело именно так. Я обеспокоенно посмотрела на Джорджа. Тот спокойно вел машину, только немного хмурился. Я не знала, как себя вести с этим мужчиной. Было неловко и боязно.

Слава Богу, малыш занимал все мое свободное время, не давая отвлекаться на глупости. Я показывала ему разные вещи, называла их, объясняла, как это работает. Учила произносить простейшие фразы. В общем пряталась за мальчиком от пристальных взглядов Джорджа через зеркало заднего вида.

Увы, для меня ничего не изменилось, я по-прежнему люблю этого мужчину. Только вот как он ко мне относится? Это внимание, помощь, забота... Для чего? Что за этим стоит? Восхищение моей «небесной красотой»? Будь она неладна... Или что-то другое?

Я же не могу отвести от него взгляд. Мне нравится все. Как он ведет машину, как улыбается, как пьет воду, как говорит и двигается. А особенно мне нравится, как он пишет. Возле него на сидении всегда лежит блокнот с ручкой. Иногда, когда мы останавливались перед светофором, или в кафе, или даже притормаживали, проезжая поселки, он замечал что-нибудь интересное и черкал пару слов в своем блокноте. У него становилось такое лицо... Словно он видел что-то особенное, то, чего не видим мы. Это так таинственно и завораживающе. То, что я наблюдала, вися в его кабинете, будучи картиной. И это наполняло меня волшебством.

– Думаю, мальчик – родственник Моро, – произнес Джордж, и я очнулась от задумчивости, – есть неуловимое сходство в лице.

– Верно, – согласилась я быстро, если бы он узнал, о чем я тут размышляю, я бы сгорела от стыда.

– Не сын, конечно, – продолжал рассуждать Джордж.

Я перевела взгляд на малыша, он тихо посапывал рядом со мной на заднем сидении. Его первый сон. Тело само знало, что и как делать. А остальное... У него вся жизнь впереди, научится.

– А картина у тебя? – я удивленно уставилась на Олдриджа. – Конечно, у тебя, иначе, как бы ты смогла так далеко уехать из Парижа, – сам ответил на свой вопрос Джордж.

Я загадочно улыбнулась.

– Она больше не держит меня, – произнесла я, – наверное, сейчас она держит другого.

Джордж ошеломленно кашлянул.

– Неужели... Еще одно чудо?

– Ага, – фыркнула я, – по ускоренному сценарию. Это младший брат Моро. Жорж, который, – я понизила голос почти до шепота, – умер в пятилетнем возрасте сразу после второй мировой войны. Моро всю жизнь потратил на то, чтобы дать брату еще один шанс. Он чувствовал вину перед ним.

– Понятно, – задумчиво пробормотал Джордж.

Мы надолго замолчали. Олдридж вел машину, я боролась со сном. Сегодня был тяжелый день. Еще утром я была в особняке Моро и спешила в подвал с завтраком. Я поздним вечером еду в машине по графствам Великобритании вместе с Джорджем. Кто бы мог представить!

– Приехали, – прошептал мужчина, останавливая автомобиль у высоких кованых ворот.

Я почти спала, сквозь ресницы наблюдая, как Джордж вышел из машины, что-то говорил по интеркому, потом ворота начали разъезжаться в стороны. Еще пару минут, и мы оказались у внушительного здания из красного кирпича. «Все, добрались, наконец, – подумала я сонно, – хоть куда-нибудь».

Проснувшись утром, осмотрелась. Семейный особняк Олдриджей представлял собой настоящий английский замок. Когда-то давно я побывала в подобном. Совсем чуть-чуть. Никакой вычурности, нет ни позолоты, ни мрамора, ни огромных картин, как у Моро. Все просто, даже скромно, но мне понравилось.

Нас с Жоржем поселили в одной комнате. Не знаю, что сказал слугам Джордж, но те пылинки с нас сдували.

– Нет, я сама могу одеться... И ребеночка одену тоже... Нет, не нужно проветривать... И кондиционер включать тоже...

С утра в нашей комнате, наверное, перебивал весь штат прислуги. Всем хотелось поглядеть на таинственную девушку старшего сына хозяина и (ее/его) ребенка. В конце концов, я сбежала, оставив Жоржа на попечении трех словоохотливых тетюшек. Вряд ли они что-либо выпытают у него, так как единственное слово, которое мы выучили, это – фи.

Джорджа я нашла внизу, на первом этаже. Он ходил из угла в угол, словно кого-то ждал. Когда я вошла в гостиную, глаза у его вспыхнули радостью.

– Доброе утро, – и улыбка такая солнечная, что больно

смотреть.

Я смущенно кивнула:

– Привет.

– Ты позавтракала?

– Конечно, попробовала я бы отказаться...

Олдридж виновато развел руки.

– Знаю я нашу кухарку. Она не успокоится, пока все члены семьи не будут страдать ожирением.

Мы стояли друг напротив друга и не знали, что говорить. Видимо, ему тоже было неловко.

– Пойдем в кабинет? – прошептал он заговорщицки. – Возможно, хоть там за нами не будут подсматривать.

Я испуганно покрутила головой. И увидела лишь краешек мелькнувшей одежды в глубине, под лестницей.

– Это был Лоран, – произнес Джордж, когда мы уселись в кожаные кресла. Я скептически приподняла брови, – у меня остались в Париже знакомые журналисты и лица, скажем так, с не очень чистой репутацией. Я позвонил утром.

– Но как он смог узнать, что я покинула особняк? – я не могла поверить, что человек может быть настолько одержим. Это не любовь, это патологическая одержимость.

– С его деньгами... – пожал плечами Олдридж, – он мог подкупить кого-нибудь в особняке Моро, а мог следить за ним. Не знаю... Но не переживай. Если во Франции он бог, то здесь, в Англии, обычный смертный. Законными способами он тебя не достанет, а выкрасть не сможет.

– Я должна уехать, – решительно произнесла я и встала, – не могу подвергать опасности твой дом, людей, живущих здесь. Если этот маньяк доберется сюда... Неизвестно, что случится.

– Так и знал, что тебе нельзя этого говорить, – в сердцах бросил Джордж и схватил меня за руку, останавливая, – куда ты поедешь? У тебя нет ни знакомых, ни денег.

– Деньги есть, – парировала я, – Моро оставил нам с Жоржем небольшую сумму в швейцарском банке. Что-то около двух миллионов евро. Пока нам хватил.

– Небольшую? – хмыкнул мужчина. – Странные у тебя понятия о деньгах. Но не в этом суть. Как только ты снимешь хоть что-то, Лоран сразу же узнает.

– И что? – разозлилась я. – Мне теперь вечно скрываться? Сидеть здесь, в твоём доме, всю жизнь?

Ссора набирала обороты. Не знаю, как так получилось, что прекрасный светлый кабинет превратился в поле боя. А все так хорошо начиналось...

– Тебе чем-то не нравится мой дом? – парировал Джордж.

– Мне не нравится быть пленницей, – рыкнула я, – слишком долго я была ею раньше.

– Хорошо, – тут же успокоился Олдридж, – куда ты хочешь отправиться? В Америку? В Бразилию? Японию? Выбери, я сегодня же куплю нам билеты на самолет.

– Нам? – переспросила я. – Ты что, летишь с нами?

– Конечно, лечу. Я не оставлю вас одних.

– Зачем? – вспыхнула я. – Почему? Почему ты так о нас заботишься?

Джордж замаялся. Я сама удивляюсь, что это со мной случилось. Раньше я никогда не повышала голос, никогда не кричала. Возможно, мне надоело во всем подчиняться?

– Я чувствую ответственность перед тобой, – в конце концов произнес он, – я беспокоюсь о вас.

Вот, значит, как. Ответственность. Беспокойство. Как же больно.

– Как же я устала от всего этого... – горько произнесла я, в горле стоял комок, но голос пока мне подчинялся. – Все меня опекают, думают, что я совершенно не способна сама принимать решения?!

Еще немного и я расплачусь. На что я рассчитывала, приезжая сюда? Уж конечно, не на отеческую заботу.

– Я беспокоюсь о тебе, потому что безумно люблю тебя! – выкрикнул Джордж громко.

Я ошеломленно застыла.

– Ты не можешь меня любить! Ты меня совершенно не знаешь, – не знаю, кого я собиралась уговорить, себя или его. Или просто не могла поверить в его слова. – Мы виделись два раза и сказали друг другу несколько фраз. Ты видишь лишь красивую внешность и все.

– Почему ты думаешь, что я не могу тебя любить? – невозмутимо произнес Джордж, казалось, после признания он расслабился и успокоился. – Да, это ты смотрела на меня

месяцами. Да, ты знаешь меня лучше, чем я тебя. Но это не значит, что я люблю тебя меньше. Как только я увидел тебя там, в подвале, еще нарисованную, я уже тогда влюбился. Просто я не знал, что это... Не знал, как это назвать.

Я сжала руки в замок и прижала к груди, словно боялась, что сердце выпрыгнет наружу. Он любит меня! Удивительно! Я такая невзрачная, мне всего год с небольшим, я ничего не умею и не знаю... А он. Красивый, умный, талантливый.

– Любовь разная, – продолжал Джордж, – и совсем не обязательно знать человека хорошо, чтобы влюбиться. Мне не хватит всей жизни, чтобы познать и разгадать тебя. Ты тайна. Загадка. Ты чудо, которое случилось со мной. И ты говоришь, что я не могу любить тебя?

Он замолчал. Я смотрела в пол и тихонько всхлипывала. Все эти слова... Это то самое волшебство, которое он создает. И сейчас эти слова наполнили меня до краев.

– А ты? – я подняла голову, Джордж пристально, со жгучим интересом ждал моего ответа, – я могу узнать, что ты чувствуешь ко мне?

Я протяжно всхлипнула, вытерла слезы и криво улыбнулась дрожащими губами.

– Ну за мои чувства можешь не беспокоиться. Ты единственный человек, ради которого мне захотелось ожить. Ради которого я проделала весь этот путь. Так что будь спокоен. Кроме тебя мне никто не нужен. Ты единственный человек, которого я буду любить в своей жизни. Ты же оживил меня.

Эпилог

Художник позвонил и пообещал, что приедет через час. Я положила трубку и рассеяно уставилась в окно. Год назад я сказала себе, что больше ничего никогда не нарисую на картине. Джордж даже посоветовал ее сжечь, но я побоялась. Неизвестно как отреагирует мой сын. Теперь он к ней привязан, как когда-то была привязана я. Сейчас полотно лежит в бронированном сейфе, а когда мы куда-то уезжаем с Жоржем, приходится брать его с собой. Не очень удобно, но что делать...

Мы поженились год назад. В маленькой сельской церквушке в Оксфордшире. Лаура Монтиньонес и Джордж Олдридж. А когда приехали его родители, мы уже были мужем и женой. Старший Олдридж внимательно посмотрел на меня и буркнул: «Все ясно». Пожал руку и отправился в свой любимый кабинет, пить виски. Свекровь была более словоохотлива.

– Боже мой! Моя невестка Лаура Симпсон – сама красивая женщина в мире! Да все мои подружки от зависти умрут!

– Мама, давай не сейчас, – оборвал ее Джордж, – Лаура, как бы это сказать... Скрывается. Если узнают, что она здесь, завтра же дом будут осаждать сотни папарацци. Тебе это нужно?

– Ладно-ладно! А когда будет можно? – подняла брови Карлотта.

– Мы тебе скажем, – заверил Джордж.

Можно стало лишь через полгода, когда из Франции сообщили, что Лоран погиб, разбившись на своем вертолете. Его смерть, пусть и трагична, означала конец моему заточению. Но к тому времени мне уже не хотелось свободы, обложек журналов и титула самой красивой женщины в мире. Мне было достаточно того, что я работала музой для своего мужа.

В конце концов мы переехали в Испанию. И поселились в замке Пуэрто, в Каталонии. Оказалось, что замок по-прежнему мой, в договоре купли-продажи стояла фамилия Лауры Монтиньонес. Уже тогда Моро выправил мои документы.

Лаура вернулась в свой замок. Какая ирония судьбы.

Сейчас мы втроем живем в современном коттедже, за крепостными стенами. А замок открываем для посетителей два раза в неделю. Тогда я надеваю пышное средневековое платье и вожу посетителей по коридорам и залам замка, рассказывая им разные истории. Правдивые и не очень.

– Вы так похожи на портрет девушки в картинной галерее, – один глазастый турист все же заметил сходство.

– Конечно, – улыбнулась я, – она моя дальняя родственница.

– Бывает же такое, – ахнули все, – столько лет прошло, а сходство поразительное.

– Магия...

Маленький Жорж пошел в школу. В Англии мы наняли няню, да и я усилено занималась с ним, обучая чтению, пись-

му. А Джордж взял на себя обязанности учителя физкультуры. Так что здесь, в Каталонии, он почти догнал своих сверстников. Не знаю, когда я расскажу ему правду о его рождении, и расскажу ли ее вообще...

Но когда-нибудь он меня спросит, почему не может находиться далеко от дома. Почему я всегда беспокоюсь и часто звоню, когда он в школе. Почему не разрешаю ему далеко уезжать на экскурсии с классом. Он почти забыл время, когда был в картине. И слава богу, зачем ему эти ужасы.

Джордж сегодня уехал в Мадрид на выставку своих книг. Я всегда езжу с ним, но сегодня почему-то с утра плохо себя чувствую. Тошнит и хочется спать... Непонятно.

– Мадам, – в комнату постучалась Джемма, наша прислуга, – там к вам художник приехал. Я проводила его в кабинет.

– Спасибо, – ответила я, – принеси нам чаю.

Правильно ли я поступаю? Меня до сих пор гложет сомнение. Но у Жоржа впереди вся жизнь, не хочу, чтобы он был связан по рукам и ногам. Не хочу, чтобы он чувствовал себя в плену, как я когда-то...

Художник, которого мне посоветовала Мартин, оказался молодым черноволосым человеком. Живой подвижный, он не стоял на месте, а уже принялся осматривать наши картины, книги на полках...

– Добрый день, – я с улыбкой протянула руку для пожатия. У юноши заблестели глаза.

– Боже мой! – воскликнул он, – какая же вы красавица.

Неудивительно, что вы хотите написать свой портрет. Для меня будет счастьем рисовать вас.

Я тихо рассмеялась.

– Нет-нет. Я пригласила вас не для этого... Я хочу, чтобы вы нарисовали пейзаж на моем холсте, – я подошла к столу и достала полотно из ящика, – вот на этом.

Художник развернул холст и принялся внимательно рассматривать его, проводя руками по ткани, словно лаская.

– Прекрасная основа, – восхищенно выдохнул он, – и что вы хотите увидеть на нем?

Я на мгновенье задумалась.

– Я хочу увидеть море, солнце, облака, птиц. Хочу увидеть свой дом, счастливый дом. Да, – я вся вспыхнула, придумав нужное слово, – я хочу увидеть счастье.

– Мадам, – молодой человек удивленно приподнял брови, – я нарисую все, что вы перечислили, но как нарисовать счастье?

– Вы рисуйте, – улыбнулась я, – а счастье придет само.

Я повешу ее в гостиной. И каждый день буду любоваться морем, солнцем, этим прекрасным миром, куда я попала, где я сейчас живу. Пусть картина наполнится моей любовью.

Я не буду ее прятать в сейф. Пусть она будет открыта для всех. И каждый, кто увидит ее, будет восхищаться. И тогда здесь воцарятся мир и покой. Наши дети будут передавать ее из поколения в поколение, и счастье не покинет этот дом никогда.

Конец